Ис. Ф. БЫКАДОРОВ.

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

Кн. I.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА. ВОЗНИКНОВЕНИЕ РЕСПУБЛИК ВОЛЬНОГО КАЗАЧЕСТВА — ДОНСКОГО, ВОЛЖСКОГО. ЯИЦКОГО И ТЕРСКОГО ВОЙСК. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ИХ БЫТИЯ В ПЕРИОД ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ (1549—1671 г.).

„БИБЛИОТЕКА ВОЛЬНОГО КАЗАЧЕСТВА—ВІЛЬНОГО КОЗАЦТВА"
ПРАГА.
1 9 3 0.

Введение

Под словом — Казачество разумеют различные явления и различные народности (сословия, общины — по разному определению) Востока Европы.

Казачество — одна из составных частей Русского (Киевского) государства, часть военной его системы (черные клобуки, или черкасы). Таково же Казачество в государственной системе Золотой Орды, во время владычества монголов на Востоке Европы. Казачество — часть военно-поместной системы Польско-Литовского и Московского государств (городовые какаки). Казачество — особая форма государственного бытия и особое содержание его на Востоке Европы в 16-17 ст. (Вольное Казачество, республики его — Донское, Яицкое, Волжское и Терское Войско). Казачество — государственная программа Украины в борьбе за независимость; оно — социально-экономическая программа населения Московского государства (Смутное время, Разиновщина). Казачество — особая военная система и особое положение особого организма в составе Российской империи.

Таким образом, Казачество — и элемент и фактор исторической жизни Востока Европы.

До последнего времени Казачество, как элемент, существует ввиде казаков донских и происшедших от них — терских, яицких, астраханских, оренбургских, кубанских (линейцев), казаков Сибири и Туркестана. Существуют казаки и иного происхождения, самобытного и независимого от донских — казаки кубанские-черноморцы, потомки запорожских. Мало того, в составе казачьих Войск, народных организмов, существовали: казаки — калмыки, татары, киргизы, осетины, буряты и т. д.

Казачество, в широком смысле, не только форма свободного сожительства различных народностей в одном целом, но и

особая идеология и психология этого сожительства. Казачество — основы особой государственности Востока Европы, противоположные по своему содержанию — Русским.

Для понимания всякого физического составного тела необходимо определение его составных частей (элементов), из которых оно образовалось; тогда становятся ясны не только свойства и качества целого, но становятся ясными явления и действия с ним происходящие или долженствующие (и могущие) произойти.

Так и для понимания Казачества и прогноза будущих явлений и действий, необходимо, прежде всего, определение составных его частей (элементов), из которых оно образовалось в XVI в. в виде Вольного Казачества. Составные части народного организма могут быть постигнуты лишь во времени, через изучение истории их.

Определение составных частей (элементов) Вольного Казачества XVI ст., условий осуществления им независимой государственной жизни и основ его в период независимости и составляет предмет I-й книги нашего труда.

Ряд русских, украинских и казачьих историков (Татищев, Карамзин, Арцыбашев, Полевой, Устрялов, Морошкин, Максимович, Костамаров, Пудавов, Савельев, Голубовский, Щербина и др.) считали Казачество более древним явлением, чем Батыево нашествие, т. е. установление владычества монголов на Востоке Европы.

Основным элементом, из которого образовалось Казачество, как народный организм, одни из них считали — черных клобуков, или днепровских черкасов; а другие — население Тмутараканского княжества.

С середины приблизительно прошлого столетия утвердилась новая теория (Соловьев, Иловайский, Ключевский, Платонов), теория о происхождении Вольного Казачества из беглого московского населения и вообще из коренного населения лесной полосы (великоруссов) Востока Европы, осуществлявшего такии путем и свои колонизаторские устремления.

Основоположником этой „русской“ теории происхождения Казачества был В. Броневский, выпустивший в 1834 г. труд — „История Донского Войска“.

На истории появления этой теории мы остановимся в своем месте.

Но первая группа историков, ставящая происхождение Казачества в связь с историей степной полосы, не устанавливает преемства Вольного Казачества XVI в. ни от черных клобуков (черкасов), ни от населения Тмутараканского княжества; а вторая группа не приводит никаких — ни прямых, ни косвенных исторических документов в подтверждение своей теории о происхождении донских и других казаков от коренного московского населения (великоруссов).

Изучение истории Казачества затруднено тем, что не сохранилось исторических документов государств, существовавших в степной полосе — Хозарской империи, Тмутараканского княжества, Золотой Орды (столицы ее г. Сарая), Крымского и Астраханского царств и турецкой крепости Азова: архивы, имевшиеся в них, погибли.

Исторические документы архива Посольского Приказа (Гл. Арх. М. И. Дел в Москве), заключающие дела крымские, ногайские, донские и турецкие за наиболее интересное время — XV-XVI ст., не только не были достаточно изучены, но и не были еще идостаточно исследованы.

Вероятно, что в архивах Константинополя и городов Анатолии имеются исторические документы еще времен Византии, исключительной ценности для освещения истории Казачества, эпохи, когда для Московского государства степная полоса, в частности Подонье, становилась — „земля незнаваема".

Но русские историки не пытались проникнуть в эти архивы.

Большим несчастьем для Казачества является то, что архив „главного войска", т. е. столицы Донского Войска, г. Черкасска был уничтожен в 1643 г., во время занятия и уничтожения турками всего города. Окончательно погиб донской архив со всеми регалиями и реликвиями во время пожара Черкасска в 1744 г., когда сгорело девять десятых города.

Выпуск настоящего труда возможен лишь благодаря тому, что изучение истории Казачества, изыскания и собрание материалов мной начаты были еще в 1912 г., в условиях, далеко отличавшихся от эмигрантских. К сожалению, вывезти удалось далеко не все: пропала, например, копия с надписи на колоколе, сохранявшемся в одном из приволжских монастырей, устанавли-

вающей, что он пожертвован был донскими казаками в память Куликовской победы над „агаряны", пропал ряд и ценнейших выписок из документов и ряд самих документов. Некоторые пробелы в труде являются следствием утраты их; восстановить же все в заграничных библиотеках, естественно, не представляется возможным.

Список основных источников под общей нумерацией приложен в конце книги. В тексте под заголовками глав указаны лишь одни №№ основных источников, которые таким образом и могут быть легко найдены в приложенном списке.

ИС. БЫКАДОРОВ.

ГЛАВА I.

Основные черты исторической жизни на Востоке Европы до образования Русского (Киевского) государства.

(Осн. ист. №. 1-19).

Восток Европы в географическом отношении представлял и представляет две полосы, существенно отличающиеся одна от другой. Ко времени возникновения Русского государства, т. е. около середины IX в. по Р. Х., граница, разделявшая эти полосы, начинаясь у подножий Карпатских гор, проходила южнее г. Киева и г. Воронежа и далее, проходя в общем на восток, изгибаясь то к северу, то к югу, упиралась в р. Волгу севернее Волго-Донской переволоки. К северу от этой границы простирались леса, а к югу — степи.

Леса были и в степной полосе, но в виде отдельных островов и узких полос — по течению р. р. Днепра, Дона с Донцом и по их притокам, леса исключительно лиственные.

Степи в чистом виде были лишь к югу от нижней части р. Дона, доходя до Кавказских предгорий, Каспийского моря и нижнего течения р. Волги. К востоку от последней они простирались до подножий Уральских гор и через промежуток между ними и Каспийским морем соединялись с беспредельными степями Сибири и Туркестана.

Эти две полосы, две различных стихии — леса и степи, оселенные различными народами за сотни лет до Рождества Христова, до образования Русского государства имели каждая свою жизнь, особую историю.

С древнейших времен степная полоса, ограниченная с севера лесами, с юга Черным и Каспийским морями и Кавказским хребтом между ними, служила географическим корридором, через который на протяжении многих веков продвигались различные племена и народы при своем переселении с востока на запад, из пределов Азии в Европу, вызывавшимся геологическими, климатическими катастрофами и другими различными причинами.

Простиравшаяся к северу от нее лесная полоса являлась непригодной не только для поселения в ней народов скотовод-

ческих, вследствие отсутствия там пастбищ, болотистости почвы, климатических условий, но и мало доступной для проникновения в нее народов степной полосы.

Новые народы при переселении своем из Азии, в поисках земель и благоприятных условий для оседания, вынуждены были задерживаться к востоку от р. Волги, в районах далеко не благоприятных для жизни. Причиною этою было противодействие народов, уже сидевших к западу от Волги и Дона.

Для продвижения далее на запад новому народу приходилось вести упорную, часто весьма продолжительную вооруженную борьбу. Она являлась и неизбежной для него потому, что из пределов Азии часто давил уже новый переселенческий сдвиг.

Поэтому как для народов, прочно осевших между Днепром и Доном, так и для продвигавшихся из-за Волги, т. е. для оказания сопротивления и для преодоления его, необходима была вооруженная сила. Наличие и качество ее в ту историческую эпоху определялись существованием определенной народно-хозяйственной деятельности, быта, военного преемства*) и качествами самого народа.

Вооруженная борьба, в свою очередь, в своих интересах вызывала приспособление и народо-хозяйственной деятельности и быта, влияя на выработку и самого характера народа.

Вооруженная сила являлась необходимейшим элементом для народов, потому что успехом ее и определялась возможность существования в степной полосе.

Поэтому почти все народы, обитавшие в последней, отличались воинственным характером, обладали военным преемством и соответственным бытом. Каждый народ, обитавший в ней, обычно в целом представлял из себя постоянное войско, если когда и образовывались сословия, то военное являлось господствующим. Кочевые народы, приходившие из Азии, уже содержали в себе все необходимое — и организацию, и быт, и воинственный характер; в степной полосе они лишь получали развитие.

Прекращение на продолжительное время новых переселенческих потоков из Азии, близость к степной полосе цивилизованных стран древнего мира, морских путей к ним, способствовали возникновению оседлости, земледелия и торговли, чему благоприятствовали и географические условия**); что вело к значительному культурному развитию народов степной полосы, а при наличии других условий, и к переходу их к государственным формам существования.

---

*) Знание ратного дела, наличия соответственных организационных форм войска, уменья создавать орудия и средства борьбы и т. д.

**) Но и в этом случае внешняя безопасность для государства в степной полосе не представлялась обеспеченной, вследствие ударов наносимых из-за Кавказских гор.

На протяжении $1^1/_2$ тысячелетий до образования Русского (Киевского) государства в степной полосе, в пределах от р. Волги и до Днестра, одно после другого существовали государства: Скифское, Боспорское (в приморской части), Сарматское, Готское, Гуннское, государство Антов (уже чисто славянское), Аваров и, наконец, в середине VII века по Р. Х. образовалась Хозарская империя, или каганат.

Общей, как бы, исторической закономерностью, образования государств в степной полосе и развития их было то, что часть народов, ранее существовавшего государства, входила в состав вновь образовавшегося, чем и обеспечивалась государственная и культурная преемственность во вновь образовавшемся государстве.

Старые народы, уже бывшие оседлыми, земледельчискими, торговыми, достигшими значительного культурного развития, являлись передатчиками пришедшим новым народам достижений древних цивилизаций, часто уже достаточно претворенных в самих себе. По установлении прочного гасударственного бытия в новом государстве, народы, пришедшие из пределов Азии, подвергались затем и непосредственному влиянию и воздействию культурных народов древнего мира.

Источниками этих влияний и воздействий на народы степной полосы были: Греция, Персия, Армения, отчасти Рим, Арабский Калифат и преемница Греции — Византия.

По широте и глубине влияния греческий (эллинский-византийский) мир, благодаря непрерывности, географической близости, являлся господствующим, главным в степной полосе.

Таким образом, народы, передвигавшиеся из пределов Азии, воздействию и влиянию европейской цивилизации (греческой и др.) впервые подвергались во время оседания своего в степной полосе Востока Европы; эта степная полоса являлась как бы аванпостом цивилизаций Зап. Европы (Греции, Рима).

Государства, существовавшие в степной полосе, представляли из себя сожительство народов: каждый из них сохранял свой язык; свои племенные, народо-хозяйственные, бытовые и религиозные основы и особенности; имел свое управление и устройство; едины были лишь высшая государственная власть и источники культурных влияний.

В степной полосе существовала преемственно во всех государствах в течение почти $1^1/_2$-а тысячелетий государственная форма, которую на современном языке можно назвать федерацией народов.

Наблюдается также историческая закономерность и в распаде, исчезновении государств в степной полосе. Причиной этого являлось не изживание ими самих себя, не естественная смерть вследствие старости, а передвижение в пределы Зап. Европы большинства народов из степной полосы и потому происходив-

ший физический распад государства, или покорение его новым народом.

Исторические исследования прочно устанавливают весьма древнее пребывание славян в степной полосе и вхождение их в состав государств, существовавших в ней: в Сарматское, Остготское, Гуннское, Аварское, государство Антов, передвижение большей части их на запад и пребывание после того в степной полосе оставшихся.

Славяне в степной полосе, являясь давними коренными обитателями ее, достигли значительного культурного развития, являлись оседлыми земледельцами, развита была у них и торговля.

***

Лесная полоса на протяжении многих веков была вне постоянной, прочной связи и влияния народов из степной полосы: они были случайными, эпизодическими.

Проникновение в лесную полосу различных финских племен (монгольской расы) и оселение ими ее началось задолго до Р. Хр.; оно шло из Азии, вероятно, через Уральские горы и, распространяясь по притокам верхней Волги, через переволоки и реки, впадающие в Балтийское и Белое море, дошло до их побережий. Эти племена не принесли с собою в лесную полосу земледелия, так как не знали его, а без него они не могли перейти и к прочной оседлости.

Основные источники существования этих племен: звероловство, охота и рыболовство (на крайнем севере и оленеводство) требовали периодического передвижения в интересах лучшего обеспечения пропитанием, что и являлось главным препятствием к усвоению постоянной оседлости.

Эти условия и были главными причинами того, что ко времени образования Русского государства, большинство финских племен в культурном отношении было не выше бродячих племен, существующих и ныне в лесной полосе Сибири.

Оселение восточной части лесной полосы (приблизительно среднего Поволжья на восток до подножий Урала), начавшееся около Р. Хр., было значительно позднейшим в сравнении с финским. Распространение тюркских народов шло от Каспийского моря. Эти народы под влиянием культурных воздействий, шедших от низовьев Волги и Дона, достигли значительного развития, были оседлыми и земледельческими.

Наибольшего развития из тюркских народов, обитавших по Волге, достигли камские болгары, являвшиеся народом оседлым, земледельческим и торговым. Перед образованием Русского государства они стали осваивать финские племена, подчиняя их своему культурному влиянию.

Славянские племена в лесную полосу проникли с юго-запада из Карпатско-Днепровских областей. Переселение их, вызванное передвижением остготов, а затем гуннов и аваров, яв-

ляясь вынужденным, происходило в V-VII столетии после Р. Хр. Перенесение ими в лесную полосу занятия земледелием явилось для них и вообще народов лесной полосы фактором исключительного значения: земледелие определило в ней оседлый быт славян, культурное превосходство над финнами и победу их над ними.

Но существование земледелия в лесной полосе в то время, связанное с необходимостью приискания сухих и свободных от леса площадей, вело к разброске и разрозненности славянских племен; внешняя опасность, которая могла бы побуждать к сплочению, отсутствовала.

Лесная полоса своими составными элементами (реками, озерами, болотами, лесными дебрями) и свойствами (болотистой почвой, климатом) очень долго обеспечивала обитателям ее внешнюю безопасность со стороны народов, живших в степной полосе (от их конного войска).

А это историческое условие (отсутствие внешней опасности) повело к вырождению у славян лесной полосы воинственности в характере, к потере военного преемства и т. д.

Новая лесная стихия, определив, если не новую народнохозяйственную деятельность, то формы и об'ем ее (исключила скотоводство), вызвала изменение и самого характера славян лесной полосы, их быта, повлияла на видоизменение и народных верований и религиозного культа.

Борьба у них не выходила из пределов распрь и раздоров между своими племенами, т. е. с равными противниками, с равными средствами борьбы и с соседними финскими племенами, еще более слабым и беспомощным народом, чем были сами славяне лесной полосы.

И русская начальная летопись, и другие источники, и самый ход развития Русского (Киевского) государства обрисовывают славян лесной полосы народом мирным, пассивным, не обладавшим способностью к созданию вооруженной силы, мало способными к сопротивлению.

Из всех восточных славян лесной полосы, исключение представляли словены (ильменские, или новгородские славяне).

Поселение по водным путям, ведшим в Балтийское море, влияние и воздействие варягов (норманнов), трудность существования одним только земледелием, — вызвали занятие торговлей, промышленную деятельность, и привели к выработке особого характера у них, особых форм народного устройства.

Но внешняя безопасность для славян лесной полосы, обеспечивавшаяся естественными условиями, не являлась фактором постоянным: лесная полоса не представлялась стихией, совсем непреоборимой для народов степной полосы.

После образования в последней Хозарской империи, после государственного упрочения ее, развития торговли, усвоения

судоходства, проникновение в лесную полосу для народов ее сначала с торговыми целями, а затем и с целью подчинения племен, населявших лесную полосу, не представляло особых затруднений.

Р. р. Днепр, Дон с Донцом и Волга, протекающие через лесную и степную полосы, явились естественными путями проникновения и внесения воздействий из степной полосы в лесную со стороны хозар; а реки, впадающие в Балтийское море, со стороны — варягов (норманнов).

Перед образованием Русского (Киевского) государства славяне ильменские бывали периодически в зависимости от варягов, платя им дань; славянские племена: северяне, поляне и радимичи уже, более или менее, прочно входили в состав Хозарской империи, были уже под культурным влиянием ее.

Различия в географических и исторических условиих существования, в народно-хозяйственной деятельности, быте, религиозном культе, в культурном развитии и в самом характере, вследствие неизбежного смешения с соседними народами (в лесной с финскими, в степной — с тюркскими племенами) уже заключали исторически складывавшиеся предпосылки для образования из славян степной и лесной полос родственных, но особых народов еще до возникновения Русского (Киевского) государства.

Культурным развитием, государственной преемственностью обладали славяне лишь степной полосы и камские болгары, прочно и длительно входившие в состав государств, существовавших на Вост. Евр., они только и могли стать основой новых самостоятельных государств. Славяне же лесной полосы, как и финские племена, могли послужить лишь материалом для развития образововшегося государства.

Таким образом, с VII ст. по Р. Хр., после образования в степной полосе Востока Европы Хозарского государства наступила новая эпоха: освоение народами из степной полосы лесных областей, вхождение в государственную систему Хозарской империи среднего Поднепровья и Поволжья, культурное развитие народов, живших в них. Это являлось необходимой исторической предпосылкой образования из них в IX ст. самостоятельных государств — Русского (Киевекого)*) и Камской Болгарии на основах государственной и культурной преемственности от Хозарской империи,

*) Необходимо различать понятия: государство Русское (Киевское) и Российское. Первое образовалось в IX ст. по Р. Хр. в бассейне р. Днепра, захватывая степную и лесную полосы, и существовало до татарского нашествия. После для областей его в русской исторической науке установился искусственный термин: Русь Юго-Западная. Преемницей этого Русского (Киевского) государства является Украина. Из колоний Русского (Киевского) государства на северо-востоке образовалось ряд княжеств, главным из них являлось Московское. Эти княжества у русских истори-

ГЛАВА II.

Славяне-руссы и тюрки в составе Хозарской империи.

(Основн. ист. №№ 1-23).

Около середины VII века после Р. Хр., т. е. за два с лишним столетия до образования Русского (Киевского) государства, после ухода различных народов (гуннов, а после болгар и аваров) в пределы Зап. Европы, в степной полосе Вост. Европы образовалась Хозарская империя, или каганат. Оставшиеся народы и внесли необходимую преемственность для образования нового государства. В течение двух-векового существования Хозарской империи, после ее образования, не было нового переселенческого передвижения с востока, она подвергалась ударам только из-за Кавказских гор.

При установившемся затишьи в степной полосе, по установлении тесного общения с Арабским Калифатом и Византией, Хозарская империя достигла значительного торгового и культурного развития. В ней переплетались и боролись влияния двух государств, двух культур — арабской и византийской, с преобладанием первой по р. Волге, а второй — в Крыму, по Днепру и к западу от него. Дон же и Прикавказье входили в сферу влияния и арабов и византийцев.

К концу VIII в. Хозарская империя достигла наибольших своих пределов и наибольшего своего могущества и расцвета. Пределы ее на запад простирались до р. Днестра, на восток за р. Волгу, доходя до р. Урала и Уральских гор, на севере же включала часть лесной полосы (полян, северян, радимичей), углубляясь вверх по Волге до самой р. Камы.

Территориальным ядром Хозарской империи являлся район между нижним Доном и Волгой, простиравшийся на юг до Кавказского хребта и на запад. до Азовского и Черного морей.

На этой территории жили тюркские и другие народы, страны которых у писателя той эпохи, византийского императора

ков нашли обобщающее название Руси Юг.-Вост. — из них возникла Великороссия (Россия).

Особым миром от последней являлись республики — Новгородская и Псковская, хотя с народом и родственным, но с особым характером, психологией, народной деятельностью и устройством. Только после разгрома их в конце XV и в начале XVI ст. Московией, их можно относить к Руси Северо-Восточной или Московской.

Российское государство возникло во второй половине XVII ст. после того, как династическую унию с Московским государством (под главенством Московской же династии Романовых) приняла Украина (1654 г.) и Донская и другие казачьи республики (1673 г.). В начале XVIII столетия Российское царство превратилось в империю.

С того времени название — русские приобрело государственно-политическое значение для населения этих трех составных частей (народов их), а позже и для других.

Константина Багрянородного (948 г.), носят названия по названию народов (считая от Черноморского побережья): Чигии, Казахии (Казакии), Папагии, Абхазии. На основании различных исторических данных *), можно сделать вывод, что в составе Хозарской империи перед образованием Русского (Киевского) государства, были 2 страны: 1) Казахия (с Чигией), простиравшаяся от Азовского и Черноморского побережий на восток до верховья р. Маныча а на юг — до Кавказского хребта, на севере же в нее входил Дон до переволоки. Население Казакии состояло из разных народностей, в том числе и славянской, но главными по численности и господству являлись тюркские. Как увидим дальше, для всех живущих здесь тюркских народностей было обобщающим названием — и казахи, и чиги, и черк-асы **), и кабары (кабарда); в государственном смысле они назывались хозарами. Этническое происхождение народов Кавказа нет возможности установить и в настоящее время, а тем более установить точно, какие были народности в Казакии в IX ст.

Казахи (черкасы, кабары) жили и к западу от низовзев Дона по Азовскому побережью и по среднему Дону между Волгой и Доном, а также и в Крыму.

В Крыму, кроме черкасов (казахов), жили остатки готов и болгар; последние представляли смещанный славяно-тюркский народ; жили они в Крыму и в ближайшей области к северу от него, в Сурии, или Сирии (по р. Суре, впадающей в Днепр). Эти болгары говорили славянским языком, они имели свою письменность; у них Св. Кирилл во врéмя пребывапия в Крыму и позаимствовал азбуку (письменность), которую только усовершенствовал.

Другая страна, лежавшая к востоку от Казакии, простиравшаяся до Каспийского моря, и называлась Аланией, в ней также жили разные народности, но главными по численности были народности иранского (ироны) (персидского происхождения и готского). Современник той эпохи Аммиан Марцелин писал: „аланы несколько белокуры, высоки ростом, красивы все без из'ятия, считыют рожденными себя от благородной крови". Вероятно эта характеристика дана была господствующей неродности и, судя по белокурому цвету волос, ею были или готы, или славяне. Аланы назывались асами (в русских летописях: осами, ясами).

---

*) Историки XVIII ст. Любенский, Крамер, Солиньяк и другие предполагали, что казахи были тюркской народностью родственной половцам. В Азовской истории казахи признаются коленом хозарским. Синопсис Российский производит казахов из племени рокс-алан. Проф. Рейт производил казахов от алан, смешавшихся с готами.

**) О черкасах впервые упоминал римский писатель Птоломей (II в. по Р. Хр.), писавший что по Вардану (Кубани) жил народ серасу. О тождественности названий чиги, казахи (кайсаки), кабары будет подробно сказано в гл. X.

В устьи Дона в пределах Казакии был расположен г. Артана (Тана) или Руссия, он лежал на важнейшем мировом пути, через него производилась торговля по Дону и далее по Волге, со странами Востока; шел путь и по Манычу, в то время судоходному, к Каспийскому морю. Другой город Казакии — Тмутаракань (Матарха) лежал в устьи Кубани.

По средней Волге и вверх по ней до самой р. Камы жили также тюркские народности: буртасы, венгры, камские болгары (к вост. от Волги), мордва, черемисы (к зап.).

Собственно хозары первоначально представляли из себя отдельное тюркское племя, которое, став во главе государства, превратилось в сословие и растворилось как народность. Хозарами в государственно-политическом смысле назывались все тюркские народности, жившие между Каспийским и Черным морями. Таким образом черкасы (казахи) назывались также и хозарами.

Первая столица Хозарии — Семендер, лежала на западном побережьи Каспийского моря (близ тепер. Дербента), но из за ударов арабов перенесена была в устье Волги — и носила название Итиль и Балангиар.

Этот город лежал на мировом торговом пути того времени из Европы в Азию. Другим важным торговым городом Хозарии был Камский Болгар, лежавший ниже впадения р. Камы в Волгу. Через этот город велась торговля Итиля и Русии с приуральскими народами металлами и ценнейшим товаром того времени — мехами. У камских болгар, кроме торговли, процветало и земледелие*). Камская Болгария, игравшая громадную роль в жизни Хозарской империи, являлась довольно отдаленной окраиной ее.

Через камских болгар**) началось приобщение к Хозарскому государству и других тюркских и финских племен лесной полосы — мордвы, мещеры и мери (последняя народность являлась уже тюркско-финской).

***

В состав Хозарской империи входили и славяне степной полосы Востока Европы, носившие у историков название: антов, тавро-скифов, а после и руссов.

Обитатели славяне-руссы и в бассейне среднего и нижнего Дона, и на Азовском побережьи, и в Крыму, и в пределах Казакии.

---

*) Тюркские народности назывались общим именем аров, с присоединением определяющего слова: ав-ары, каб-ары, болг-ары, хоз-ары. Слово хоз видимо имело понятие гоеподина, этот корень находится в слове: хоз-я-ин. Хозары имело смысл — господствующее ары, великие — ары.

**) Согласно русской летописи, в XII ст. в один из неурожайных годов вся Суздальско-Владимир. область прокормилась хлебом из Камск. Болгарии.

Вот сведения о славянском племени — русь (руссы) историка С. Соловьева*): „Арабский писателя Табори... упоминает о руссах вместе с казарами в 642 г. по Р. Хр. Обыкновенно думают, что греки в первый раз познакомились с Руссами только после Аскольдова похода". С. Соловьев, сомневаясь в том, говорит: „В Паралипомене Зонары жительство руссов полагается на берегах Черного моря (Чтен. Московск. Имп. Общ. год. III № 1), там же полагают Русь и Арабские писатели. По Мукадези Руссы живут на островах Вабия**), число их простирается до 100 тысяч, у них нет ни хлебопашества, ни скотоводства. По словам Демешки, Руссы получили свое название от города Руси (Russija), находящегося на берегу моря к северу от них, т. е. Черного. На этом море 7 островов, обитаемых разбойниками-руссами.

Едризи также упоминает о гор. Руссии: „от гор. Матерхи до г. Руссии 27 миль, последний лежит на большой реке, вытекающей из горы Кукайя***). По Али-бен-Саид-Махмеди г. Руссия, главный город Руссов, находится на берегах Азовского моря. Ибн-ель-Варди, при исчислении городов на Черном море, называет г. Руссию.

Такие согласованные свидетельства оспаривать трудно, а, главное, нет нужды: древнее пребывание руссов на берегах Черного моря только об'ясняет нам некоторые летописные известия, не противореча ни одному из них", — делает заключение историк С. Соловьев.

Приведенные сведения не являются полным и не разрешают главного вопроса — племенной принадлежности руссов. Ниже мы приводим дополнительные сведения, устанавливающие безусловную принадлежноссь руссов к славянам †).

Арабские историки Истархи и Ибн-Хаукал говорят, что русь (руссы) состоит их трех племен: царь первого из них живет в Куябе (Киеве), второго в Славии (в Новгороде) и третьего в Артане*) (Руссии).

Истархи указывает, что г. Артана находится между Хозар-

---

*) Основн. ист. № 6. С. Соловьев, стр. 336-7.

**) Острови Вабия — острова, образуемые устьями р. Кубани; вероятно, здесь был просто лагерь руссов, исходное место для морских набегов.

***) Кукайя-гир, как видно из кн. Больш. Чертежу (втор. пов. XVI в.), разывается возвышенность, с которой берут начало р.р. Маныч и Кума. Это же название Mt. Kokaiger на той же возвышенности значится на франц. карте 1761 г. (pl. 16). Вероятно, что Маныч в то время был судоходен, вдоль его шли караванные пути к устью Волги, стол. Хозарии — Итилю. Устье р. Дона ошибочно было принято за устье р. Маныча.

†) № 13. Гаркави.

*) Тана — город, греческая колония в устьи Дона. существовавшая еще до Р. Х., разрушенная Атиллой и впоследствии восстановленая. Ар — тюркское слово, видимо обозначавшее общее название тюрков. Артана — тюркская (хозарская) Тана, название того же г. Руссии. Местоположение вблизи теперешнего Азова, где Елисаветинская станица.

ской и Дунайской Болгарией. Если мы будем принимать в расчет не изменявшуюся западную границу государства, а его столицу Итиль (в устье Волги), то между ней и Дунаем как раз и должна была лежать Артана, где другие писатели указывают Руссию; очевидно, что это разные названия одного и того же города.

Таким образом, Истархи устанавливает принадлежность племени Русь (руссов) к славянам. Существование своей народной власти в Артане (Руссии) в виде ли царя, князя, или старейшины не только не противоречит государственной системе Хозарской империи, в которой каждый народ (чиги, казахи, папаги, абезги, камские болгары, буртасы, алане и др.) имел свое устройства и свою власть, а напротив находится в полном соответствии с нею.

Арабские историки Бамбури и Табори свидетельствуют, что славяне жили в землях хозар и вождь их Марван после удачного похода своего в Хозарию увел 20.000 славян в плен и поселил их в Кахетии. По историческим условиям увести пленных славян, равно и другой народ, он мог лишь с Приазовья и Нижнего Подонья.

Арабский географ Масуди, лично посетивший (X в.) Приазовье и Подонье, говорил*): „Между большими и известными реками, впадающими в море Понтус (Черное) находится одна, называемая Танаис (Дон), которая проходит с севера. Берега ее обитаемы многочисленным народом славянским и другими народами, углубленными в северные края". Ибн-Раста также определенно говорит, что г. Тана (Руссия, Ар-тана) населен руссами (русью).

О походах руссов по Волге и Каспийскому морю в 913 и 943 годах по Р. Хр. было известно, но от позднейших писателей. Труд арабского писателя Московехи, недавно открытый, является первоисточником описания похода**).

Описание защиты г. Берды в этом труде основано на показаниях участников ее. Взятие этого города руссами, владение им в течение полугода, значительные силы, потребовавшиеся для борьбы против них (свыше 30 тысяч войска), указывают на организованность и достаточную численность войска руссов.

Эпидемия, наступившая среди победителей-руссов, сыграла в отражении их не меньшую роль, чем собранные Арраком вооруженные силы. Внешность руссов обрисована Московехи такой же, как и у других арабских писателей: руссы были высокого роста, светловолосые и светлолицые; носили короткую одежду, вооружены были боевыми топорами и обоюдоострыми мечами с волнообразным лезвием. Эти мечи указывают на не-

*) № 13 Гаркави, стр. 140.

**) Сообщение проф. Флоровского в „Обществе изучения Казачества" в 1926 году в Праге.

сомненную торговую связь руссов Казакии с Киевом, так как это оружие было франкского типа и производства и через него, как торговый пункт, попадало на восток*).

Отличительными чертами руссов Московехи отмечает особую их храбрость и великодушие к побежденным. Это свидетельство, как исходящее от защитников г. Берды, противников руссов, заслуживает особого доверия. Тождественные сведения дают и другие арабские писатели. Арабский писатель Масуди устанавливает очень близкое родство руссов с восточными славянами, указывая что они говорили на одном языке с последними, но на разных наречиях. Это является свидетельством, что оторванность руссов от других славян (от славян лесной полосы) было давним, а тесное общение их с другими иноплеменными народами было тесным.

Исторические указания иностранцев на существование в устьи Дона города под названием Руссии встречаются в документах и позднейших, относящихся уже ко времени господства в степной полосе Вост. Европы половцев.

В 1170 г. Византийский Император Мануил, давая генуэзцам разрешение на торговлю с городами на Черноморском побережьи, указывает г. Матарху, а после него г. Руссию. На карте Эдризи, составленной по сведениям арабских географов в половине XII века близ устья р. Дона, названного Русской рекой, показан г. Руссия.

Все эти данные указывают на несомненное существование и в XII веке города в устьи Дона или близ устья его, но если он и носил в то время уже новое название (Руссия, Артана — получила с 1068 г. название Азова, по имени половецкого хана Азуфа), то старое название (Руссия) указывает на прочность и широкую известность его.

Таким образом прибывание славянского племени Русь на территории Казакии (и Чигии): по Азовскому побережью и в нижнем Подоньи, существование в составе Хозарской империи г. Русии (Артаны) в низовьи Дона на основании исторических данных является несомненным. Можно думать, что смешение руссов с казахами назалось еще в то время, в пориод более чем 2 векового прибывания в составе одного государства — Хозарского.

***

Приведенные выше сведения арабских писателей относятся к руссам, жившим в Приазовьи, относительно же руссов, живших к западу от Донца и низовья Дона они не упоминают, т. к. эти области на запад до Днестра, носившие название со времени существования Скифского государства — Великой Скифии (по русской летописи Скуфь), были вне поля зрения арабских путешественников.

*) По свидетельству нач. летописи Киев платил такими мечами дань.

Занимая исключительно выгодное положение (по наличию речных и близости морских путей), Великая Скифия по плодородию тучного чернозема, достаточному обилию атмосферных осадков, представляла особые выгоды для занятия и скотоводством и земледелием, а близость к морским путям давала большие и торговые выгоды. В этой области (Великой Скифии) последовательно размещалось ядро Скифского, Остготского и Гунского государств; она всегда была оселенною.

Позже, во время существования Русского (Киевского) государства, Великую Скифию занимали печенеги, а потом половцы. За обладание этой территорией шла упорная борьба между многими народами на протяжении многих веков. Эта обширная область, конечно, не могла быть никем не занятой, не оселенной перед образованием Русского государства.

Во времена существования Хозарской империи Великая Скифия и все Азовское побережье были заняты славянскими племенами, общим названием которых было руссы (русь), о чем имеются многочисленные сведения и у римских и особенно у византийских писателей того времени.

Римские писатели III ст. по Р. Хр. говорят, что во времена имп. Диоклитиана, персидский принц Орис, воюя с своим братом, привлек на свою сторону саков, гетов и руссов *).

Раз существовало название русь в первые века христианства, хотя бы у части славян, то оно легко могло быть перенесено на запад при передвижении славян с готами, гуннами, перейти в географические названия и сохриниться у отдельных славянских племен.

Эти названия и вводят до настоящего времени в заблуждении русских историков (при поисках места, откуда вышли „варяги-русь"). Позже для народов степной полосы Востока Европы усваивается название алан и рос — (рокс) алан, под последними большинство историков разумеют славян-руссов (русь).

Название — славяне усваивается лишь с VI ст., но лишь для славян, живших к западу от Дуная, а к востоку вместо славян служит название — анты и руссы.

По свидетельству византийских писателей славяне (анты, руссы), бывшие в это время под владычеством тюркского народа аваров (кабаров, черкасов) участвовали в 626 г. в нашествии персидского царя Хозроя на Царьград. По уговору с аварским каганом славяне (руссы) одной частью сил действовали с суши, другой частью с моря в однодревках. Последнее указывает, как полагал И. Забелин, что эти славяне были с Черноморья и Поднепровья, т. е. руссы. После этого похода авары исчезают с исторической сцены и место их нанимают болгары. Но можно полагать, что авары не исчезли бесследно, как утвер-

*) №. 23 Морошкин, стр. 162.

ждает о том русская летопись, а слились с родственным народом — болгарами.

Византийский писатель Константин Кипроним повествует о нашествии руссов на Византию в 774 г. вместе с дунайскими болгарами*). Последние в то время являлись уже смешанной тюрско-славянской народностью, говорившей на славянском языке.

В описании похода Аскольда и Дира с руссами на Царьград (865) у многих византийских писателей (Кедрина, Зонары, Фотия, Льва Диакона, Летописца Ровенского и др.) имеются сведения, устанавливающие, что руссы были коренным населением Поднепровья и Черноморья. У них название руссы тождественно названию — скифы, тавро-скифы, постепенно заменяя старое. Лев Диакон писал в X веке, что тавро-скифы на своем родном языке называли себя Русь (Рос) и родиной считали страну к северу от Босфора Киммерийского (Крыма), т. е. Поднепровье.

Профессор Самоквасов**) полагал, что у скифов эпохи Геродота (IV в. до Р. Хр.) много общего в религиозном культе, погребальных обычаях, праве и быте с славяно-руссами; он пишет: „Этнографическое сродство древних скифов и позднейших славяно-руссов выражается также в наружности, внешней обстановке и быте".

В. А. Прохоров, бывший проф. русского искусства Академии Художеств, утверждал: „Многие этнографические признаки, относящиеся к обстановке быта скифов повторяется и в последующие периоды жизни славян и в особенности славяно-руссов и даже в период христианских могил, где они буквально повторяются или имеют близкое сходство и значение"***).

На основании сведений древних писателей и археологических данных, историки склонны считать, что скифы являются предками всех вообще славян одинаково: сербов, чехов, поляков, украинцев, великоруссов и пр.

Проф. Самоквасов†) на основании исторических и археологических данных полагал, что прародиной славян была область древней Скифии, лежащая между Днепром и Дунаем, а прародиной славяно-руссов — области к востоку и западу от Днепра. „Государство Руссов лежало в областях р. Роси, Росавы, Сулы, Псла и Ворсклы (и к югу от них); в VII-X ст. Руссы под натиском народопереселенческой волны передвинулись на север и запад в лесные и болотистые местности и здесь

*) Там же, стр. 11.

**) №. 22. Самоквасов Д., стр. 72-82.

***) Лампасы у казаков, превратившиеся в бытовую принадлежность одежды, введены были в конце XVIII в. в память скифов. У последних, как это видно из сокровищ Куль-обского кургана, (чаши и сосуда для вина) лампасы были принадлежностью вождей и военначальников, т. е. свободных людей.

†) №. 21. Д. Самокрасов, стр. 81-82.

образовали русские племенные княжения полян, древлян, северян, дреговичей".

В северной части Великой Скифии, на границе степной и лесной полос, был расположен в земле руссов, г. Киев. Г. Киев (по арабски Куяба), расположенный на правом берегу р. Днепра лежал на пути „из варяг в греки", (т. е. из Балтийского моря в Черное, проходившему по рекам и переволокам), и на речном пути из Западной Европы в Азию. Путь этот шел по Зап. Двине и другим рекам и далее по р. Днепру мимо Киева, по левым притокам его и далее через переволоки соединялся с правыми притоками р. Северного Донца, или с реками, впадающими в Азовское море. Далее он шел по Дону.

Являясь узлом путей с севера на юг и с запада на восток, г. Киев уже по одному этому играл очень большое значение для всей Хозарии. Поднепровье с г. Киевом являлось такой же окраиной для Хозарской империи, как и Камская Болгария. Отдаленность, оторванность крайне важных в торговом отношении для Хозарского каганата областей — среднего Поволжья и Поднепровья с городами в них: Камским Болгаром и Киевом и вследствие этого неизбежная обособленность их, для Хозарской империи являлось фактором невыгодным и опасным.

Итак, Руссы, разумея под этим названием всех славян степной полосы, занимали громадную территорию — В. Скифию. Казакию, жили и по Волге. И численно, и по своему значинию и деятельности на Черном и Азовском морях и реках (Днепр, Волга, Дон) они были народом такой значимости, что у арабских и византийских писателей в VIII и в IX ст. Черное море уже носило название Русского.

У арабов же наряду с названием государства — Хозарское встречается и название Руссо-Хозарское. Таким образом исторические документы устанавливают с несомненностью прибывание славян-руссов в степной полосе и вхождение их в состав Хозарской империи. Центрами двух областей руссов были: Поднепровья г. Киев, а Казакии — г. Руссия (Артана) и Матарха (Тмутаракань).

Руссы являлись коренным населением степной полосы, достигли значительного культурного развития, отличались воинственностью, широко участвуя в торговой деятельности Хозарского государства. По своей численности, значению, руссы были в государстве Хозарском почти равной величиной с тюркскими народами.

В Хозарии было влияние двух культур — арабской и византийской — господство первой по географическому положению (Каспийское море, Волга) простиралось на тюркские народы, а второй (Черное Азовское море, Днепр, Дон) — на руссов, на черкасов (казахов) и алан.

Соседи приазовских руссов — казахи и алане в первой

половине IX ст. приняли христианство, оно распространялось из Грузии и непосредственно из Византии. Значительное развитие руссов, пребывание их в составе культурного государства, значение и роль их в нем, обеспечивало у них наличие необходимого преемства, необходимых факторов для образования и существования нового государства, так как без этого государство, т. е. путем самозарождения — Русское, как и всякое иное, что устанавливает вообще наука, образоваться не могло.

ГЛАВА III.

Отрыв от Хозарской империи окраин ее — среднего Поволжья и Поднепровья и образование из них самостоятельных государств.

(Осн. ист. №. 1-23).

Передвижение в степную полосу новых народов из Азии угров (венгров), торков (узов) и печенегов, начавшееся в конце VIII столетия имело по своим последствиям для Востока Европы чрезвычайное историческое значение. Это передвижение произвело отрыв окраин Хозарской империи: среднего Поволжья и Поднепровья от ядра ее, что и было одним из факторов образования из них самостоятельных государств — Русского (Киевского) и Камской Болгарии.

Император Константин Багрянородный, византийский писатель IX в., говорит, что венгры около 830 года по Р. Х. уже занимали страну от среднего Донца до р. Ингула; северная граница ее по Днепру проходила у порогов. Страна эта по имени предводителя, или царя венгров Лебедя, называлась Лебедией. Эта страна, часть Великой Скифии, как установлено раньше, до прихода венгров была оселена руссами.

О столкновении, о вооруженной борьбе с ними венгров не сохранилось никаких указаний ни у иностранных (арабских и византийских) писателей, ни в преданиях, переданных начальной летописью*). Часть славяно-руссов, вероятно, осталась на своих местах, подпав под ту или иную зависимость от венгров; другая продвинулась к северу, в среднее Поднепровье.

Оседание угров на указанной выше территории (Лебедии) произвело территориальный отрыв Поднепровья от ядра Хозарской империи, и разрыв между руссами Поднепровья и Приазовья с Подоньем (Казакии).

До своего передвижения в Лебедию венгры, живя вблизи

*) Память же о продвигавшихся ранее аварах (обрах) между тем сохранилась — „обры примучили дулебов".

Волжского водного пути*), соединявшего Камскую Болгарию с ядром Хозарии, достигли значительного развития. Они были народом полу-оседлым, занимались земледелием, вероятно, и торговлей. Без достаточного развития они едва ли могли бы образовать государство.

Время прихода из Азии (из Туркестана) печенегов достоверно неизвестно; известно лишь, что к началу IX в. они уже занимали среднюю часть р. Яика (Урала) и пространство к западу и востоку от него.

О торках же (узах) — ни о времени их прихода из Азии, ни о местах их оседания в начале IX века, также нет достоверных исторических сведений. По оседанию их позднее по среднему Донцу (где память о них долго сохранялась в имени реки Тор, правого притока Донца), можно предполагать, что жили они и передвигались севернее печенегов.

Печенеги были народом тюркским; что же касается венгров и родственных им торков, то они, хотя и были народом тюркским, но смешение с другими и особенно с славянами началось, вероятно, в то время, или раньше.

Причины передвижения этих народов в степной полосе с востока на запад за отсутствием исторических документов не освещены наукой.

Вероятно, что передвижение венгров на запад с Дона и Волги было вызвано ударами печенегов; но вероятно и то, что у венгров происходили какие-то внутренние процессы, следствием чего и явился разрыв этого народа: одна часть ушла на запад и заняла Великую Скифию, а другая — осталась в районах средней Волги и к востоку от нее, где и сохранилась доныне в виде особого народа под названием башкир (башкорд).

В это время как венгры, по свидетельству византийского императора Константина Багрянородного, занимали пространство от среднего Донца до р. Ингула, печенеги из-за Волги уже распространились до среднего Донца**). Это исторически устанавливается тем, что в 835 г. хозары вынуждены были построить при помощи византийцев на Дону крепость Саркел***) для охранения своих торговых путей от набегов печенегов.

*) Имеются достаточные данные полагать, что венгры жили от среднего Дона до Уральских гор. В таком случае пребывание их в составе Хозарской империи является несомненным. Рубруквис, посетивший степную полосу Востока Европы в середине XIII ст. нашел венгров (башкир) живших еще по Волге, эту страну он назвал Великой Венгрией, родиной венгров, живших в Венгерском королевстве.

**) Первой стоянкой венгров была область — Донца, Днепра, Ингула, второй до передвижения в Панноннию — Днестра, Прута, Серета.

***) По известию византийского писателя Кедрина. Одни историки предполагают, что Саркел был расоложен близ Волго-Донской переволоки; другие, что он был расположен между нею и устьем Дона, близ ст. Цымлянской. Как устанавливают раскопки хранителя Донского музея Х. И. Попова Саркел (желтая скала) позже Белая Вежа, был расположен

Очевидно, что Саркел был самым большим укреплением, но не единственным; вероятно, что в то же время или несколько позже, были построены и другие города, которые становятся известны по позднейшим документам.

Этим продвижением венгров и печенегов на запад был произведен отрыв окраин Хозарии, среднего Поволжья и Поднепровья от ядра Хозарской империи и образование из них самостоятельных государств из первой Камской Болгарии, а из второй Русского (Киевского) государства, в первой половине IX ст.

* * *

Хозарской империи было не до удержания в своем составе своих окраин — ей в то время было едва по силам отбиваться от ударов со стороны печенегов и от ударов из-за Кавказских гор. По времени внешние удары, вызвавшие отрыв от ядра окраин Хозарской империи, совпадали с внутренними процессами, приводившими к ослаблению ее. Каганы и двор были под иудейским влиянием. Поволжье было под влиянием арабской культуры и ислама; влияние арабов было настолько сильным, что уже в первой половине IX века Камская Болгария приняла ислам. Прикавказье (алане, казахи), Приазовье с Подоньем и Поднепровье (руссы) были под влиянием культуры византийской; Казакия и Алания уже в первой половине IX века стали христианскими. Принятие ислама в одном месте, христианства — в другом, было, конечно, завершением долгих влияний, длительных процессов.

У окраин, населенных особыми народами, были различия от ядра Хозарии; были свои особенности и в народно-хозяйственной деятельности и в культурном развитии и быте; было, вероятно, уже достаточное осознание у них и своих местных интересов. Поэтому у них самих едва ли было стремление к воссоединению с Хозарией.

По каким причинам и когда именно венгры покинули Лебедию не имеется исторических указаний: можно лишь предполагать, что удары печенегов были одной из главных причин. Но исторически является установлнным, что в 886-90 г. по приглашению германского императора Арнульфа, под предводительством своего короля Арпада, они уже вторглись в Венгерскую долину (Паннонию). Очевидно, что передвижение венгров из Лебедии началось значительно ранее этого времени. Вероятно, что часть славяно-руссов ушла с ними из Великой Скифии, а часть венгров осталась в ней с славяно-руссами. Вместе с венграми из Лебедии, как говорит Константин Багрянородный на запад ушло одно из колен хозарских — кабары (черкасы).

близ ст. Цымлянской. Саркел прикрывал водный путь по Манычу и караванные вдоль его к устью Волги и вообще к Каспийскому морю.

Эти кабары (хозары) и явились у венгров родоначальником особого рода и типа легкой конницы-гусаров (хозаров). Часть же кабаров осталась, вероятно, на Днепре и на Азовском побережьи (р. Берда) и явилась первоначальным ядром приднепровских черкасов (черных клобуков).

Лингвистические исследования венгерского языка указывают, что большая половина коренных слов этого языка принадлежит к славянским и значительно меньшая часть к тюркским и другим корням. Известно, что смешение венгров со славянами происходило уже по вторжении в Венгерскую долину, но несомненно, что оно было и раньше.

Пребывание венгров среди славяно-руссов в Великой Скифии и после ухода большей части их устанавливается значительным наличием тюркского элемента в образовавшемся Русском (Киевском) государстве. Памятниками передвижения венгров с среднего Поволжья в Венгерскую долину на местах их оседания и до настоящего времени служат географические названия*).

На места венгров после их ухода на запад стали тотчас же передвигаться печенеги. Начальная русская летопись дает впервые сведения о заключении с последними союза в. к. Игорем Киевским только в 914 г. Но соприкосновение Киевской Руси с печенегами началось значительно ранее этого года.

Отрыв Поднепровья от ядра Хозарской империи являлся почти непрерывным, после ухода венгров из Великой Скифии, он установился окончательно печенегами.

* * *

О существовании в Поднепровьи народа славяно- руссов и государства их, имеются сведения у 7-ми византийских писателей, повествующих о походе их на Царьград (865 г.), под предводительством Аскольда и Дира. Наиболее ценные сведения имеются в поучениях патриарха Фотия (занимал патриарший престол с 858 по 868 г.)**).

Из описания Фотия видно, что нашествие руссов, народа

*) Названия рек бассейна Средней Волги и Дона: Самара, Сура, Берда, Терса, Бузулук, Егорлык, Елань, Иловля (Ивля), Балаклея, Ворона и др. встречаются в названиях рек бассейна, как раз, нижнего Днепра и к западу от него.

Названия: Тисса, Серет (так назывался приток Дона — Осеред еще в XVI веке, согласно книги Большого Чертежу), Токай, Баучар (Богучар) и т. д. встречаются в названиях притоков Дона и в Венгерской долине. Эти названия не исчерпывающие, но и по ним можно полагать, что они даны тюркскими народами и перенесены из бассейна Средней Волги и Дона венграми. В книге Большого Чертежу (XVI в.) из названий видно, что между верховьем Хопра и Сур когда то жили венгры, или башкиры (башкорды), которые были вытеснены за Волгу великоруссами и оттеснены ими к Уральским горам. Возможно, что названия географические (рек) из бассейна р. Волги и Дона были перенесены далее на запад при передвижении еще в VI в. болгар.

**) № 9. Забелин, стр. 491-505.

хорошо и давно известного византийцам, было неожиданным для Царьграда; оно было совершено в то время, когда царь Михаил с войском был в походе против сарацын. Флот руссов состоял из 200 судов, на каждом было 40-60 воинов. Окрестности Царьграда были взяты руссами; народ, об'ятый ужасом, укрылся в церквах крепости, ища облегчения в молитве. В своих поучениях патриарх и выясняет причины нашествия руссов.

И. Забелин полагал, что нашествке на Царьград не было разбойничьим набегом, а местью и гневом руссов; набег был хорошо обдуман, исхитрен, подготовлен так, что его не могла предупредить никакая молва.

„А это показывает, — говорит он, — не только хорошее знакомство с порядками царьградской жизни, но и с состоянием домашних дел Царьграда, знакомство, которое могло существовать только при постоянных сношениях с городом, при постоянных связях с его жителями, в числе которых, конечно, не мало было и наших Днепровских славян". Мщение за родную кровь составляло религию русских язычников, они избрали удобное время и успели совершить кару достойную злодеяния, как говорит сам патриарх...

С той же внезапностью они ушли, как и появились, ибо хорошо знали, что долго оставаться с 200 ладьями у города, который владел громадным флотом, было невозможно. Сделавши все, что требовало мщение и, захватив несметную добычу, они поспешили уплыть домой.

Позднейшие греческие историки, а за ними по их словам и наши добрые летописцы рассказывают, что Риза Богородицы была погружена в море, отчего сделалась великая буря и потопила русские корабли, так что они возвратились в малом остатке и с большим горем и по возвращении в Киев был общий плач.

Но мы видели, что сам Фотий об этом обстоятельстве не сказывает, говоря только, что Св. Ризу носили по городу и по его стенам сам он и с ним все до одного из жителей. О чуде на море точно также ни слова не говорят и другие не менее достоверные историки, а судя по изображенному самим Фотием ходу дел, в то время никто бы не решился выйти к морю, и тем более, с крестным ходом.

Таким образом, рассказ о буре и гибели русских людей, о чем сам Фотий не говорит ни слова, есть поздняя греческая легенда, не без мысли о том, что победоносные Руссы в свою очередь воротились домой побежденными: „и во свояси с побеждением возвратишася", как свидетельствует хронограф, хотя и приписываемый Георгию Амартолу, но в этом месте принадлежащий позднему составителю, именно — Симеону Логофету, писавшему около 950 г. Это позднейшее сочинение, дополнявшее Амартола, служило одним из главных источников для наших

летописцев, чистосердечно и добродушно веровавших во всякое писанное слово и потому целиком выписывших это известие из сказаний Симеона Логофета.

Все обстоятельства дела, обозначенные самим участником в событии патр. Фотием, напротив того, заставляют верить одному, что Руссы в виду возвращения царя с войском и флотом, поспешили убраться по домам и, возвратившись без всякой помехи, доставили себе славное имя и великое богатство."

Другой современник событий Никита, еписк. Пафлогонский, а житии патр. Игнатия в 878 г. писал, между прочим, следующее: „В это время (860 г. Шлецер — II, 47) жестокий народ скифского племени по имени Росс, пришедший от Евксинского (Черного) моря в Стенос, опустошивши на пути все страны"... и т. д.

Из изложенного видно, что руссы были сильным коренным народом степной полосы. Обрисовка самостоятельности похода их, а она видна из того, что ни один из византийцев, ни прямо ни косвенно, не говорит о хозарах (одинаково и о варягах), указывает на самостоятельное государственное бытие народа руссов в то время. Для осуществления похода руссы должны были иметь и внешние возможности. Можно полагать, что венгры ко времени этого похода ушли уже из Лебедии на запад и, очистив нижнее Поднепровье, освободили путь в Византию.

Русь после того приняла христианство, но Русь Приазовская (Казакии), а не Поднепровская; это видно из свидетельства патриарха Фотия и из Устава Византийского императора Льва Философа (жил 836-911 г.) о чине митрополичьих церквей: на 61 месте показана церковь Русская, а на 62 Аланская. Очевидно, что речь шла о Руси Приазовской (Казакии).

После ухода венгров разрыв между Русью Поднепровской и Приазовской временно уничтожился и связь, вероятно, установилась. Возможно, и поход на Византию был предпринят совместный. Но с передвижением печенегов, разрыв Поднепровья с Приазовьем и Подоньем снова образовался и связь между ними утерялась. После утери связи Русь Приазовская и приняла христианство, а Поднепровская осталась языческой.

Во всяком случае до крещения Владимира (988 г.) никакой епархии (епископа) в ней не было; имелась церковь в хозарской части города Киева, которую русские историки неправильно приписывали варягам.

Украинский историк проф. Грушевский*) склонен думать, что Аскольд и Дир были предводителями венгерских дружин, захватившими г. Киев и в нем обосновавшимися, что вполне возможно; но не менее вероятно, что они были — или местной

*) № 30. Грушевский.

Киевской властью, или предводителями дружин, но славяно-руссов, вытесненных венграми (возможно с Донца)*).

Морской поход руссов против могущественной в то время Византии мог быть совершен поднепровскими руссами при условии, что они находились в союзных отношениях с венграми, обитавшими южнее порогов, или, что венгры в то время уже очистили Поднепровье, двинувшись в Венгерскую долину.

Замысел похода требовал знания самой Византии, путей, способов и наличия средств осуществления похода. Самый же поход мог совершиться при наличии прочной сильной организации народа (не только в узко военном отношении), знания мореходства, наличия средств (судов), уменья создать их.

Очевидно, что поход мог быть осуществлен только тем народом, который издавна обитал в Поднепровьи, в нем подготовлялся и воспитывался к деятельности на море, т. е. славяно-руссами, а не венграми-скотоводами. Едва ли могли стоять во главе и руководить походом не руссы, а венгры, что и заставляет предполагать, что Аскольд и Дир были славянорусами. Совершение морского похода против Царьграда является наилучшим историческим свидетельством о существовании уже около середины IX века государства славяно-руссов, государства Русского, или Киевского.

***

Пребывание славяно-руссов в степной полосе в течение многих веков в составе существовавших в ней государств, народо-хозяйственная деятельность (земледелие, скотоводство, мореходство, торговля), значительное культурное развитие их, — дали возможность образоваться из Поднепровья новому государству — Русскому, или Киевскому. Отрыв от ядра Хозарской империи, произведенный передвижением новых народов в степной полосе, был внешним фактором, обусловившим возможность возникновения самостоятельного государства. Этот фактор был тождественно и при возникновении из среднего Поволжья самостоятельного государства — Камской Болгарии.

Наличие у славяно-руссов соответственного характера, качеств народа, военного преемства не только обеспечило образовавшемуся Русскому (Киевскому) государству необходимую внешнюю безопасность, но силы его были уже настолько велики, что в нем тотчас же пробудилось стремление к завоеваниям.

---

*) Имя Аскольд (и Оскольд) имело, вероятно, первоначально окончание тождественно встречающимся в летописи именам — Рогволод, Турболод, Всеволод; оно созвучно названию притока Донца — *Оскол*, что может вызывать домысел о происхождении этого имени.

В русской летописи среди имен предводителей черкасов (черных клобуков) встречается имя Ал-дир. Ал по тюркски — красный. В пользу мнения проф. Грушевского говорит указание летописи, что Асколд и Дир были похоронены в угорской части Киева и существование близ города речки с названием Лыбеди (Лебеди).

Итак, Русское (Киевское) государство возникло на преемстве государственном, культурном и военном от Хозарской империи. Оно представляло сложение 2-х миров: славянского и тюркского*). Как в образовании Камской Болгарии варяжский элемент не имел никакого значения, т. к. совершенно отсутствовал, так он совершенно не имел значения и в образовании Русского (Киевского) государства он имея влияние и значение, и то весьма относительное, лишь в развитии, в расширении этого государства, т. е. позже. Историческая действительная обстановка образования Русского (Киевского) государства устанавливается лишь историческими первоисточниками, котрыми являются исключительно арабские и византийские исторические документы и археологические данные.

Но и в русской летописи при установлении поправок, призмы, через которую у летописца преломлялось освещение исторических событий, мы найдем подтверждение изложенного выше; ценность же летотисных сведений заключается в освещении уже развития Русского государства.

ГЛАВА IV.

Образование Русского (Киевского) государства и развитие его в освещении начальной русской летописи.

(Осн. ист. №. 55).

Основой освещения образования Русского (Киевскаго) государства русской исторической наукой принята, так называемая, норманнская (варяжская) теория, почерпнутая из летописного сказания о происхождении Руси**). Самой древней по времени летописью, дошедшей до нас, является, т. н. „начальная летопись" в Лаврентьевском списке.

Проф. Ключевский***) разделял ее на 3 основных части: 1) „Повесть временных лет", прерывающуюся на княжении Олега и составленную ранее 1054 года, 2) Сказание о крещении Руси, помещенное в своде под годами 986-98, составленном в начале XII века и 3) Киево-Печерскую летопись, в которой описаны события XI и XII вв. до 1110 года включительно.

Как устанавливает историческая наука, эта летопись составлена по образцу греческих хронографов; основой послужил хронограф Г. Амартола в продолжении С. Логофета и летописца

*) Мы обобщаем в одну группу тюрков все народы степной полосы не славянского происхождения по большинству и значению их, не входя в разбор этнического и даже расового происхождения народов, входивших в состав Хозарского каганата.

**) Основоположником ее был историк XVIII в. Шлецер.

***) №. 7. Проф. В. Ключевский, стр. 95.

цареградского патр. Никифора. Основой для составления „Повести временных лет" послужили сведения, почерпнутые у византийцев о Руси: о походах Аскольда и Дира, Олега, Игоря, Святослава; дошедшие в греческих списках договоры греков с русью.

Проф. Ключевский утверждал, что хронологические даты в летопись вставлены не при составлении ее, а значительно позже.

Сущность летописного сказания сводится к следующему. Славянские племена: новгородские славяне, кривичи и финские: весь и чудь, раздираемые смутами и междоусобицами, для установления у себя порядка и управления призвали от варяжского народа, из рода Русь, 3-х братьев: Рюрика, Синеуса и Трувора с их дружинами. Мотив призвания вложен летописцем в уста посольства: „Земля наша велика и обильна но порядка в ней нет, идите княжити и володети нами".

Для управления Рюрик с братьями обосновались в разных городах Новгородской земли (по летописи в 862 г.). После смерти своих братьев Рюрик об'единил в своих руках власть над всей землей Новгородской и соседними. Два дружинника Рюрика — Аскольд и Дир, не получивши будто бы в управление городов, удалились на юг и по пути своем овладели городом Киевом. Аскольд и Дир были не из рода Русь, из которого происхдил Рюрик, а из какого то другого.

Утверждение власти их в Киеве по летописи произошло очень просто: Киевляне, до того платившие дань хозарам, на предложение Аскольда и Дира не платить дань последвим, а платить варягам, охотно согласились на это. Власть Аскольда и Дира в Киеве являлась как бы самостоятельной, а по отношению Рюрика — самовольной. После смерти Рюрика родственник его Олег, воспитатель его малолетнего сына Игоря, с дружинами варягов, новгородцев, кривичей и финнов, спустился по Днепру к Киеву. Сказавшись купцами, плывущими в Цареград, Олег е дружиной, когда пришел Аскольд и Дир убили их и таким образом была установлена власть варягов в Киеве (882 г.). От Рюрика (сына его Игоря) и произошла будто бы Киевская (русская) велико-княжеская династия и само название Русь. Далее в начальной летописи повествуется, что род Рюрика происходит от Римского императора Августа Кесаря, а славян от Иафета, сына Ноя.

Само собой понятно, что повествованию летописца о происхождении Рюрика от Августа Кесаря, а славян от Иафета никто из историков не придавал никакого значения, просто опускал эту басню (она могла занимать умы лишь наших далеких предков); но часть его — о призвании варягов, о происхождении названия Русь и послужила для русских историков основой теории образования Русского государства. Имеется довольно обширная литература по изысканию, откуда именно происходил Рюрик с братьями и по ряду вопросов, касающихся,

главным образом, великокняжеской династии, но цитирование выдержек из трудов исследователей, за и против, необычайно расширило бы наш труд и не выяснило бы главного — элементов и факторов, обусловивших образование Русского государства, что и является для нас ценным. Поэтому в этом цитировании и нет необходимости.

Возможно, что о походе руссов с Аскольдом и Диром на Царьград до летописца дошло и устное предание, но сведения о нем он дает, как установлено исторической наукой, почерпнутые у византийского писателя Георгия Амортола. Этого обстоятельства летописец не только не скрывает, а кладет в основу своего повествования.

„В лето 6360 (865) индикта 15 начашасю Михаилу царствовати, начашася прозываться Русска земля. О сем бо уведахом, яко при сем цари проходила Русь на Царьград, якоже пишется в летописании греческом; тем же отныне почнем и числа положим: от Адама..."

Между этим (865) годом и временем составления летописи летописец на основании своих домыслов и расположил исторический материал, которым располагал.

* * *

Для понимания домыслов, освещения, сделанного летописцем, необходимо остановиться на установлении той идеологической и психологической призмы (соответствующей определенной эпохе), через которую смотрел на историческе события летописец.

Временем оставления начальной летописи была блестящая эпоха княжения Ярослава Мудрого — установление общения и связи с Западной Европой. Киевская великокняжеская династия была уже в родстве с династиями западно-европейских государств через браки дочерей Ярослава: с французской, норвежской и венгерской, а сестры его — с польской.

Были посольства, знакомство с западно-европейской жизнью, с дворами, историей династий, историей Рима и Византии. Происходившие войны против Польши и Венгрии также оставили свои следы воздействия. Сильное влияние, тесное знакомство с варягами (норманнами) было как раз во время кн. Владимира и сына его Ярослава, опиравшихся в междоусобной борьбе с братьями, главным образом на наемные варяжские дружины. Сильное религиозное влияние Византии на Русь распространялось и на государственную жизнь ее.

Очагами просвещения являлись в то время монастыри; они были в тесной взаимной связи с князьями и двором, оказывая взаимную поддержку друг другу: князья монастырям материальную, а монастыри им религиозную и моральную.

Под влиянием западно-европейских идей (преимущественно византийских) происходила выработка и государственно-политических идей Русского (Киевского) государства.

Основными идеями княжеско-монастырской идеологии стали: 1) законность великокняжеской власти, 2) благо ее для народа, 3) благородство происхождения ее, 4) благо установления общей династии и названия Русь — установление тем единства славян, 5) благородство происхождения (в библейском смысле) последних, 6) связь истории Русского государства с всемирной историей (особенно с историей Рима и Византии).

Эти идеи летописец почерпнул, конечно, не из прошлого Русского государства, а наоборот вложил в него, на основе этих идей и изложил свое сказание „Откуда пошла Русская земля...". Они имели практическое значение для усиления авторитета великокняжеской династии, для подкрепления идеи единства руси (славян) и т. д.

Начальная летопись, составляя историю Киевской великокняжеской династии, являлась трудом более юридическим, чем историческим, оффициально была принята ею. Она появлялась всюду, где устанавливалась власть Киевской великокняжеской династии и продолжалась в виде местной летописи.

Таким образом, и из начальной летописи вытекает, что Поднепровье при Аскольде и Дире было самостоятельным государством, т. к. не платило уже дани хозарам, т. е. отрыв Поднепровья от ядра Хозарии уже произошел; но обстоятельства, как это произошло, летописец измыслил.

***

Во времена составления летописи выселение славяно-руссов из степной полосы к востоку от Днепра уже закончилось, в ней вместо печенегов господствовали уже половцы. Отдаленные события — передвижение славяно-руссов из степной полосы восточнее р. Днепра, осталось совершенно вне поля зрения летописца. Но о пребывании и о передвижении славяно-руссов в степной полосе, к западу от Днепра, у него имеются сведения, так как оно было более поздним, что является лишь частью общей исторической картины.

В летописи имеется запись: „Уличи, Тиверцы сидяху по Богу и по Днестру и присядяху к Дунаеви и бе множество их, сидяху по Бугу и по Днепру оли до моря суть городы их и до сего дне"*). Другая запись говорит: „Дулебы же живяху по Бугу, где ныне Волыняне, а Улитичи и Тиверцы седяху по Бугу и по Днепру, оли до моря"**).

Очевидно, что ко времени составления начальной летописи (в средине XI века) выселение славяно-руссов из степной полосы в лесную к западу от Днепра не закончилось, если говорится о многих существующих городах там.

Но и в самой летописи мы находим указание на славяно-

*) № 55. Лаврентьевская летопись.
**) № 55. Ипатьевская летопись.

руссов, на прежнее пребывание их в степной полосе, в условиях, отличных от лесной. Летописец рисует славянские племена лесной полосы и в бытовом, и в религиозном отношении, и в культурном развитии отличными от полян (руссов). Последние отличались значительно большим развитием от остальных славян.

Летописец не об'ясняет причин этого различия, но само указание на него уже само по себе важно. Для нас оно ясно: как следствие недавнего пребывания полян (руссов) в степной полосе, длительного пребывания их в государственной системе Хозарской империи, а ранее того в составе и других государств.

Принадлежность полян и северян к славяно-руссам и то, что название русь пошло от них, а не от Рюрика т. е. не являлось династическим, а наоборот династия приняла это название от них — подтверждает та же начальная летопись. В летописи имеется запись: „Бе язык словенск: словяне же сидуху по Дунаеви, их же прияша Угри, и Морави, и Чеси, и Ляхи, и Поляне, иже ныне завомая Русь".

Значимость полян (руссов) в образовании Русского государства была настолько велика, что и летописец считает достаточным поставить на ряду с западными славянами только название полян, не перечисляя все племена восточных славян.

Название Русь первоначально принадлежало исключительно Поднепровью, Киевской области, с Черниговщиной — Киевскому государству, а отсюда, где раньше, где позже и слабее, распространялось в разные стороны с распространением власти Русского (Киевского) государства, киевских князей, становясь понятием государственно-политическим. Этот вывод вытекает из той же начальной летописи.

Применяя название: русь, руський по отношению восточных славян, славян державы Владимира Святого, летописец ни разу не применяет его в отношении финских племен, входивших в состав Русского государства. Это указывает, что оно было не династического происхождения, а племенного; если бы оно было династическим, то тогда оно распространилось бы и на все народности государства *). Название Русь и во время составления начальной летописи еще сохраняло значение этническое, племенное, переходя в государственно-политическое лишь в верхах — у князей, двора, монастырей.

Новгородские словяне упорно не принимали названия Русь и как народное, не чувствуя единства с полянами, т. е. с славяно-руссами, не принимали и как название государственно-политическое, так как власть княжеская в Новгородской земле, ис-

*) Во время составления летописи славяне назывались по княжествам; все, более или менее, усвоили государственно-политическое имя руси, названия племен не существовало, эти названия известны только из летописи и возможно являются искусственными именами самим летописцем.

ходившая от Киевского (Русского) государства, имела не государственно-политическое, а узкое военное значение. Поэтому новгородцы (II и III новгородские летописи) название Русская земля относят исключительно к Киевскому княжеству, понятие Русский князь у них совершенно тождественно названию — Киевский князь, часто заменяя одно другое. Это встречается и в местных летописях Северо-Восточной Руси.

Из начальной летописи, из материала, который дается в ней, очевидно, что поляне и северяне, будучи славяно-руссами, и были главным элементом образования государства. От них название стало превращаться в общее этническое и государственно-политическое для всех восточных славян, перешло и на киевскую великокняжескую династию.

* * *

Силы руссов Поднепровья, считая их силы в соединении с вошедшими в состав Русского государства тюркскими народностями (хозарами, болгарами, уграми) были велики, что видно из похода Аскольда и Дира на Цареград. Поэтому овладение Киевом при помощи хитрости, легкое подчинение его варягам, как бы вследствие слабости, является неестественным.

Ослабление сил Русского (Киевского) государства после отрыва Приазовья с Подоньем, произведенного уже печенегами требовали новых сил, сил особенно необходимых для осуществления морского похода.

Варяги господствовали в Новгородской земле и отлично знали путь („из варягов в греки") в Византию, пользуясь им для торговли. Вполне возможно, что варяги с новгородцами и были приглашены в качестве союзников. Естественно, что на пути они могли сделать завоевания, овладеть Смоленском, что являлось и необходимым для обеспечения связи, пути с севером. Вне всякого сомнения, что не все варяги ушли на юг, силы их оставались и на севере, в Новгородской земле.

Соединение варягов, но не народа как такового, а исключительно войска-дружин их, с силами славяно-руссов, присоединение их к силам Русского государства несомненно; но не находя никаких исторических признаков борьбы между варягами и руссами, можем считать, что вхождение их было добровольным, союзническим, или как наемного войска. Силы славяно-руссов Поднепровья были настолько велики, что они могли бы вполне противостоять варягам.

Из летописи, как и из других документов, происхождение Олега неясно. Его возможно было бы считать правителем варяжских дружин, но те сведения, которые дает летопись, позаимствованные у греческих писателей и из народных преданий, склоняют к мысли, что Олег не был варягом.

Олег при заключении устного договора с греками после успешного похода на Цареград (936) приносил клятву как рус-

славянин: клялся мечем, славянскими богами Перуном и Велесом. В сказании о смерти Олега, основанном на народном предании, он обрисован не варягом, у него характерные черты славяно-русса и тюрка: любовь к лошади, соблюдение славяно-языческих обычаев, почитание славянских богов, все это указывает на воспитание его в славяно-тюркской среде. Нельзя и само имя Олег считать варяжским, как нельзя считать варяжским имя Ольга и народное Вольга.

* * *

Согласно летописи первым князем Киевским был Игорь, принявший власть после смерти Олега (914)*). Согласно той же летописи Игорю в то время было уже не менее 30-32 лет, т. е. он был вполне возмужалым, а потому удержание власти Олегом в своих руках, если Игорь являлся законным наследником Рюрика, а тот просто воспитателем, представляется неестественным.

Устанавливая правление Игоря с 914 года летописец до 941 года на протяжении более 25 лет не дает о нем решительно никаких сведений, кроме туманного сведения о войне (920 г.) с печенегами. Как раз около этого времени, вероятно, и произошло очень сильное усиление славяно-руссов в Поднепровьи, окончательное выселение их из степной полосы в лесную восточнее Днепра. Венгры в то время уже совершенно очистили степную полосу и передвинулись в Паннонию.

Передвижение их, вероятно, последних отрядов начальная летопись, отмечает под 898 г. (единственное упоминание).

Места венгров, распространяясь и к северу от порогов и на запад до Днестра, стали занимать печенеги, вытесняя оставшихся славяно-руссов из степной полосы. Печенеги, как видно из летописи, во время Игоря являлись уже союзниками Киевской Руси.

Значительное усиление Русского (Киевского) государства видно из того, что при Игоре было совершено два похода против Цареграда, оба морские в соединении с сухопутными. В прежних записях летописец, перечисляя народности, участвовавшие в походах, не ставил названия Русь, а частные названия, в записи же второго похода Игоря, наряду с названиями варягов и полян стоит — Русь. Очевидно, что эта Русь была и не варяги и не поляне. Это могла быть только Русь, недавно вытесненная из степной полосы.

Запись**) относится ко 2-му походу на Византию: „В лето

*) Пр. В. Пархоменко („Початок Ист.-Держ. життя на Україні") считает Олега (Халга) на основании арабских документов князем Руси Приазовской (Казакии), а приход его с Игорем из Новгорода басней .Таким же считает он Игоря, при нем только, по его мнению, и началась борьба Руси за обладание Поднепровьем с древлянами и уличами.

**) №. 55. Полное собрание русских летописей, т. 1, 1846. Лаврентьевская летопись, стр. 19.

6452 (943 г.) Игорь, совокупи вои многи: Варяги, Русь и Поляны, и Словены, и Кривичи, и Тиверцы, и Печенеги, и тали*) у них поя, и пойде на Греки в лодьях и на конех, хотя мстити за себя".

Действительную вооруженную силу в походах представляли Руссы (поляне, тиверцы и т. д.), а славяне лесной полосы поставляли вспомогательное войско, рабочую силу — гребцов на судах. Этим и об'ясняется, что на первых из добычи давались шелковые материи, а последним полотняные (кропивные).

Соединение сил Поднепровской Руси с Приазовской во время княжения Игоря, во всяком случае связь с нею, во втором походе устанавливается тем, что Игорь после неудачного похода вернулся не по Днепру, а через Азовское море (р. Миус, переволока, Самара). Очевидно, что этот путь был и известен и возможно было им воспользоваться.

Что влияние, значение варягов при Игоре совершенно исчезло, во всяком случае господство в войске и при дворе принадлежало не им, а славяно-руссам и тюркским народностям, видно из того, что при заключении договора с греками после 1-го похода среди участников посольства больше половины имен, несомненно, славянских и тюркских. При заключении же договора после второго похода в посольстве, особенно многочисленном (были в нем и гости — купцы) более $^2/_3$ имен славянских и тюркских и только около $^1/_3$ норманнских (варяжских). Список взят летописцем из документа, написанного на греческом языке.

Особенно рельефно вырисовывается усиление славяно-русского элемента, переход безусловного господства к руссам при дворе и в дружине, из воспитания и из облика Святослава, сына Игоря, из постановки и осуществления им новых государственных задач. Но эпоха Святослава вытекала из эпохи предшедствующей, из использования им сил и средств, создавшихся ранее.

***

Походы морские и речные в соединении с сухопутными могли осуществиться лишь при наличии соответственных сил и средств, для чего требовалось не только физическое сложение сил славяно-руссов и тюрков, но сложение идеологическое и психологическое — еще в предшествующую эпоху, в княжение Игоря, а после смерти его, в правление его жены Ольги (945-972), матери Святослава. Сложение быта двух народов руссо-славянского и тюркского обнаруживается историческими документами (летописью и византийскими писателями) в обрисовке личности самого Святослава.

Походы на юг, против Цареграда были традицией славяно-руссов степной полосы, получавших исторически соответственное воспитание и подготовку, благодаря жизни в приморской полосе и по большим рекам — по Днепру и Дону.

*) Тали — заложники.

Участие варягов (дружин) было дополняющей силой в походах исключительно морских, как было дополняющей силой и участие новгородцев и кривичей, также живших на речных путях.

Но все походы морские соединялись с походами сухопутными („на конех"), для последних варяги, как исключительно моряки-пехотинцы, являлись элементом совершенно бесполезным, непригодным, равно, как и новгородские славяне и кривичи. Источником для сухопутного войска служили руссы, тюркские народности, вошедшие в состав Киевского (Русского) государства и тюркские народности, являвшиеся союзниками.

Славяно-руссы, являвшиеся главным элементом в образовании государственного и административного аппаратов в самом Киевском княжестве и в присоединенных землях, являлись главным элементом и в войсках.

Славяне-руссы были моряками и конниками, они являлись войском, способным вести борьбу и на море и на суше и поэтому являлись связующим звеном и организующей силой между односторонней силой — варягов и новгородцев (судоходы, мореходы-пехотинцы, способные вести борьбу только на водной стихии) и тюркскими народностями (исключительно конницей, способной действовать только на суше в степной стихии).

Из войн (походов) в течение почти 100 лет (850-945 г.) вообще и особенно против могущественной в то время Византии видно, что Русь была уже прочно сложившимся государственным организмом, который имел силы не только обеспечить себя от внешних ударов (печенегов), но и осуществлять завоевания.

Итак, образовавшееся из окраины Хозарской империи (Поднепровья) — Русское или Киевское государство представляло в отношении народонаселения соединение двух народов: славяно-руссов и тюрков; в отношении первоначальной территории — это были смежные области степной и лесной полос.

Эти обстоятельства дали возможность Русскому государству освоения народов лесной полосы (славян и финнов) с одной стороны, а с другой — дали силы не только для противодействия народам степной полосы, но и для приобщения их и для овладения ими.

ГЛАВА V.

Вхождение Казакии в состав Русского (Киевского) государства и образование из нее (966 г.) Тмутараканского княжества.

(№ 1-9, 21-23, 55).

Княжением Святослава началась новая историческая эпоха Русского (Киевского) государства: введение в состав его всех

восточных славян и части тюркских народов степной полосы; не только овладение Хозарским наследством, но попытка к осуществлению и более широких задач.

В начальной летописи облики Олега и Игоря представляются для нас туманными, хотя сама летопись дает все же черты, обрисовывающие в них славяно-руссов, а не варягов.

Кн Святослав (и по имени, безусловно, русс-славянин) и по летописным и по византийским источникам является во всех отношениях соединением двух элементов — славяно-русского и тюркского. Лицо его, по описанию византийцев, обнаруживает прилив тюркской крови, возможно, по материнской линии. Внешность Святослава: чуб (оселедец)*) на бритой голове, в ухе серьга, короткая одежда, отсутствие предохранительного вооружения, принадлежности варягов — соединение типичных черт русса-славянина и тюрка. Воспитание, бытовые привычки — влияние той же среды; Святослав ел конину, любил верховую езду, спал в шатре с седлом вместо подушки в головах; обнаруживал исключительную предприимчивость, энергию, выносливость.

Принцип ведения войны: „хочу итти на вы", обрисованный летописцем, выявление силы и чести, — черты руссо-тюркские, являющиеся прямой противоположностью варяжским — хитрости и коварству, обрисованным тем же летописцем в описании занятия варягами Киева и мщения кн. Ольги за смерть мужа.

Святослав являлся стойким язычником, чтившим Перуна и Велеса, славянских богов; это видно из того, что он не поддался на увещание матери своей, кн. Ольги, принять христианство.

Византийский писатель Лев Диакон, писавший в эпоху Святослава, называет, как говорит проф. Самоквасов: „Русскую землю Скитией (Скифией), войско скитами, лодки, одежду, вооружение и оружие Руссов называет скитскими и самого Святослава Игоревича скитом (скифом); а в описании сражения под Доростолом (в Болгарии) говорит, что с наступлением лунной ночи скиты (руссы) вышли в поле собрали трупы своих к городской стене и сожгли на сложенных кострах". Сожжение было погребальным культом скифов и славяно-руссов. Если даже отец Святослава, кн. Игорь, был действительно варягом, то он сам представляется уже совершенно „орусившимся".

*) Чуб-оселедец, как и серьга и длинные усы — являлись принадлежностью народов степной полосы: кавказских черкасов, алан, половцев. То и другое носили впоследствии запорожцы и вообще днепровские черкасы. Осетины еще до половины прошлого столетия носили оселедец, он был признаком совершеннолетия, возмужалости. Донские казаки (низовые) еще в конце прошлого столетия носили серьгу в ухе с крестом в середине. Чуб, серьги и усы преемственно являлись бытовыми чертами со времени сарматов народов степной полосы.

Накопление государством сил и средств, происшедшее еще при Игоре от вселения руссов в лесную полосу и вхождения их в состав Русского государства, а вместе с ними и тюркских народностей, давало возможность осуществления завоеваний в степной полосе, ядра Хозарской империи.

Главные массы печенегов в середине X стол. передвинулись уже к западу от р. Днепра и, распространившись до самого Дуная, направили свои удары против Дунайской Болгарии, бывшей под владычеством Византии.

Меньшая часть, являвшаяся довольно обособленной от первой, оставалась еще в районе нижнего Днепра. Области Дона, Волги стали свободными от них (по Донцу жили торки), что дало возможность хозарам восстановить свое владычество над частью лесной полосы — над радимичами и вятичами. Но Хозарская империя была уже в состоянии упадка. Отрыв окраин ее — Поднепровья и среднего Поволжья, превратившихся в течение столетия в сильные государства, не только лишили Хозарскую империю былого могущества и богатства, но и поставили лицом к лицу с новыми сильными врагами.

Хозарская империя слабела и от внутренних процессов, совершавшихся в ней — воздействия, влияния 2-х разнородных культур: арабской и византийской. Религиозный фактор играл в этом решающее значение. Поволжье подпало под арабское влияние — Камская Болгария в середине X в. стала уже мусульманской, Казакия и Алания были давно уже христианскими.

Таким образом, внутренние причины разрыва — между Приазовьем с Подоньем с одной стороны, и Поволжьем с Каспийским побережьем с другой, слагались исторически. Явились и внешние — в виде похода кн. Святослава. Начальная русская летопись дает отрывочные сведения о походе кн. Святослава против Хозарии (966 г.) и даже не вполне ясные сведения о результатах похода.

Кн. Святослав сперва покорил славянские племена: радимичей и вятичей и тем установил прямую территориальную связь Русского государства (через Черниговское княжество) с землями Ростовской мери и муромы, которые уже входили в состав Киевского государства.

Р. Доном Святослав спустился к ядру Хозарского Каганата. Поход против радимичей и вятичей был сухопутным, но при движении на юг Святослав соединил его с речным.

Разгромив г. Саркел, бывший для хозар оплотом с севера, Святослав потом овладел г. Тмутараканью (близ устья реки Кубани) и, всеми городами в низовьи Дона и на Азовском побережьи; а победой над казахами (черкасами) и ясами (аланами) обеспечил свои новые владения с сев.-востока и востока.

Русская летопись совершенно не говорит о вооруженной

борьбе кн. Святослава с руссами подонскими и приазовскими*), как ничего не говорит и об овладении городом в низовьи Дона — Руссией (Артаной), который, как и другие, несомненно существовал в то время. Города в низовьи Дона не упоминаются летописью потому, что они не были разорены Святославом, как это было сделано с Саркелом.

Отсутствие упоминаний о руссах Казакии, конечно, не говорит о таинственном исчезновении их и главного города ее — Руссии, так как существование славяно-руссов и городов исторически устанавливается как незадолго до похода Святослава (943 г.), так и в последующие времена.

Возможно, что руссы подонские и приазовские тяготились зависимостью от хозар и для них представлялось выгодным освобождение от них при помощи сил Русского (Киевского) государства.

Следствием похода в Подонье и Приазовье был разгром Хозарского Каганата и введение части его территориального ядра — Казакии, в состав Русского государства, под названием Тмутараканского княжества, т. е. воссоединение в одно государственное целое всех славяно-руссов к востоку от Днепра**).

Завоевания Святослава явились следствием не простого случайного похода, а осуществлением вполне осознанных идей и поставленных задач. Из обрисовки похода Святослава против Дунайской Болгарии, смысла борьбы за нее с греками, видно широкое понимание им задач и выгод, географических и государственно-экономических, владения водными путями, что достаточно рельефно обрисовывается начальной летописью и византийскими источниками.

Естественно, что широкий государственный взгляд кн. Святослава не ограничивался только Дунайской Болгарией. Вполне понятны были Святославу и те выгоды, какие имели хозары, владея Доном, его устьем и Азовским побережьем, т. е. прибрежной частью Казакии.

В последующих междоусобных войнах русских князей главным об'ектом их являлось население; перевод его на свои земли победителем от побежденного являлся главным следствием войн, а стремление к тому — одной из главных причин их: территория имела ценность не сама по себе, а по населению, какое на нем имелось.

Население лесной полосы давало средства Русскому государству. Присоединение Подонья и Приазовья к государству давало громадные торговые выгоды по географическому положе-

*) Если принять теорию пр. Пархоменко, что кн. Игорь пришел из Приазовья (Казакии) в Поднепровье, тогда естественно, сыну его, Святославу, могло и не потребоваться завоевывать отцовского наследства.

**) См. Календарь-Альманах на 1930 г. Изд. Вольн. Каз. — Казакия (историческо-геогр. очерк) гл. III.

нию территории, а присоединение населения славяно-руссов и тюркских народностей Казакии, живших издавна в перемежку с ними, уже готового войска, увеличивало силы Русского государства.

Поэтому присоединение к Русскому государству большей части Казакии, из которой потом образовалось Тмутараканское княжество, можно полагать, было осуществлением сознательных устремлений Русского (Киевского) государства, а не исторической случайностью.

Тмутараканское княжество, как и все княжества, в которых были князья Киевской династии получило название по своему главному городу. Вследствие ударов печенегов, Дон потерял значение выгодного торгового пути и торговый центр перешел из г. Руссиии (Артаны) в Тмутаракань.

Кн. Святослав не удовольствовался овладением Казакии, а, задаваясь осуществлением более широких задач, перенес борьбу на Дунай для завоевания Дунайской Болгарии.

Родственность болгарского народа, образовавшегося из соединения славян с тюрками, играла, возможно, не меньшую роль в сложении идеи присоединения к Русскому государству Болгарии, чем сознание выгод географических и торговых, которые она имела.

Овладев Болгарией Святослав утвердился в ней, распространив свое владычество до самого Адрианополя, что повело к упорной и затяжной войне с Византией. В итоге война кончилась поражением Святослава и очищением им Дунайской Болгарии. При возвращении из похода он был убит печенегами у Днепровских порогов (972 г.)

Сложение сил руссов и тюркских народностей, в княжение Святослава достигшее наибольших размеров, и давало возможность осуществления широких завоеваний.

После смерти Святослава произошла упорная междоусобная борьба между 3-мя его сыновьями: Олегом, Ярополком и Владимиром; после гибели первого — она еще более ожесточилась между двумя последними. Ярополк опирался на силы степной полосы, опорой его борьбы одно время был г. Родня в устьи р. Роси. Владимир, княживший в Новгороде, прибег к помощи наемных варяжских дружин. Это показывает, что никакой вооруженной силы, более или менее действительной, для борьбы с югом из славян лесной полосы и финских племен в то время, как и значительно позже, составиться не могло.

Превосходство сил и средств было на стороне кн. Ярополка и лишь гибель его дала возможность Владимиру, оставшемуся единственным наследником державы кн. Святослава, соединить в своих руках власть над всем Русским (Киевским) государством.

Силы и средства его были настолько велики, во всяком случае настолько достаточны, что Владимир мог продолжать

завоевательную политику своего отца: походы им велись сухопутные, которые осуществлялись лишь силами руссов и тюркских народностей, бывших в составе государства и союзных ему.

Владимир лишь временно опирался на варяжские дружины: по овладении „Киевским столом" он принудил варягов оставить Киев и удалиться в Грецию; варяги для Русского государства являлись элементом, войском бесполезным для сухопутных походов.

После завоеваний на западе Владимир обратился на юг и покорил Крым, который вошел после того в состав Тмутараканского княжества. В состав Тмутараканского княжества вошла если не вся, то большая часть Казакии и Крыма.

Если о существовании последнего княжества в составе Русского государства при Святославе с достаточным основанием можно лишь предполагать, то при в. к. Владимире о том находим указание в начальной летописи: Тмутараканское княжество еще при своей жизни Владимир дал в удел сыну своему князю Мстиславу, т. е. при нем Казакия превратилась в княжество.

Поход в Крым князя Владимира имел последствием крещение его самого, а затем крещение (988 г.) и всего славянского населения Русского государства.

Принятие христианства Киевским (Русским) государством было фактором исключительного исторического значения: оно связало религиозным единством славян степной полосы со славянами лесной, племен разнородных в культурном и бытовом отношениях; вызвало появление письменности, что в связи с религией давало общие основы дальнейшего культурного развития, одинаковые для всех.

Принятие христианства славянами Русского государства установило религиозное единство с руссами Казакии, бывшими уже более столетия христианами, установило религиозное единство славян и с народами Предкавказья — ясами (галанами) и казахами (черкасами).

Принятие Русским (Киевским) государством христианства и распространение его явилось главным фактором внутреннего единства державы Владимира Святого и впоследствии осталось таким же для всех славян Востока Европы; на религиозной (византийской) основе позже возникли и другие — государственные идеи.

Русское государство преемственно возникло из Хозарской империи, держава Владимира Святого являлась наследием ее, что сознавалось современниками; это видно из нагробного слова на смерть кн. Владимира, в котором владыка Киевский именовал его титулом кагана (хакан), принадлежавшим Хозарской империи.

* *
*

После смерти Владимира (1015 г.) держава его была разделена между пятью его сыновьями и племянником на шесть

частей (уделов). Снова началась упорная длительная междоусобная борьба за великокняжеский киевский стол. После гибели трех братьев она свелась к борьбе между Мстиславом и Ярославом и снова, как при Владимире, свелась к борьбе юга с севером.

Ярослав, бывший еще при жизни отца своего вел. кн. в Новгороде, прибег к помощи наемных варяжских дружин; Мстислав опирался на силы Тмутараканского княжества (Казакии) и вообще юга; превосходство сил и средств было ощутительно на стороне последнего. Благодаря лишь великодушию кн. Мстислава по Городецкому миру (1026 г.) держава Владимира Святого была разделена р. Днепром на две части: к западу от него с г. Киевом Мстислав предоставил Ярославу, а территории к востоку от нее с Черниговским и Тмутараканским княжествами оставил в своем владении. Кн. Мстислав оставил себе земли в действительности более ценные — Черниговское княжество, которое заключало земли северян, радимичей и вятичей (превратившиеся после в Рязанское княжество), составляло как бы один удел с Тмутараканским княжеством, довольно тесно связанное с ним, благодаря наличию естественных речных путей между ними — р. Дона и его притока Северского Донца.

При в. кн. Ярославе последний раз на исторической сцене Русского государства появляются варяги в качестве иноземной военной силы; обращение его к помощи этой силы было вызвано теми же причинами, как и у отца его Владимира: в лесной полосе вооруженной силы не было и в то время создать ее из народов живших в ней еще не представлялось возможным. После смерти Ярослава (1054 г.) Русское государство разделилось на шесть уделов, а впоследствии еще более раздробилось и оно уже не выходило из междоусобных удельных войн князей.

Таким образом, как образование, так и развитие Русского (Киевского) государства обязано соединению сил славян-руссов и тюркских народностей, что исторически было следствием длительного соседства, родства природы одних и других, а это было следствием пребывания в тождественных географических (в степной полосе) и исторических условиях, в составе одних и тех же государств, начиная со Скифского, а непосредственно перед образованием Русского — в составе Хозарской империи.

Сложение этих основных элементов дало возможность развития Русского государства не только путем осуществления походов (из них морские являлись бесследными для него) и территориальных завоеваний, но и приобщения к Русскому (Киевскому) государству, оказания государственного и культурного воздействия, с одной стороны — на славян лесной полосы и финские племена, а с другой — на тюркские народы степной полосы.

Выселение же в лесную полосу из степной к западу от Днепра (тиверцев, угличей, дулебов и др.) на Волынь и далее в Галицию повело к созданию государственной жизни и в них. Приобщение последних областей к Русскому (Киевскому) государству обязано не только завоеваниям Киевских князей, но и наличию одних и тех же источников (славяно-руссов), являвшихся государственным культурным элементом и в Поднепровьи и к западу на Волыни и в Галиции†).

Приобщение всех тюркских народностей степной полосы для Русского государства было лишь вопросом времени, и только появление в середине XI ст. нового сильного кочевого народа — половцев и оседание их в степной полосе, помешало Русскому государству включить в свой состав все Хозарское наследство, естественным наследником которого оно являлось.

Появления варяжских наемных дружин на Руси были эпизодами, не имевшими ровно никаких исторических последствий. Ни один из историков „норманнистов", даже во время расцвета и увлечения этой теорией, ни в чем не обнаружил сколько-нибудь заметного влияния варягов на русскую историческую жизнь. Между тем тюркское (хозарское) влияние сказывается и в русском и особенно украинском языках, в памятниках народного творчества, народных обрядах, поверьях, представляющих остатки не только славянского, но и тюркского язычества.

ГЛАВА VI.

Происхождение Днепровского казачества*)

(Гл. Ист. 1, 25-32, 55, 60).

Отдельные группы тюркских народностей (болгар, венгров, кабаров, черкасов), входившие в состав Поднепровского населения, а затем вошедшие и в состав Русского (Киевского) государства, мало-по-малу совершенно ассимилировались в нем.

Но в Поднепровьи из них образовалось и особое население, сохранявшее свою самобытность и национальные черты, а по своему географическому положению на рубеже государства — военную деятельность, быт и воинственный характер. Из смешения этих народностей с славяно-русссами, а еще более из орусения их — восприятия языка, религии и культурных основ славяно-руссов, идеологии и психологии, образовался впослед-

†) В этом истрическом прошлом — основа единства украинского народа.

*) История Днепровского казачества не является специальной темой нашего исследования; приводится очерк о нем лишь для уяснения общей картины происхождения казачества и для обрисовки одного из элементов образования Донского низового Войска, а затем и питания его.

ствии в середине XVI ст. особый народный организм — запорожские казаки, особая государственная единица — Запорожское Войско.

Русский историк XVIII ст. Татищев писал, что кн. Святослав, разгромив Хозарию, переселил большое количество ясов (алан) и казахов (черкасов) в Поднепровье. Можно полагать, что часть кабаров (черкасов) осела в нем еще ранее, передвинувшись в Поднепровье с Азовского побережья, с р. Берды, по вытеснении оттуда печенегами.

Существование реки, впадающей в Волгу, выше переволоки, и впадающей в Азовское море между Перекопом и устьем р. Дона, с одним и тем же названием — Берда (Беренда?) может вызывать догадку, что название это перенесено с переволоки, т. е. северной части Казакии и что эти кабары (черкасы) передвинулись на Азовское побережье именно оттуда.

Возможно, что условие, поставленное греками вел. кн. Игорю при заключении договора — не пропускать болгар на правую сторону Днепра, касается как раз этих кабаров, живших по Азовскому побережью. Это предположение сходится с тем, что некоторые историки считали, что первый стан черкасы (кабары-болгары) имели в 948 (и даже в 912 г.) в устьи Южн. Буга.

В XI ст. король польский Болеслав Храбрый, как повествует польская летопись, сделавшись королем при помощи войска этих казахов, принял их под свое покровительство. Дав им во владение все земли по течению Днепра, он обязал их охранять свою юговосточную окраину от набегов кочевников. Эти казахи и переселенные из Казакии кн. Святославом и явились родоначальниками черных клобуков, сведениями о которых наполнены сотни страниц русских летописей, передав свое название — черкасов — всем группам тюркских народностей, осевших в Поднепровьи.

* * *

Вопрос обеспечения для Русского государства своего южного рубежа от печенегов, а позже и половцев, являлся для него жизненно необходимым. И оно издавна прибегало к оселению с этой целью своей окраины группами тюркских народностей; со времени же Владимира Святого (со второй половины X ст.) это оселение и укрепление рубежа входит в своеобразную государственную систему. Указания на это находятся в летописях. „В 988 году (Владимир) нача ставити городы по Десне, и по Востри, и по Трубежови, и по Сейму, и по Стугне, и нача нарубати мужи лучшие от словен и кривич и от чюди и от вятич и от них населиша грады".

Представители этих племен являлись необходимыми для постройки городов и оселения их, но они не были пригодны, как военный материал, для образования войска, оно создавалось из других элементов.

Сами по себе города (крепости) не обеспечивали сооружениями своими безопасности даже своей собственной, а тем более государства: они не были обеспечены от внезапных налетов, захвата, а промежутки между ними и от прорывов и вторжений вглубь территории государства конницы кочевников, от огня и меча их.

Пограничные города для своей собственной охраны, а тем более промежутков между ними, нуждались в дальних караулах и сторожах (для выдвижения в степь), т. е. в наличии конного войска, которое бы по качествам не уступало противнику. Подобного войска Киевское государство из славян лесной полосы, а тем более из финских племен, само собой понятно, создать не могло. Таким образом, приобщение к Русскому государству тюркских народностей являлось государственной необходимостью. Присоединение этих народностей (или групп их) к Русскому государству облегчалось тем, что между ними самими шла борьба, поэтому отрыв отдельных групп был частым. С другой стороны, между Русским государством (славянами) и тюркскими народами Казакии (черкасами), после принятия Русью христианства, установилось религиозное единство. Приобщение это облегчалось происходившим распадом Хозарской империи, а после разгрома ее — и установлением связи Русского государства с Подонскими и Приазовскими руссами и казахами, после образования из них Тмутараканского княжества, служившего как бы мостом, промежуточной средой.

Переселение в Русское (Киевское) государство отдельных групп, колен, родов тюркских народов было давним. После походов Святослава оно усилилось, а потом периодически продолжалось. В летописи под 979 годом имеется такая запись: „Прийде печенежский князь Ильдея и би челом Ярополку в службу; Ярополк же прият его и даде ему и грады и власти, и имяше его в чести велицей".

Во владения давались города и земли на окраине государства. Приходили на службу (роды, колена, группы) и от печенегов, и от торков, и от половцев. В летописи имеется очень много указаний об этих тюркских народностях, осевших на окраинах Русского государства, получивших общее название черных клобуков (черношапов), или черкасов.

***

Вот обрисовка их роли и значения в судьбах Русского (Киевского) государства, сделанная по русским летописям историком Н. И. Костомаровым *) „С начала XI века торки, берендеи, печенеги начали входить в русскую жизнь и составили часть южно-русского населения. В 1054 и 1060 гг. они являются во враждебном отношении к русским. Под последним годом гово-

*) № 32. Костомаров т. I № 35. Русские летописи (т. VIII).

рится об их изгнании, но через 20 лет они являются на правой стороне в городе, называемом их именем Торческ, стоявшем у устья р. Роси. Новый прилив этого населения совершился в 1116 г. при Владимире Мономахе, когда жившие на Дону *) сплеменники торков, прежде пришедшие на Русь, были разбиты и изгнаны половцами. Торки тогда вместе с печенегами явились на Русь, с тех пор эти три народности, разделенные на три отрасли: торки печенеги и берендеи составляли народонаселение р. Роси (Поросья) и участвовали в междоусобиях князей. Имя черные клобуки было для них всех общим и давалось им по внешнему признаку". (Исследования Погодина V, 194)**).

Кроме этих трех отраслей встречаются и другие названия, как например, коуи ***), каепичи, турпеи и другие; иные назывались по родоначальникам, например, „Бастеева чадь"; о других, как каепичах и коуях, можно заключить тоже. Часть их обитала около г. Переяславля в Черниговской области под разными племенными и местными названиями. Нельзя думать, чтобы они были совершенно кочевой народ: когда они установились в Южной Руси, то кроме городов, служивших им приютами, они жили и деревнями; следовательно — должны были заниматься обработкой земли".

Далее Н. И. Костомаров обрисовывает исключительную по своему значению, часто решающую роль, какую играли черные клобуки в удельной борьбе князей и вообще в жизни края: „Под 1154 г. говорится — об Изяславе плакали кияне и черные клобуки. Здесь (говорит Костомаров) упоминание о клобуках показывает, что они играли видную роль в истории края. Изяслав Мстиславич, посылая к Угорскому (Венгерскому) королю за помощью и, обнадеживая его в том, что он и сам силен, дает знать, что его стороны держатся черные клобуки".

Значение последних в ведении внешних войн Костомаров обрисовывает так: В 1192 г. Святослав должен был воротиться из-за Днепра с предпринятого похода потому, что „черные клобуки не восхотели ехать на Днепр", следовательно, без них не мог состояться и самый поход... Их было значительное число, иначе они не имели бы такого важного значения уже потому что, упоминается о многих городах им принадлежащих. В 1156 г.

*) В Ипатьевской летописи об этом имеется такая запись: „В се же лето (1116 г.) бишася с торки и с печенеги половцы у Дона и секошася два дня и 2 нощи и придоша на Русь ко Володимиру Торци и Печенеги".

Эта запись указывает, что часть печенегов оставалась еще в степной полосе к востоку от р. Днепра.

Также оставалась в ней и часть болгар и венгров, после ухода их сплеменников на запад.

**) Черные клобуки — черные барашковые шапки. Этот головной убор стал бытовым для всех поднепровских черкасов, а после и всех украинцев.

***) Коуи — горцы (по Пудавову).

Берендеи, имея города по р. Роси, просили у князя Мстислава Изяславовича еще по городу за то, чтобы оставить сторону Изяслава Давидовича. В 1177 году упоминается о городах их, взятых половцами.

Ведя сначала жизнь кочевую,*) они, мало по малу, приучились к оседлости, получая от князей за службу города, служившие им для убежищ, куда они помещали свои семейства и пожитки; они вместе с тем получали и земли, к этим городам принадлежащие. О многочисленности их можно судить по величине отрядов, которые они могли выставить. Кажется, — говорит Костомаров, — будет справедливым в этом чуждом племени, появившемся среди русского населения и слившемся с ним впоследствии, искать предвестников казацкого общества".

О последнем в другом месте Костомаров говорит еще более утвердительно: „Инородцы тюркского происхождения — черные клобуки, торки, берендеи играли здесь (в Южной Руси) деятельную роль наравне с туземцами, так что масса, управлявшая делами, имела пеструю воинственную смесь. Таков был образ быта Киевской земли. Казачество уже в своем существе возникло в XII-XIII в. К сожалению, история Южной Руси как будто бы проваливается после татар. Народная жизнь XIV-XV в. нам мало известна, но элементы, составлявшие начало того, что явилось в XVI веке ощутительно в форме Казачества, не угасали, а развивались".

Главную группу черных клобуков, если не по численности, то своему значению составляли берендеи (черкасы). Как видно из летописи, в устьи Роси существовал во второй половине X века г. Родьня, в который укрылся Ярополк во время борьбы со своим братом Владимиром, этот город и принял, вероятно, имя Торческа.

Позже южнее, на Днепре, возникли г. Канев**) и Черкасы. Название черкасов распространилось на всех черных клобуков, т. е. на все тюркские народности Поднепровья, что видно из летописной записи за 1141 год: „Изяслав же посла сына своего Мстислава к королеви в Угры (Венгрию), повести короля на Галицкого князя и, скопя дружину, пойдя, пойма с собою Вячеславль полк весь и все черные клобуки, аще зовутся черкасы".

*) Тюркские народы стояли не на одинаковой ступени культурного развития: черкасы (казахи) были оседлыми и христианами; половцы едва ли были полудиким народом, как их обрисовывают русские историки. Живя в низовьи Дона, где существовали города, они подвергались влиянию коренного населения Подонья и Приазовья: руссов и близких соседей их алан (асов) и черкасов. Венгры стали подражать обычаям половецких ханов и внешности половцев; подражание было настолько глубоко и широко, что что папы римские принуждены были в борьбе против этого издавать запретительные буллы.

**) Г. Канев свое название получил, вероятно по имени печенежского князя Канея, встречающегося в летописи.

Имея близкое соседство и тесное общение с коренным славянским населением Русского государства черкасы мало-по-малу „орусивались“ — усваивали язык славянский, забывая свой, принимали христианство. Вероятно, происходили и смешанные браки у славяно-руссов и тюрков. С другой стороны, уже в силу того значения, какое имели черкасы в жизни края, они влияли не только на население, но и на двор и на самую княжескую власть.

Кроме восприятия прочной оседлости, усвоения земледелия, языка, христианства, черкасы мало-по-малу усвоили и многие черты славяно-русского быта и устройства, идеи славяно-русского народоправства и вольности, которые были свойственны и самим черкасам.

После отлива части славяно-русского населения из Поднепровья при образовании колоний на Северо-Востоке: княжества Владимиро-Суздальского, а затем Московского и других, и после разгрома монголами Поднепровья, черкасы вместе с оставшимися в Поднепровьи славянами стали хранителями славяно-русских идей, придав им впоследствии свойственный тюркам характер.

Поднепровские черкасы, как народность, соединили в одно целое два элемента — славянский и тюркский: в русской (киевской) государственной системе составляли народность на положении военно-служилого сословия, т. е. казачество и по своему происхождению и по содержанию. Черкасы поднепровские являлись промежуточным звеном (были по летописи „сватами“), необходимым элементом для приобщения тюркского народа — половцев к славяно-русскому миру, Русскому (Киевскому) государству. Нашествие татар помешало завершению этого процесса.

После разгрома Половецкого ханства монголами, часть половцев сохранилась в Предкавказьи (кумыки), часть ушла в Венгрию, часть оселилась по правую сторону Днепра, смешавшись с поднепровскими черкасами и вообще населением Украины. Потом, после оселения Ахматом, черкасами из Предкавказья слобод в Курской области в конце XIII ст. и после передвижения по разным причинам их на правую сторону Днепра, тюркский элемент среди населения Поднепровья вновь усилился.

Смешивавшееся в Поднепровьи с руссами тюркское население, орусившееся, воспринявшее оседлость, земледелие, язык, христианскую религию, все же хранило свой тюркский тип, быт и, главное, свой воинственный характер, военные традиции, военное устройство. Поднепровские черкасы, как высокого качества войско, с прочной военной организацией, знанием ратного дела, входили, вероятно, в государственную систему и Золотой Орды, составляя пограничное войско (Казачество) на ее западной окраине.

Владычество монголов над Юго-Зап. Русью, в частности

над Поднепровьем, не было длительным, и влияние их не было сколько-нибудь широким и глубоким. Уже в начале XIV века Поднепровье (бывшее Киевское и Переяславское княжества) освободилось от владычества их и вошло в состав Литвы и Польши. Таким образом черкасы, как и все население Украины (Юго-Западной Руси), вошли в сферу влияний Западной Европы. В составе войск Литвы, черкасы участвовали в войнах ее на западе и юге*).

Войско Юго-Западной Руси, в котором поднепровские черкасы составляли главную часть, и играли главную роль, носило общее название „русского рыцарства". В 1320 г. оно участвовало в войсках Литовского князя Гедемина в походе и битвах, под предводительством своих воевод и полковников: Громвала, Турнала, Перунада, Ладима, Прендислава, Светольда и Блудича; князья в то время уже „извелись". Русское рыцарство участвовало в походах Литвы и против ливонцев, и немецких рыцарей, и в походе кн. Ольгерда против татар к Синим водам (в низовьях Днепра).

В 1380 г. русское рыцарство с князьями Ольгердовичами — Александром и Андреем, под предводительством воеводы Боброка, участвовало в Куликовской битве. В 1401 году 37.000 конного войска, „русского рыцарства", под предводительством воевод и полковников: Рогдая, Поленича, Громвала, Колядича, Купельдея участвовало с литовцами и поляками в походе против крестоносцев. В 1410 г. оно участвует в победе над немцами польско-литовского войска при Танненберге. В 1409 г. русское рыцарство получает жалованную королевскую грамоту от Польского короля. В 1439 г. при короле Сигизмунде русское рыцарство, под предводительством воевод: Светольда, князя Северского, полковников — Блудича, Дулимы, Претича, Станая, Бурлея, Артазия, Гудимы Тризны, силой до 43.000 в союзе с венграми воевало против турок. Вероятно, что в XIV в. произошло усиление приднепровских черкасов берладниками, после того, как Поднепровье вошло в состав Литовского государства.

Берладники представляли из себя остатки руссов (тиверцев, угличей) в приморской полосе: жили они между Дунаем и Днестром в области р. Берлада. По положению своей территории они вынуждены были сохранять военный быт, соответственное устройство и организацию, что видно из летописи; они принимали участие на стороне южно-русских князей в походе против монголов и в битве на Калке (1223 г.). При занятии татарами приморской полосы до самого низовья Дуная и образования здесь Эдисанской Орды, они были вытеснены на север. Часть их и получила, вероятно, название болховцев. Таким образом в средней части Приднепровья, вследствие наличия различных эт-

*) № 26. Маркевич, стр. 8, 13, 17.

нических слоев населения, исторически имело место образование нового народного организма, новой народности.

* * *

Приднепровское население Украины — черкасы в XV ст. в составе Пол.-Лит. государства уже представляли из себя казачество в системе его, т. е. народный организм с особым бытом, устройством, деятельностью, на положении военно-служилого сословия в государственной системе.

Приднепровские черкасы, в то время уже говорившие украинским языком, бывшие православными, не представляли полного единства со всем украинским народом; полная ассимиляция совершилась позже, по передвижении украинского населения на правую сторону Днепра. Вместе с тем не существовало и этнической границы между украинцами и приднепровской частью Украины — черкасами.

Около половины XVI ст. в средней части Поднепровья, в приграничной части с татарами, где было более сильно приселение и половцев, и черкасов Ахмата, и берладников, где у населения сохранился еще сильно тюркский тип, воинственный характер, существовал вследствие пограничного положения военный быт, особое устройство, деятельность, образовался особый народный государственный организм — Запорожское Войско. Оно было вполне самостоятельным государством: первоначально было в союзе с Польшей, при гетманах же кн. Дмитрии и Михаиле Вишневецких было союзником Московского государства (при Иоанне IV) и вместе с Донским Войском сыграло решающую роль во взятии г. Астрахани (1554 г.), а потом и в защите ее от турок (1569 г.). Позже Запорожское Войско бывало союзником и Польши, и Турции, и Крыма, и воевало против них.

Запорожское Войско владело территорией к северу от Днепровских порогов: по левую и по правую сторону Днепра.*)

Запорожские черкасы, как и всякий народ, были семейными, имели на своей территории города, паланки (округа) поселения, а в них — церкви и монастыри, и только в их лагерь — стан, в Сечь (на остр. Хортице) женщины не допускались под страхом смертной казни.

Пополнялось Запорожское Войско притоком, главным образом, украинского населения, особенно приднепровской части его — черкасов, но широко пополнялось и из представителей других народов: поляков, литовцев, татар, турок, чехов и т. д.

Психологически, идеологически, по быту и устройству Запорожское Войско представляло из себя целостный народный организм, но этнически оно не было таковым: запорожские черкасы в то время были в процессе возможности образования

*) См. карту № 2.

и отдельной народности, и полной ассимиляции с соседним родственным украинским народом. Запорожские казаки (или черкасы), как увидим, были одним из составных элементов образования Донского Низового Войска, а в дальнейшем и питания его; они являлись и постоянными союзниками донских казаков. Запорожское Войско являлось, идеологической, организационной и военной базой в борьбе Украины за свою самостоятельность. Претерпев тяжелые судьбы в борьбе за свое самостоятельное бытие, значительные отрывы от себя, Запорожское Войско было уничтожено Российским государством во второй половине XVIII ст., как в свое время уничтожены были Московией республики — Новгородская, Вятская, Псковская.

Но, как народный организм, Запорожское Войско все таки сохранилось. Часть запорожских казаков в конечном итоге осталась на Украине и совершенно во всех отношениях ассимилировалась с украинским народом; другая часть в конце XVIII ст. была переселена на Кубань, где и было образовано из них Черноморское Казачье Войско, как особый народный организм, существующий и ныне.

Здесь на Кубани, вместе с Линейным Казачьим Войском, возникшим почти одновременно с Черноморским, главным образом из донских казаков, путем переселения их, с 1865 г., образовался один государственный организм — Кубанское Казачье Войско.

Таким образом волею судеб и потомки запорожских казаков — черноморцы, и донских — линейцы, оказались обладателями части территории Казакии, где жили общие предки их — руссы и казахи. Представляя из себя разные группы в этническом отношении, близко родственные, в психологическом, идеологическом, бытовом, черноморцы и линейцы представляют один цельный организм — кубанских казаков.

***

В Поднепровьи, т. е. в восточной части Украины, существовало с XVI в. особое т. н. реестровое казачество, основой его послужила приднепровская часть украинского населения — черкасы. Эта часть населения постепенно ассимилировалась со всем украинским народом, этнически чище сохранившимся к западу от Днепра. Украинское реестровое казачество представляло ни что иное, как военно-служилое сословие Украины, бывшее свободным и главенствующим. По принятии Украиной (1653 г.) династической унии с Московским государством, по образовании, путем украинской колонизации, дальше на восток Слободской Украины, образовывались и казачьи войска и полки, представлявшие военно-служилый класс, сословие украинского народа. Из украинского народа, жителей степной полосы, благодаря его характеру, свойствам, быту, психологии, казачество могло образоваться и искусственным путем.

Попытка же в первой половине XIX ст. образовать из великорусского населения особого типа казачество в виде аракчеевских военных поселений кончилась полной неудачей, главным образом из-за отсутствия соответственных качеств у великорусского народа.

Название казак, существовавшее на Украине в некоторых местах у сельского населения до последнего времени, конечно, не имеет иного смысла, кроме указания, что предки обладателя этого названия, были свободными людьми, не знали над собой крепостного права.

Единство украинского народа и к западу от Днепра, и к востоку от него, несмотря на значительный прилив тюркской крови в Поднепровьи, на длительное различное государственное бытие частей этого народа, обязано тому, что основы этому народу дали одни и те же славяне степной полосы — руссы, которые являлись настолько сильными, что способны были ассимилировать другие народности, или передать им, во всяком случае, свои культурные основы.

ГЛАВА VII.

Тмутараканское княжество славяно-руссов и казахов (966—1094 г.)

(Осн. ист. №№ 1-9, 24, 55, 59 (1877 г.), 60).

Тмутараканское княжество образовалось, как мы видели, во второй половине X ст. Оно существовало уже при кн. Владимире; если не в виде княжества, то просто владения, земли, оно входило уже в состав державы кн. Святослава. Мало вероятно, что, направив свои силы и средства для завоевания, а потом удержания Дунайской Болгарии, Святослав пренебрег и бросил свои завоевания в Приазовьи и Подоньи.

Русская летопись дает настолько отрывочные и случайные сведения о Тмутараканском княжестве, что у русских историков конца XVIII ст. шел спор о местоположении его; некоторые предполагали даже, что это был просто город где-то в пределах Рязанской земли. И только находка в 1792 г. в г. Тамани исторического памятника утвердила местоположение княжества в Приазовьи и местоположение самого г. Тмутаракани.

В Тамани в 1792 г. была найдена мраморная плита с надписью: „В лето 6576, индикта 6, Глеб князь мерил море по льду от Тмутаракани до Корчева — 1000 и 4000 сажень". Эта археологическая находка, а затем и другие исторические памятники точно установили местоположение г. Тмутаракани. У русских историков теперь уже не возникает сомнения о наличии славянского населения в составе Тмутараканского княжества.

Но, некоторые это население считают не коренным, (Барсов, Иловайский, Ламбин, Голубовский и др.)*) как мы установили, а образовавшимся путем колонизации с севера (из лесной полосы).

Тмутараканское княжество представляло из себя отдаленное, весьма непрочное владение, отрезанное отчасти, а после и совершенно, кочевниками — половцами. Невозможно предположить, чтобы князья переводили население, или допускали передвижение его туда. Мы не говорим уже, что по военной и по всей своей исторической обстановке это было совершенно невозможно. Княжество потому и возникло, что на территории его уже существовало коренное славяно-русское население. Арабские и византийские исторические документы, как мы видели во II главе, устанавливают существование славяно-руссов в Приазовьи и Подоньи (Казакии) почти до середины X ст. (поход руссов 943 г.), а во второй половине этого столетия и возникло Тмутараканское княжество. Естественно, что население Казакии, как никуда не могло исчезнуть, так и вдруг не могло появиться откуда-то.

Русские историки в затмении от „норманнской (варяжской) теории" пренебрегали арабскими и византийскими историческими документами, или скользили по ним (как, например, историк Соловьев), а эти документы и устанавливают существование славяно-руссов приазовских в Казакии, и потому не дают самого естественного об'яснения — преемственности славяно-русского населения Тмутараканского княжества от руссов, которые уже исстари жили в Казакии.

Смешение населения в Тмутараканском княжестве, черезполосное его размещение были следствием существования этих народностей более $2^1/_2$ ст. в составе одного и того же государства — Хозарской империи. Вне всякого сомнения, что это тесное соседство, общение, взаимное влияние на быт и на всю жизнь руссов и казахов, не могли исчезнуть после образования Тмутараканского княжества. Изменение произошло в том, что раньше господство принадлежало казахам, теперь оно стало принадлежать руссам. Присоединение Крыма к Тмутараканскому княжеству произошло во время кн. Мстислава, но, возможно, что уже после похода Владимира в Крым и взятия г. Корсуня он вошел в состав Тмутараканского княжества.

Кн. Мстислав стремился расширить свое владение на восток, что привело к вооруженной борьбе с ядром Казахии. Связь, населения Тмутараканского княжества с казахами, обрисовывается летописью при описании борьбы Мстислава с князем казахов — Редедей.

Вопрос, кому владеть землей и народом, по предложению казахского кн. Редеди, сказавшего будто-бы: „зачем нам губить

*) Проф, Пархоменко, же считает даже Киевскую Русь, кн. Олега и Игоря, вышедшей с Приазовья.

дружину и народы", был разрешен единоборством князей, победителем из которого вышел кн. Мстислав. Это указывает на сознание близкого соседства, родства, общности двух народов — славяно-руссов и казахов. Если до победы кн. Мстислава в состав Тмутараканского княжества входила только часть казахов (черкасов) и чигов, то после победы в состав ее вошла вся Казакия.

Сообщение, связь Русского государства с Тмутараканским шло из Черниговского княжества по р. С. Донцу, и по Дону. По р. Днепру связь едва ли была возможна: этому препятствовали печенеги, главное ядро которых было уже западнее Днепра, но они были сильны и к востоку от него. Тмутараканское княжество было ценным для Русского (Киевского) государства по своему географическому положению, по своей торговле, что оценивали князья и Святослав, и Владимир, и Мстислав.

В состав Тмутараканского княжества в эпоху его наибольшего расцвета, т. е. в конце княжения Мстислава, входили: большая часть, возможно и вся Казакия с г. Руссией (Артаной) в устьи Дона, Тмутараканью в устьи Кубани, по имени которого и получило название княжество; северное Азовское побережье, с жившими еще по р. Берде кабарами (черкасами) и Крым, с городами: Козловом (Евпаторией), Сурожом (Кафой), Корчевой (Керчью) и др.

После очищения печенегами среднего Подонья и переволоки, туда, вероятно, передвинулась часть населения с юга Тмутараканского княжества, так что и эти области входили в состав его. Кроме упомянутого гор. Руссии, в низовьи Дона существовали города — Чешлюев, Осенев, Шарукань (Саркел), Балин, Сугров, Орнас, Ахас. В русских летописях о них упоминается лишь во время владычества половцев в степной полосе; некоторые города (Осенев, Шарукань, Сугров), судя по встречающимся в летописи именам половецких ханов, получили их имена.

Но вне всякого сомнения, города эти построены были не половцами-кочевниками, а существовали и раньше их, т. е. во время существования Тмутараканского княжества, лишь под другими названиями.

Средняя часть Северского Дона была занята тюркским народом — торками, который, если не входил в Тмутараканское княжество, то был с ним в союзных отношениях. Находясь между Черниговским и Тмутараканским княжествами, он был слаб для борьбы с ними.

Археологические изыскания подтверждают не только существование городов по Дону и С. Донцу во время существования Тмутараканского княжества, раньше и позже, до самого нашествия монголов, но и очень высокое культурное развитие народов, населявших их.

После появления (около 1050 г.) в степной полосе и осе-

дания в ней половцев, народа тюркского — сильного, воинственного, осевшего к востоку, а затем к западу от С. Донца и к югу от него, Тмутараканское княжество стало оторванным владением, предоставленным самому себе. В конце XI ст. оно было совершенно утеряно Русским (Киевским) государством и всякие упоминания о нем в летописи совершенно прекращаются. Предоставленное самому себе оно перестало существовать в виде княжества но, конечно, население его не исчезло, не исчезли и города, не исчезла и жизнь в них.

***

Прибывание 2-х народностей — славянской (руссов) и тюркской (казахов) на территории Казакии в составе Хозарской империи на протяжении сотен лет, а затем в составе Тмутараканского княжества в течение более 100 лет не могло не вести к взаимной ассимиляции. Этому способствовали — тождественный быт, одни и те же источники культурных влияний и установившееся в IX ст. в Казакии религиозное единство между славянской и тюркской народностями. И по своему географическому положению и по историческим условиям Казакия исторически должна хранить и соответственный быт, и деятельность, и воинственный характер в населении. В государственной системе Русского государства Тмутараканское население в основе представляло то же, что и поднепровские черкасы, т. е. казачество.

Таким образом основные элементы и условия образования казачества в Поднепровьи и в Казакии были тождественны. Было различие лишь в том, что тюркские элементы в Поднепровьи были разнообразны: и черкасы, и печенеги, и половцы, и торки; в Казакии же, главную основу составляли казахи, стоявшие на высокой ступени развития.

Были все данные для этнического слияния этих 2-х этнических групп — Поднепровской и Подонской в одну народность. Но отрыв Тмутараканского княжества от Русского государства, утеря всякой связи с Поднепровьем, совершенно отдельное, изолированное бытие его, повели к образованию из населения Тмутараканского княжества особой народности, особого народного, а позже и государственного, организма, отличного и самобытного от днепровских черкасов.

На обрисовке Тмутараканского княжества, мы остановились, насколько дали нам возможность исторические документы, не потому только, что территорию его, территорию Казакии занимают теперь донские, кубанские и другие казаки, но и потому, главным образом, что особый народный организм, особая донская казачья народность образовалась, главным образом, из населения Казакии, существовавшего и после прекращения бытия княжества.

Мысль о том, что население Тмутараканского княжества

является родоначальником донского казачества не нова (Максимович, Голубовский, Пудавов и др.); но они не устанавливали преемственности населения на территории Казакии (в Подоньи).

Народное предание, записанное Ригельманом около середины XVIII ст. говорит, что запорожские казаки считали себя происходящими от хозар (черкасов), а донские от черкасов (черкесов), т. е. те и другие хранили еще память об одних из своих предков. Как увидим, происхождение донских казаков от населения Тмутараканского княжества — Казакии устанавливается историческими данными.

ГЛАВА VIII.

Бродницкая (казацкая) народность во время владычества половцев в степной полосе (1094—1240 г.).

(Осн. ист. 1, 2, 23, 55, 59).

В первой половине XII ст., вскоре после того, как со страниц русских летописей совершенно исчезают всякие упоминания о Тмутараканском княжестве, в них начинают встречаться сведения о дружинах бродников, являвшихся союзниками в войнах русских князей. Впервые летопись упоминает о них в записи под 1147 г., указанием о соединении войск бродников и половцев с войском кн. Святослава на берегу реки Оки.

Эта запись дала основание историку Карамзину высказать предположение о происхождении их: „сии люди были христиане, обитали среди степей донских, среди варваров, уподоблялись им дикою жизнью, и, вероятно, состояли из беглецов русских: они за деньги служили нашим князьям в их междоусобиях".

Казакия и во времена владычества половцев не теряла связи и общения — торгового, культурного и религиозного с Византией и жизнь в ней, несмотря на господство половцев, была значительно более культурной, чем в колониях Русского государства на Северо-Востоке Европы (в образовавшихся княжествах Владимиро-Суздальском, Московском и др.). Для бегства славянского населения с севера, из лесной полосы в степную, не было в то время побудительных причин, а главное оно и не могло бежать на юг, так как беглеца ожидали плен и рабство у половцев. Кроме того, никакого войска из беглецов вообще, а из славян лесной полосы в особенности, составиться не могло, так как создавалось оно тогда исключительно при наличии соответственного быта, преемства и т. д. Наоборот и во время владычества половцев продолжалось вытеснение славян из степной и даже предлесной полосы на север, в лесную.

В исследовании историка Н. Голубовского *) устанавливается, что в эпоху половецкого владычества в ближайшем к степной полосе в Рязанском княжестве, южнее реки Быстрой Сосны, населения уже не существовало: города Воронеж, Елец, Курск были разрушены половцами. Как видно из записи в летописи об осаде г. Пронска кн. Всеволодом местность к югу от него называлась уже „полем половецким", очевидно, что Пронск являлся пограничным городом и к югу от него населения не было. Лесная полоса имела громаднейшие свободные пространства, защищенные от кочевников самой природой; туда и уходило население, а не на юг, в степную полосу. Образование колоний, а затем из них княжеств на северо-востоке, было следствием искания безопасности, спокойствия, обеспеченности земледельческого труда, что не обеспечивалось уже в Приднепровьи, в соседстве с степной полосой.

Названный выше историк Голубовский в своем исследовании говорит так **): „Бродники есть община, выработавшаяся из остатков Подонского населения, вследствие исторических и этнографических условий, в которые это население было поставлено. Эта община могла получать подкрепление свежими силами из Руси, что служило причиной сохранения славянского типа и давало возможность отстоять независимость от кочевников. Это был прототип казачества"... Хотя и более осторожно, Н. Голубовский все же признает пополнение бродников из Киевской Руси, признавая основным их ядром население Тмутараканского княжества; но таковое пополнение, по историческим условиям было невозможным: стоит только вспомнить о беспрерывных почти войнах половцев с Киевской Русью. Сохранение славянского типа, языка и религии было следствием не пополнения извне, а следствием того, что бродники представляли из себя уже сложившуюся народность, способную на противодействие, стойкую против поглощения половцами, или кем-либо иным.

О местожительстве бродников Н. Голубовский говорит так: „Бродники жили в восточной части степи — в Подонье и по берегам Азовского моря (т. е. в Казакии), они исповедовали православие, участвовали с половцами в их предприятиях".

Господствовавшие в степной полосе половцы жили в низовьи Дона, по Донцу, и к югу от Дона, в степной полосе. Города в низовьи Дона, принадлежавшие населению Тмутараканского княжества, были заняты половцами, но в них оставалось и бродницкое население, что видно из летописи. В описании походов русских князей на юг против половцев в летописях

*) В специальном историческом исследовании (№ 59): „Движение и жизнь народов степной полосы до Татарского нашествия", Н. Голубовского. Университетские известия. Киев, 1883 г.

**) № 60 Н. Голубовский, стр. 603.

упоминается случай шествия русского войска с хоругвями, крестами и пением псалмов перед взятием города в низовьи Дона, что, очевидно, являлось способом религиозного воздействия на родственное бродницкое христианское население. В другом месте описан случай встречи самим населением с церковным пением и колокольным звоном южно-русского войска, поднесения вина и хлеба, что указывает на существование у населения земледелия и виноградарства. Наконец, летопись повествует о чудесной победе над половцами в низовьи Дона, одержанной киевскими князьями при помощи „небесных сил" (ангелов), предводительствуемых Св. Борисом и Глебом.

Почитание Св. Бориса и Глеба, было, вероятно, очень широко распространено среди населения Казакии (входившей в состав Черниговской епархии до появления половцев). Крестыскладни с изображением этих святых неоднократно были находимы на Дону: два таких креста были найдены хранителем Донского музея Х. И. Поповым при раскопках Саркела (Шаруканя).

Основой этого повествования, вероятно, было фактическое событие: помощь оказанная Киевской Руси, неожиданная как для нее, так и для ее противников, половцев; она, вероятно, и была оказана бродницким войском. Возможно, что у него на хоругвях-знаменах было изображение Св. Бориса и Глеба. Историческое событие у летописца получило поэтически-религиозное освещение.

По среднему Донцу (здесь жили торки) и к западу от него и Дона — поселений бродников не было, так как мы не встречаем упоминаний в летописи о них, а походы русскими князьями совершались как раз по Донцу и западнее его: летопись не преминула бы упомянуть о столкновении с бродниками или занятии их городов, если бы это было. Бродники жили в низовьи Дона в существовавших здесь городах; но главная часть их жила по среднему Дону и по низовьям левых притоков Дона между ними и р. Волгой, будучи вытесненной из Приазовья; северо-восточнее их жили башкорды (башкиры), мещера и мордва; между бродницкой территорией и соседним Рязанским княжеством оставалась громадная пустая полоса.

В Никоновской летописи есть ценная для нашего исследования запись „(в 1148 г.) Князь Глеб Юрьевич, иде к Рязани и быв во градех Черленого Яру и на Велицей Вороне и паке возвратился к Черниговским князем на помощь"... Понятно, что помощь Черниговским князьям была кн. Глебом оказана не личная только, а с войском бродников. Черленый Яр была область, и очень обширная, если в ней существовали города, в то время разбросанные и удаленные друг от друга. Это название, как увидим, является одним из очень ценных исторических доказательств преемственности населения в Подоньи.

По исследованиям Иловайского*); „Черленый Яр в тесном смысле называлась, во-первых, река, впадающая в Дон между Тихой Сосной и Битюгом, во вторых, часть берега у р. Савалы, которая впадает в Хопер, с правой стороны пониже реки Вороны. Потом это название распространилось на земли, лежащие между ними, а в XIV ст. разумелось все степное пространство между р. Воронежом, Доном, Хопром и Великой Вороной". У диакона Игнатия, спутника Митрополита Пимена, ехавшего в 1389 г. по Дону в Цареград сказано: „та же минухом (после Тихой Сосны...) и Черленый Яр реку и Битюк и Хопер".

Название Черленый (Красный) Яр носила и местность в районе слияния р. Терсы с Медведицей. Здесь существовал один из древнейших городов Донского Войска — Красноярский, уничтоженный Петром I после подавления Булавинского восстания (1707-8 г.), на месте которого и возник г. Красный Яр (Сарат. губ.) На основании указанных документов и документов позднейших, можно заключить, что Черленым Яром называлось среднее Подонье, т. е. часть Дона с левыми его притоками к северу от переволоки.

Бродники были по тому времени достаточно многочисленным народом; известность их простиралась за пределы Вост. Европы. По своим походам вместе с половцами они были известны и венграм, а по ударам Дунайской Болгарии — и Византии. О воинственности их упоминается в слове Никиты Акомината в 1190 г.: „Куманы (половцы) народ, доселе не порабощенный, негостеприимный и весьма воинственный и те бродники, презирающие смерть, ветвь Русских (Ruteni), и они народ, повинующийся богу войну", т. е. народ воинственный.

Этот документ устанавливает близкое родство бродников с Киевской Русью, очевидное для иностранцев, которое сказывалось прежде всего в единстве языка и религии бродников с Киевской Русью. Воинственный характер, военная деятельность являлись характерными чертами бродницкой народности.

***

Название бродников, упоминаемое и в русской летописи и в иностранных источниках, некоторые историки склонны были производить от слова „бродить", и об'ясняли, что бродники были кочевниками; но у них, как указывали мы, были города, церкви, существовало земледелие. Сам по себе кочевой быт не был характерным для степной полосы, и не это было известным да и важным для летописцев русских и иностранных в определении населения Казакии.

Всякое славяно-русское население и войско входили в состав того или иного княжества; славяно-русское же население бывшего Тмутараканского княжества не входило в состав ни

*) Иловайский. История Рязанского княжества, стр. 141-144.

одного из них, а войско, помогало и воевало с кем хотело, и в этом смысле было бродячим. Название бродников население Подонья и получило, можно думать, по государственно-политическому признаку, а не по социально-бытовому.

Бродники составляли отдельное войско от половецкого: участвуя в войнах вместе с ним, действовали и самостоятельно. Поэтому можно заключить, что бродницкая народность, образовавшаяся из населения Тмутараканского княжества, имела свое устройство, управление, свое войско; но была, вероятно, в вассальной зависимости от Половецкого ханства. Упоминания о войске бродников в летописи встречаются включительно до монгольского нашествия. Незадолго до него (в 1215 г.) бродники участвовали в междоусобной войне русских князей на стороне кн. Юрия Святославовича, а в 1216 г. в союзе с Ярославом Святославовичем.

Во время первого монгольского нашествия в битве на Калке в 1223 г. бродницкое войско, под предводительством своего воеводы Пласкини, было союзником монголов, т. е. противником половцев и русских. Русский летописец негодует на то, что христиане-бродники оказались на стороне, „агарян" и воевода их убедил киевского князя, осажденного на правом берегу реки Калки, сдаться монголам после того, как большая часть войск Юго-Зап. Руси, переправившаяся на левый берег, была разбита ими. Поражение и в частности сдача киевского кн. Мстислава зависела не от бродников, а от других причин, — поражение при существовавшей политической и военной обстановке являлось неизбежным.

Бродники знали, что главный удар монголы направляли против половцев, а русским князьям настойчиво предлагали союз против них. При этих условиях союз бродников с монголами представляется естественным и целесообразным, как путь избавления от всякой зависимости от половцев. Наконец, союз мог явиться и вынужденным: южно-русские князья собирались на Днепре, а территория бродников была уже под действительной угрозой отдельного разгрома; во спасение ее и себя союз с монголами и мог явиться — и необходимым и неизбежным.

Свойства, быт, черты характера бродницкой народности составляли развитие качеств населения Тмутараканского княжества, являвшегося соединением двух народностей: славяно-русской и тюркской в одну, с особым развитием, преобладанием в ней военной деятельности и во время владычества половцев. Иностранные источники, говоря о бродниках, под ними, вероятно, разумели и берладников, являвшихся родственной народностью, тождественной и по быту и по деятельности. Максимович, Голубовский, Пудавов и другие историки считали берладников — родоначальником запорожских, а бродников — донских казаков.

ГЛАВА IX.

Казакия при установлении в степной полосе татарского владычества (1240—1261 г.).

(Гл. ист. №. 1, 2, 16, 32, 34, 47, 55, 60, 61).

Владычество монголов (татар) над народами степной полосы резко изменило их жизнь и исторические процессы, совершавшиеся в ней. В русской летописи нет указаний о существовании в степной полосе народа славянского происхождения по установлении в ней татарского владычества. Это об'ясняется тем, что связь лесной полосы с степной была утеряна. Русское (Киевское) государство было сильно разгромлено татарами, был разрушен (1240 г.) и центр культурной жизни и письменности — г. Киев.

Северо-восточные колонии Русского (Киевского) государства, где на основах преемства от него образовались новые государства — Московское, Рязанское, Тверское и другие, от Подонья были отделены сотнями верст безлюдного пространства. Подонье было оторвано и обособлено от них и территориально и в своей исторической жизни.

Предположение и даже утверждения некоторых русских историков, что население степной полосы, в том числе и бродницкое, было уничтожено татарами является вообще несостоятельным теоретически, так как никогда никакой народ целиком не уничтожался, — и не отвечающим исторической действительности. Как не было уничтожено монголами население в лесной полосе, так оно не было уничтожено и в степной.

Известно, что даже половцы не были уничтожены татарами: около 40 тысяч их семейств переселилось в Венгрию. Отказ Батыю со стороны короля Белы в выдаче их и был, если не причиной, то предлогом войны и вторжения татар в Венгрию. Часть половцев впоследствии поселилась в Поднепровьи, смешавшись с Поднепровскими черкасами и вообще украинцами, усилив тюркский элемент в Поднепровьи. Часть половцев уцелела в предгорьях и горах Восточного Кавказа и существует и доныне в виде особой народности — кумыков.

В первое нашествие татар (1223 г.) бродники являлись союзниками татар, все равно, вольными или вынужденными, а во второе — Батыево (1237-40 г.) — направление движения татар шло из-за р. Волги и проходило севернее их территории, захватывая лишь северную окраину ее.

О существовании бродницкой народности, и после походов-нашествий монголов и после установления в степной полосе владычества их, — мы находим свидетельства в иностранных исторических документах. В 1227 г. Папа римский Григорий IX

в своем послании епископу Гранскому, писал*): „Мы удостоиваем дать тебе наше полномочие в землях Кумании и Броднике (in Cumania et Brodnic) соседнем с ней, на обращение которых есть надежда, по которому ты имеешь власть проповедывать, крестить...". Этот документ указывает на известность и значимость Бродника; очевидно, что упоминание наряду с Куманией (Половецким ханством) устанавливает существование бродницкой народности, если не как государственного, то как народного организма.

В 1254 г., т. е. уже после Батыева нашествия (1237-40 г.) и установления монгольского владычества на Вост. Европы, Венгерский король Бела IV в письме к Папе Римскому писал**): „Когда государство Венгрии от вторжения татар, как от чумы, большей частью было обращено в пустыню, и как овчарня изгородью было окружено различными племенами неверных, именно: Русскими, Бродниками с востока, Болгарами и еретиками с юга"...

Приведенный выше исторический документ (письмо короля Белы), упоминающий о бродниках наряду с другими народами в том числе и с русским, указывает на то, что они были широко известны, что они имели отдельное бытие от последних, представляли особую народность, и на то, что они продолжали существовать и после установления татарского владычества в степной полосе.

Историк Н. Голубовский в своем исследовании, так говорит о невозможности исчезновения бродницкой народности: „Община, получившая такую известность, как бродники, предпринимавшая экскурсии (походы) и в Венгрию и в Византию, сумевшая сохраниться до самого нашествия татар, не могла исчезнуть неожиданно. Ни одно известие не говорит нам об этом; наоборот, письмо короля Белы IV указывает, что она около 1254 г. была полна силы. Если мы ничего не знаем далее о бродниках и берладниках, то причиной тому хаос, поднявшийся с нашествием татар, в силу чего южные русские степи сделались надолго terra incognita — „земля незнаваема".

В дальнейшем Н. Голубовский высказывает свое предположение, что бродники являются родоначальником, предками донских казаков, а берладники — запорожских. Если бы Голубовский продолжил свое исследование исторической жизни в степной полосе и по установлении в ней владычества татар, то несомненно бы нашел данные и для утверждения, что бродницкая народность, получившая название казаков, составившая Подонскую или Сарайскую епархию, существовала и при владычестве татар в степной полосе.

*) № 60. Голубовский.
**) № 61. Зап. Ак. Наук т. VI, 1865, стр. 121.

С достаточным вероятием можно полагать, что в нашествии Батыя на Венгрию участвовали и бродники и поднепровские черкасы; первые вовсе не составляли органического целого с Половецким ханством, а последние еще не составляли того же с населением Русского (Киевского) государства, слившись с ним лишь впоследствии.

***

Один из послов папы Инокентия IV в Золотую Орду, Плано Карпини, посетивший степную полосу Вост. Европы в 1246 г., говорит*), что жители Кумании частью бежали, частью были уничтожены татарами, частью попали под владычество их. Бродники и явились той народностью, которую татарам не только уничтожать, но и громить не было ни оснований, ни выгод. Описывая взятие монголами богатого торгового города в низовьи Дона — Орнаса (прежней Артаны, Руссии), оказавшего упорное сопротивление и взятого лишь при помощи запруд**), Плано Карпини говорит, что среди населения этого города — хозар (т. е. приазовских черкасов, казахов, чигов и алан) была и русь (Ruteni), т. е. бродники.

Посол Людовика Св. к Батыю, Рубруквис, посетивший Золотую Орду в 1253 г., в описании своего путешествия говорит, что от смешения алан с руссами (русью) образовался особый народ и что закаленные воины этого народа, затерявшиеся среди иноплеменников (татар), все необходимое к жизни добывали войной, охотой и рыбной ловлей. Неблагоприятные условия жизни не позволяли им воздвигать больших городов. Образ жизни их был полукочевой, и лишь для защиты от холода и непогоды строили они землянки и постройки из плетня и камыша, но не отказывали своим дочерям и женам в богатых нарядах. Женщины украшали свои головы особым убором, который Рубруквис находил очень похожим на головной наряд француженок того времени; низ платья они опушали мехом выдры, белки и горностая. Мужчины носили короткую одежду (кафтаны, чекмень) и барашковые шапки.

Византийские историки Никифор Григора***) (умер в 1359 г.) и Григорий Пахимер говорят, что чиги (т. е. казахи), готы, алане и руссы были покорены сыном Чингис-Хана Телепугой (Тулуем), что татарский полководец Ногай подчинил их своей власти и что, попавши под владычество татар, чиги, готы, руссы, алане приняли их образ жизни, одежду и нравы. Эти народности обязаны были поставлять татарам вспомогательное

*) № 34. Плано Карпини.

**) По обстановке взятия г. Орнаса можно заключить, что он был расположен: или на месте ст. Старочеркасской, или на месте ст. Елизаветинской, вблизи теперешнего Азова, где была Руссия (Артана).

***) № 16. Штриттер, стр. 135.

войско. Очевидно, что здесь говорится не о лесной полосе, а о руссах (руси) степной полосы, т. е. о бродниках.

Указание Рубруквиса на то, что бродницкое население в низовьи Дона строило землянки и постройки из камыша и плетней как раз и свидетельствует, что оно ранее было не кочевым (у кочевников всегда существовали особые переносные и перевозимые постройки — кибитки, юрты), а было ранее оседлым населением городов, вытесненным оттуда монголами. Смешению бродников с черкасами (казахами) и аланами при монголах способствовало, кроме тесного соседства, давнего общения между ними, одинаковое положение покоренных народов и религиозное их единство. В низовьи Дона по установлении татарского владычества очевиден в жизни коренного населения упадок, регресс: города были частью разрушены, а из сохранившихся бродники были вытеснены.

Полем зрения наблюдения Рубруквиса было низовье Дона: здесь в виду тесного общения, чересполосной и совместной жизни в городах бродников с другими народностями смешение было больше, чем в средней части Дона, в области Черленого Яру, где ни алан, ни черкасов не было в значительном числе; там, вероятно, смешение было меньше. Северная часть Казакии, бродницкая область Черленый Яр, представляла территорию совершенно непригодную для оседания или кочевок татар, поэтому здесь и сохранились в целости города и поселения бродников, прежний быт и деятельность их.

В 1261 г. для христианского населения степной полосы была учреждена Подонская и Сарайская (Сарская) епархия с епископским столом в ханской ставке Золотой Орды, в г. Сарае, на рукаве Волги — Ахтубе. В состав епархии входило не только все Подонье, но одно время и территория бывшего Переяславского княжества, т. е. все пространство до р. Днепра и часть Рязанской области.

Русские историки склонны об'яснять появление славянского христианского населения в Подоньи той же болезненной тенденцией — „колонизаторских устремлений и осуществлений русского (великорусского) народа“. Они совершенно не говорят, куда исчезло население как Тмутараканского княжества, так потом и бродницкая народность; но и Плано Карпини и Рубруквис говорят, очевидно, о коренном бродницком населении Казакии. Путешественники эти, естественно, не знали прежней жизни, истории края и поэтому рисуют существовавшее только при них. Бродницкое население уже вошло в состав Золотой Орды и прежнее государственно-политическое название его — „бродники“, существовавшее у соседей, утеряло смысл, а само население бродниками себя никогда не называло; поэтому и путешественники не дают ему этого названия, а называют русью (Ruteni), вероятно, по языковому и религиозному признакам.

Смешение бродников с аланами, под которыми Рубруквис разумел вообще христиан не славянского племени, т. е. и черкасов кавказских (казахов, чигов), чтобы сказаться, быть замеченным должно было быть давним, продолжительным; все равно — было ли то следствием смешанных браков, позаимствования бытовых особенностей, взаимной ассимиляции, смешения языка и т. д. — для смешения нужна была смена не одного поколения. Рубруквис заметил следствие того, что началось уже давно, еще при владычестве в степной полосе половцев, т. е. когда население Казакии существовало под названием бродников, возможно, и раньше, еще во времена существования Тмутараканского княжества.

Воинственные качества, знание ратного дела и наличие организационных форм, которые обратили внимание Рубруквиса были наследием длительного прошлого, определенного быта, деятельности, преемства и т. д.; они имелись уже в наличии как у бродницкой народности, так и у предков ее — славяно-руссов, казахов и алан, из которых вследствие исторических условий и образовалась бродницкая народность, сохранившая славянский язык и христианскую религию, главные признаки принадлежности ее к Руси (Rutheni).

Из упоминания Рубруквиса о добывании населением Подонья (бродниками) средств к жизни войной вытекает, что эта народность входила в состав Золотой Орды и в составе ее имела военно-служебное положение. Самостоятельно эта народность никаких войн или походов во время татарского владычества, конечно, вести на могла. Военная добыча и стала, наряду с охотой и рыбной ловлей, одним из средств существования населения Казакии в низовьи Дона.

Невозможность образования в то время населения Подонья, вследствие колонизации из лесной полосы, Н. Голубовский устанавливает так: „Разгром Рязанской области от татар произошел в 1237 г. и промежуток времени до основания Сарайской (Подонской) епархии всего 24 года (1261-1237 г.). Мы не находим возможным, чтобы за такой короткий промежуток времени успела колонизоваться такая удаленная область, какой был Черленый Яр, при том колонизоваться так, что могла составить епархию с приходами и монастырями. В 1237 г. вся местность от Воронежа до Рязани была опустошена татарами (Воскр. летопись) и странно было бы, чтобы напуганное, разоренное население сейчас же после погрома обратилось к колонизационному движению. Это было бы совершенно неестественно".

Для колонизации имелись, как мы говорили, громадные свободные пространства в лесной полосе: не было необходимости осуществлять свои колонизаторские устремления для великоруссов*), если они и были б в действительности, направляя

*) Великорусская народность в то время находилась в процессе своего образования и первоначального развития.

их в чуждую стихию — степную полосу, при условиях: — „из огня в полымя". Кроме того, если бы население такое в Подоньи и появилось, то из него никак не могло образоваться войска, каким было в целом население Подонской епархии.

Таким образом, является несомненным, что население Подонья, называвшееся раннее бродниками, являлось коренным населением его. Центр жизни и деятельности с низовья Дона, где города по-большей части были разрушены, а из уцелевших бродники (русь) были вытеснены монголами, осевшими в низовьи Дона, перешло в среднее Подонье — в часть ее, носившую название Черленый Яр. Низовье Дона при установлении татарского владычества пришло в упадок.

Бродницкая народность не была поглощена монголами, как поглощены были некоторые тюркские народности (часть казахов, алан, камские болгары) из смешения которых впоследствии образовались тюркско-татарские (тюркско-монгольские) народности — ногайские, крымские, казанские татары. Это указывает, что бродники представляли из себя уже прочно сложившуюся народность, имевшую — и свое устройство, и быт, и психологию, и идеологию, и традиции, — представляли особый народный и государственный организм.

ГЛАВА X.

Казачество в государственной системе Золотой Орды (1240—1400 гг.).

(Гл. ист. №. 1, 2, 16, 32, 37, 42, 46, 55, 59, 67-71, 72).

Золотая Орда, как государство, в своем составе заключала, кроме монгольских орд, и все народы Вост. Европы до р. Днестра. Первоначально она была частью Империи Монголов, наследия Чингис-Хана, потом зависимость от Великого Хана стала номинальной, а к концу XIII, или в начале XIV в. Золотая Орда в пределах Востока Европы стала совершенно самостоятельным, независимым от владений монголов в Азии, государством.

Владычество их на Вост. Европы по своему содержанию можно разделить на два периода: I — от установления владычества (1240 г.) до конца XIV в. (приблизительно до Куликовской битвы 1380 г.) — это период прочного существования народов Востока Европы в государственной системе Золотой Орды; период — установившихся норм и взаимоотношений, господства и воздействия монголов на покоренные народы. II-й период, продолжавшийся до 1480 г. борьба — за освобождение от зависимости Золотой Орды, постепенное расслабление и распад ее на составные части; период влияния славян и других народов на монголов.

В государственной системе Золотой Орды в эпоху могущества монголов, т. е. в I-й период владычества, основой являлось то, что она представляла из себя соединение, сожительство народов (конечно, не добровольное) под властью единого хана Золотой Орды, являвшейся одинаково для всех народов самодержавной. Значение и роль сословий и классов Зап. Европы в государственной системе Золотой Орды играли не они за отсутствием таковых, а разные народы в целом, входившие в состав ее.

Северо-Восточная Русь для Золотой Орды служила источником средств, получавшихся сбором дани и податей; таким образом по отношению всей Зол. Орды она являлась в целом как бы податным сословием (крестьянским, сельским).

Предоставление княжествам Северо-Восточной Руси прежнего управления, устройства, прежнего бытия и дальнейшего развития наилучшим образом отвечало основному требованию государственной власти Золотой Орды — извлечению возможно больших материальных средств от покоренных народов. Очевидно, что монголы-кочевники ничего не могли внести в земледельческую страну в смысле изменения, улучшения существовавшего. Политика ханов в отношение Северо-Восточной Руси заключалась в сохранении своего безусловного владычества и в поддержке, в усилении местной великокняжеской власти, что и давало возможность извлечения максимума материальных средств. Великокняжеская власть за время владычества монголов в своей природе совершенно видоизменилась: обращаясь в ставленников ханов великие князья Северо-Восточных княжеств постепенно превращались „милостью ханов“ во владык самодержавных в пределах своих княжеств.

Войска (дружины) Северо-Восточной Руси не входили в состав вооруженных сил Золотой Орды, не участвовали в ее походах. Участие их в войнах в конце XIII в. на юге и в начале XIV в. на западе были историческими эпизодами (исключением, а не государственной нормой). В войске Северо-Восточной Руси для Золотой Орды не было необходимости, т. к. оно было слабого качества, представляло преимущественно пешее ополчение, совершенно непригодное для походов татар, в которых главное и решающее значение играла конница. Ни географические, ни социально-экономические условия, ни самый быт не давали никакой возможности в то время образоваться из населения лесной полосы сколько-нибудь удовлетворительного качества войску, особенно коннице.

Бухарцы, хивинцы, камские болгары и остатки хозар, сохранившиеся в низовьи Волги, в г. Астрахани и по Каспийскому побережью, представляли в целом для Золотой Орды торговое сословие. Вооруженную силу, источник военного могущества Золотой Орды составляли войска собственно монгольских орд

и покоренных народов степной полосы. Народы эти в свое время входили в состав Хозарской империи, после были в той или иной зависимости от Половецкого Ханства, или существовали самостоятельно.

Рубруквис в описании своего путешествия дает соотношение вооруженных сил в Золотой Орде — собственно монгольских и покоренных народов; число войска последних в 3-4 раза превосходило первых. Алане, казахи (черкасы) и башкиры составляли конницу; народы Поволжья — черемисы, мордва, как природные стрелки (охотники) и пешеходы, давали пехоту; чуваши и камские болгары, как опытные судоходы, обеспечивали плавание и торговлю по р. Волге.

Византийский писатель, современник той эпохи, Г. Пахимер, говорит:*)

Аланы, Зикхи (Чиги), Готфы и Россы (бродники) сопредельные им, приняли их (монголов) нравы даже язык**) и одежду и были причислены в товарищи военной службы и скоро составили бесчисленные войска".

Предоставление народам степной полосы прежнего внутреннего устройства, управления, организации, религии, народохозяйственной деятельности, быта, всего исторически сложившегося у каждого из этих воинственных народов, давало возможность ханам Золотой Орды получать готовое, высокого качества войско и главного рода его в ту эпоху — конницу.

Наследники Чингис-Хана, полководцы вышедшие из его практической школы, были большими мастерами в области стратегии и тактики, проявили исключительное уменье в разрешении организационных вопросов, уменье вести войны, используя средства стран противников (с базою впереди), разрушать силы и средства врага и использовать их, проявили исключительное искуство в маневре на театре войны и на поле сражения и умение пользоваться силами и средствами противника после победы над ними.

В эту практическую школу монголов, их полководцев, попало войско покоренных народов степной полосы, но едва ли для них являлась потребность изменять существенно в чем либо жизнь самих этих народов, их устройство, быт.

Собственно монгольская орда представляла как бы высшее господствующее сословие в государственной системе Золотой Орды. Но монголы быстро смешались с тюркскими (камскими болгарами, казахами) и другими народностями степной полосы Вост. Европы, вследствие культурного превосходства последних.

После принятия ислама эти монгольско-тюркские народно-

*) № 16. Штриттер, ч. 3, стр. 135.

**) Т. е. язык монголов стал государственным, под влиянием его стали образовываться тюрко-татарские языки. Язык монголов, шире языки тюрко-татарские, оказали сильное влияние при развитии великорусского языка.

сти и вообще Золотая Орда совершенно оторвалась во всех отношениях от монгольского мира, от „наследия Чингис-Хана", от монгольских владений в Азии.

Причиной распада ядра Золотой Орды на отдельные самостоятельные ханства — Казанское, Крымское и Астраханское (Ногайское) наряду с другими было — различное культурное содержание и состояние тюркских народностей, послуживших для образования этих ханств. Но народы степной полосы Вост. Европы были поглащены монголами не целиком и не все*)

Историки говорят, что в составе войск Золотой Орды была конница улан и казахов (1256 г.) Уланы были войском аланского народа, а казаки — войском кавказских черкасов (чигов, казахов). Этническое происхождение названия улан и казах (казак) в смысле названия типа войска тождественны. Отличительным вооружением улан было копье (пика), а казахов — сабля. Конница казахов была легкого типа, т. е. без всякого предохранительного вооружения, типом наиболее многочисленным в составе войска Золотой Орды.

* *
*

Народности тюркского происхождения, которые назывались и казахами, и чигами, и черкасами, и кабарами, стали казачеством в государственной системе Золотой Орды, т. е. народностями, сохранявшими свое управление, устройство, быт, свою народную деятельность и т. д. Они были свободны от дани и податей, подчинены непосредственно хану Золотой Орды, получившими в государственной системе как бы положение военнослужилого сословия; государственной обязанностью их было — иметь готовое конное войско, этому и должно было соответствовать, управление, устройство, народохозяйственная деятельность (наличие скотоводства и коневодства) и весь народный быт. Все это было уже в наличии у них еще до прихода монголов. Эта государственная норма образовалась не искусственным путем, не была творчеством монголов, а использованием уже сложившегося и существовавшего в степной полосе Востока Европы.

В пределах Азии у монголов ни войска — казаков, ни самого названия — казак, не существовало, оно появилось там лишь с XV ст. в названии киргиз-казак (кайсак), в Киргиз-Казацкой Орде, но, как увидим, это было явление уже XV в. и обязано оно происхождением своим Казакии, тем же казахам (черкасам). Слово казак, известное в разном начертании от разного произношения его: казах (у Константина Багрянородного), касог (в русских летописях), касаг (у теперешних осетин), во время владычества монголов усвоено было русскими с тюркско-татарским окончанием — ак. Это было следствием тесного, широкого

*) На основании изучения истории Востока Европы мы приходим к иным выводам, чем сделаны автором труда: Д-р Э. Хара-Даван. Чингис-Хан, как полководец и его наследие. Белград 1929 г.

общения великоруссов с тюркско-монгольскими народами и того, что их язык, став государственным на Востоке Европы, оказал сильное воздействие на русский (великорусский). Со времени монгольского владычества в русский язык вошло много тюркско-монгольских слов с окончанием на ак и як (буерак, бурак, армяк, кабак, сагайдак, и т. д.)*), но и слова с славянскими или ославянившимися корнями стали принимать окончание ак (пятак, семак, дурак, русак и т. д.), но в этом случае для этих слов имеются и другие славянские окончания (пятишник, семишник, дурной, русин, русский).

Казах, касаг, косог, в русском языке утвердилось в виде слова казак, а от русских оно позаимствовано было и другими народами. Слово казак определяло не только тип воина — конника, в частном случае пограничного стража, но и его социальное и государственное положение в Золотой Орде. От собственно казахов название казак распространилось и на другие народности степной полосы, получившими тождественное положение с казахами в государственной системе Золотой Орды.

Казачество в системе ее не было новшеством для Востока Европы. Поднепровские черкасы, особый народный организм, были уже казачеством в системе Русского государства. Им было и население Тмутараканского княжества, позже бродницкая народность. Разница была в том, что Золотая Орда имела большую широту и об'ем, — она захватывала всю степную полосу, т. е. включала все то, что когда-то включала Хозарская империя, большую часть Юго-Зап. Руси, всю Русь Северо-Восточную и Юго-Восточную (Подонье).

Бродницкая народность, т. е. большая часть Казакии со своим населением, как увидим, не только получила в государственной системе Золотой Орды положение казачества, но и усвоила название донских казаков, наряду с названием чиги, как свое новое этническое имя.

* *
*

Выше мы установили, что названия: черкасы, казахи, чиги, и кабары являются тождественными, заменяющими одно другое: там, где встречается одно из этих названий, то непременно встречается и какое нибудь другое из них. Установление тождественности этих названий имеет большое значение.

Еще Карамзин полагал, что казачество и слово казак более древнего происхождения, чем Батыево нашествие. Донской

*) Под влиянием тюркско-татарских языков в русском и украинском языках, кроме окончаний ак и як стали усваиваться окончания юк, ук (персюк, бирюк), на — юка (саб-люка, гад-юка) на — ка (турчан-ка, гречан-ка, вместо славянских форм — грекиня, туркиня). Вошло много слов с корнями — ар, ор, ур, ер, они почти все тюркского происхождения.

историк В. Пудавов*) и другие считали, что „черкасы назывались казаками, а казаки черкасами, а те и другие хозарами".

Проф. Щербина устанавливал тюркское происхождение слова казак. На толкованиях других русских историков слова казак не будем останавливаться, они большей частью не серьезны.

У византийского писателя Константина Багрянородного (948 г.) встречаются в его капитальном географическом труде названия Прикавказских стран — Чигия, Казахия и Папагия. Последнего названия мы больше нигде не встречаем. Воспоминанием о каком-то народе, называвшемся папагами, служит лишь название барашковой шапки — папаха, позаимствованной у этого народа, как шапка „трухменка" была позаимствована у туркмен.

Для народов Предкавказья еще до этого (Птоломей II в. по Р. Хр.) существовало название — черкасы (серасу)... У того же Константина Багрянородного есть указание, что с венграми на запад ушли кабары. Эти кабары, составившие восьмое колено, отличались особой храбростью, организованностью, и положили основу гусарской (хозарской) конницы у венгров.

Мы уже высказывали, что часть этих кабаров, вместе с венграми, вытесненная печенегами из района Волго-Донской переволоки, т. е. северной части Казакии, осевши вблизи Поднепровья, и положила начало поднепровским черкасам (черным клобукам). Эта часть кабаров осела первоначально на Азовском побережьи, куда и перенесла название с переволоки реки Берды. Берендеи — есть особое, вероятно, произношение слова „берден", т. е. с р. Берды.

На иностранных картах XIV-XV в. на северном побережьи Азовского моря, в районе р. Берды, неизменно стоит название Кабарда**) (cabardi) правда, в те времена, когда населения этого там уже не было (иностранцы пользовались устаревшими источниками). В описании битвы на Калке (1223 г.) Абуль Гази упоминает, что она произошла в земле черкасов (cabardi) т. е. иностранцы названия кабарда и черкасы применяют как тождественные. Некоторые историки (Голубовский) говорят, что впервые слово казак, (в смысле конника-стража), встречается у половцев. Это понятно: войско казахов Казакии, если не постоянно, то периодически входило в состав войска половецкого ханства. Тождественность названия казахи и кабарда устанавливается тем, что на многих иностранных картах в низовьи Дона (по левую сторону его) показаны живущими кабарда (cabardi), а по другим источникам твердо известно, там жили казахи (черкасы).

В русских летописях прикавказские народности неизменно

*) № 46. Пудавов, стр. 71; № 62 — Журн. М. Нар. Пр., 1838 — VI, стр. 192.

**) № 59 Зап. Одесск. Общ. т. V. 1863. Ф. Брун. Следы древних речных путей из Днепра в Азовское море.

назывались косогами (казахами) и названия черкасов в них не встречается. Только в описании Куликовской битвы (1380 г.) для прикавказских тюркских народностей вместо имени косогов в летописи употреблено черкасы и это название становится обычным, но за то название косоги больше никогда в летописях не употребляется, оно исчезает. Мы это об'ясняем тем, что с одной стороны слово казак приобрело специальное значение (военное и государственно-служебное), с другой — название казаки, как этническое, усвоилось преимущественно за населением Подонья.

В XVI ст. кавказские черкасы в отличие от днепровских и запорожских черкасов, между которыми в то время, конечно, не существовало никакого родства, в русских исторических документах называются „пятигорскими черкасами". В первой половине XVII ст. у донских казаков и в документах московских*) мы встречаем названия: „кабардинские черкасы" и „кубанские черкасы". Только со второй половины XVII. ст. вместо черкасов начинает усваиваться название черкесов, уже после установления влияния турок, а после и владычества их, и принятия черкасами кабардинскими и кубанскими ислама. Название черкас в турецком произношении изменилось в черкес. Но и название казахов за кавказскими черкасами еще сохранилось, что видно из документов 1708 г.**). Ближайшие соседи кабардинцев — осетины и доныне называют их не иначе, как — касаг, казак.

Великоруссы до сих пор называют донских, яицких, терских и кубанских казаков неизменно чигой, (чига), сохраняя древнее тюркское окончание — га, с прибавлением эпитета „остропузая". Это название указывает, что когда-то в сознании великорусского народа казаки были народом не великорусского происхождения; это сознание у самого великорусского народа существует и по ныне***). Эпитет „остропузая" применяется, конечно, в переносном смысле. В чешском и украинском языках есть слово — „чигать", означающее — высматривать, выглядывать, разведывать; очевидно, что оно позаимствовано было от народности, войско которой составляло легкую разведывательную конницу у татар, возможно, что еще и ранее у половцев. „Остропузая чига" — имеет, или имело, смысл — везде проникающий, проползающий на животе.

Из изложенного видно, что в старинных памятниках названия — черкасы, казахи, чиги, кабары, являлись обобщающими названиями народов Казакии и заменяющими одно другое. Поэтому, если кто заимствовал одно из этих названий, то неизбежно им заимствовалось и какое-нибудь другое. Это обоб-

*) № 70. Дел. Тур. св. 4 (1615 г.)
**) № 71. Д. Калмыцк., кн. 28, № 1 (1708).
***) „Идея единства русского народа", т. е. всех славянских народов на Вост. Европе в русской науке являлась политической.

щение понятно, если вспомним, что все народности Кавказа в настоящее время часто называются общим именем — черкесы; понятна и замена одного названия другим, если вспомним, что вместо названия черкесы обобщающими употребляются часто — горцы.

Потомками казахов являются кабардинцы и черкесы (адыге), но это уже новая народность, образовавшаяся из смешения с монголами и другими народами, изменившая свою христианскую религию на ислам и изменившая совершенно свой быт вследствие вытеснения ее из степной части Предкавказья в горы. Это народности новые или переродившиеся. Конечно, в настоящее время, как и несколько сотен лет назад, между кабардинцами-черкесами с одной стороны, и донскими казаками и казаками-черноморцами, потомками запорожцев, с другой, нет родства — оно совершенно утеряно вследствие исторических условий.

Из смешения монголов с тюркскими народностями образовались новые тюркско-монгольские (татарские) народности — казанские и крымские татары, башкиры, киргиз-казаки, ногайцы и т. д.*) Следствием владычества монголов и образования новых тюркско-татарских народностей было вытеснение народов Предкавказья, кабардинцев и черкесов (адыге) из степной полосы в горы.

Таким образом, и народное предание, сохранившееся у донских казаков, и название их, существующее у соседей их русских — чига, говорят одинаково о том, что казахи были одними из предков т. е. последние в образовании донских казаков, как народности, были одним из главных элементов, ощущавшимся сильнее, чем славянский — это ощущение давала их военная деятельность и их положение в государственной системе Золотой Орды, а позже Московского и Российского государства.

ГЛАВА XI.

Донское (подонское) казачество в составе Золотой Орды, (1261 г. — 1380 г.)

(Осн. ист. №. 1-6, 37, 56, 57, 60, 64.)

Территория Подонья, особенно средней части у Волго-Донской переволоки и к северу от нее, после оседания татар по нижней Волге (к востоку и югу от нее) и постройки ханской ставки (столицы Золотой Орды) Сарая на рукаве Волги — Ахтубе (к востоку от теперешнего Царицына), получила для татар исключительное большое значение.

*) Монголов в чистом виде на Вост. Европы не осталось, они смешались с другими народами. Калмыки передвинулись из Монголии в Вост. Европу лишь в первой половине XVII в.

Волго-Донская переволока являлась узлом путей вблизи столицы Золотой Орды; местность же к западу и северо-западу, в частности, течение среднего Дона с Хопром, являлись естественным прикрытием узла этих путей, ханской ставки — г. Сарая и кочевьев татарских орд, осевших восточнее Волги: прикрытием как со стороны Северо-Восточной Руси, так и Литовского, Польского и Венгерского государств.*)

Территория этой части Казакии, занимавшей течение средней части Дона с левыми притоками — р. Хопром с Великой Вороной, Медведицей (Саловаской) с Терсой и другими, носившая название Черленый Яр, представляла местность холмистую, овражистую, с лесами по рекам и большими полянами по водоразделам. Леса были богаты — всякого рода зверем, в том числе и пушными, и птицей, реки и озера — рыбой. Притоки Дона в то время были судоходными. Область эта заключала в себе свойства степной и лесной полосы, но для оседания кочевников (скотоводов и коневодов) она была непригодной.

От ближайшего княжества Северо-Восточной Руси — Рязанского и от поселений мещеры и мордвы, сидевших по низовьям р. Мокши с Цною и по р. Суре, область Черленый Яр была отделена громадным безлюдным лесным пространством. Прикрытие узла путей, г. Сарая и кочевий татар с северо-запада и запада, являлось для них государственной необходимостью. Для этого нужна была соответственная вооруженная сила. Расходование собственно монгольских сил для этой второстепенной задачи являлось невыгодным, а войско их, конница, и не была пригодной для того, да и вся задача трудно выполнимой, вследствие почти невозможности существования монголов-кочевников на этой территории.

Если бы мы не имели документальных данных, что еще до установления татарского владычества область эта, носившая название Черленый Яр, имела города, следовательно, и население, — можно было бы предположить, что население туда было передвинуто татарами, настолько это было для них необходимо. Эта военная служба, имевшая государственное значение в отношении ядра Золотой Орды, и возложена была на бродницкую народность, население Подонья. В государственной системе Золотой Орды эта народность и получила значение и роль Казачества.

По отношению ядра Золотой Орды служба подонского казачества являлась пограничной и постоянной. В нее входила: охрана караванов, посольств, бродов, перевозов (на последнее находим указание у Рубруквиса), обслуживание рек, охрана порубежных подонских городов, караулов. Для выполнения своей службы подонские казаки, кроме конницы, имели и пехоту и судовое войско, что бродницкая народность, живя исстари на этой территории, уже имела, — чем в готовом уже виде и вос-

*) См. карту № 1.

пользовались татары. Вне всякого сомнения, что большая часть войска Подонья участвовала в походах татар, входя в состав войск Золотой Орды, что и видно из описания Рубруквиса.

Ни в русских летописях, ни в других источниках нет ни прямых ни косвенных указаний на то, чтобы в эпоху могущества татар Северо-Восточная Русь или Литва, когда нибудь совершали походы против г. Сарая: могущество и военный престиж татар были настолько велики, что противники их решались лишь оказывать сопротивление, но не дерзали сами совершать против них походов, а Русь Северо-Восточная, за отсутствием конницы, и неспособна была на это. Тем не менее, как увидим, прикрытие в виде городов, караулов в Подоньи существовало.

Можно предполагать, что, живя на водных и близ сухопутных путей и близ узла их, население Подонья принимало живейшее участие в торговле предметами, прежде всего своими местными — мехами, воском, медом, рыбой и т. д. Население Подонья, судя по историческим документам, было зажиточным. Эта часть Казакии была территориально совершенно оторвана от Московского и Рязанского княжеств, оторвана была и от Поднепровья, хотя часть последнего и входила одно время в Подонскую епархию.

Власть Рязанского, а равно и Московского князей, конечно, не имела никакого отношения к Подонью и для летописцев того времени Подонье было — „земля незнаваема". Но церковно-религиозная власть митрополита Киевского („всея Руси"), имевшего митрополичий стол в то время в Москве, захватывала более широкие области, имела более широкое и глубокое общение со всем православным христианским населением Востока Европы, чем власть великокняжеская. В грамотах религиозного содержания митрополитов Московских мы и находим документальные подтверждения изложенного выше.

Епархия Подонская и Сарайская (Сарская) была установлена, как уже было сказано, в 1261 г., т. е. менее чем через четверть столетия по установлении владычества татар в степной полосе. Епископ ее имел пребывание в г. Сарае, а в высшем церковном отношении подчинялся митрополиту „всея Руси", имевшему стол в Москве. Если мы примем во внимание, что во время образования Подонской епархии существовали уже метрополии Чигии и Алании и обе они по положению и по путям были ближе к Подонью, то образование особой епархии, установление пребывания епископа в г. Сарае и подчинение его не одной из указанных митрополий, а Московской должно было иметь свои основания. Установление Подонской епархии указывает, что ханская власть Подонью придавала большое значение. Установление же епископского стола в Сарае (ханской ставке) давало возможность политического влияния и давления государ-

ственной власти на епископа, а через него и на все население Казакии, делая Сарай для него важным религиозным центром. Подчинение епископа Подонского епископу „всея Руси“ можно об'яснить тем, что Подонье, было связано одним языком (языком богослужебным, церковно-славянским), что было очевидно и для татар. Для Константинопольского же патриарха было основание для подчинения епископа Подонского митрополиту всея Руси потому, что Подонье когда-то, составляя Тмутараканское княжество, уже подчинялось митрополиту всея Руси (Киевскому).

Послание 1334-1353 г. таково:*) „Благословение Феогноста, Митрополита всея Руси, к детям моим: к баскаком, и к сотником, и к игумном, и к попом, и ко всем христианом Черленого Яру, и ко всем городом, по Великую Ворону“. В грамоте этой писалось: „А ведаете, дети, занеже многажды речи и мятеж были промежи двумя Владыками Рязанским и Сарайским, про передел (предел, И. Б.) той; и послал бы я к вам игумена своего, да рассмотрит по правде, чей передел будет; и по того же игумену послушествует, дал есмь был грамоту Владыце Сарайскому Аѳонасию“. Далее в грамоте указывается о приезде владыки Рязанского в Москву и представлении им грамот прежних митрополитов Максима и Петра, в которой граница Рязанской епархии указана по р. Великую Ворону; и о представлении им отступной грамоты Владыки Сарайского Сафония, который признавал указанную выше границу епархий. На основании этих данных митрополит Феогност постановил: „И си вся аз ныне видев, рассудил есмь, по тем грамотам братьи моей Митрополитов, что держати Владыце Рязанскому передела (границы) того всего, по Великую Ворону“.

Заголовок грамоты Митрополита Алексея от 1360 г. таков: „Благословение Алексея, Митрополита всея Руси, ко всем крестианом, обретающимся в пределе Черленого Яру и по караулом возле Хопор, до Дону, попом и дияконом, и к баскаком, и к сотником, и бояром.“ Из грамоты видно, что часть и к западу от В. Вороны оставалась еще фактически в ведении епископа Сарайского до 1360 г., митрополит писал:**) „И от сих мест Владыце Сарайскому Афонасию нет власти в том переделе, но власть Рязанская, попы и дияконы поставляющего, Владыки и власть дающего. И ныне послал есмь к вам Владыку Рязанского Василия с грамотою своею: и вы поминайте, и пошлину церковную давайте ему по обычаю.“ В этом праве постановки духовенства и во взимании церковной пошлины и заключались притязания рязанских епископов. Из грамот очевидно, что к западу от Великой Вороны и Хопра заключалась только часть области Черленого Яру. На эту часть притязала власть религи-

*) № 56 Акти Ист. т. I. стр. 1, 3, 5.
**) № 57. русск. ист. библ. 1880 г. т. VI стр. 136-172.

озная, но власть князей рязанских не имела к ней никакого отношения.

В административном отношении в государственной системе Золотой Орды обе части представляли одно целое, часть Казакии. Указание на существование городов, церквей, монастырей и упоминание об области Черленого Яру, говорит, что это население было коренным — это население было то, которое во время владычества половцев в степной полосе называлось бродниками, а теперь стало казаками. Военное устройство (сотники, караулы) указывает на то положение населения Подонской епархии, которое оно занимало в составе Золотой Орды, а территории — роли заслона (пограничной области для татарских орд). Упоминание баскаков, татарских губернаторов или резидентов, и благословение им указывает, что они были христиане. Можно предположить, что этой властью были облечены представители коренного населения Подонья, т. е. христиане или, возможно, что назначенные татары приняли христианство. До принятия ислама татары отличались широкой веротерпимостью, вернее, полным безразличием к религиозным вопросам. Из грамоты епископа Подонского Константинопольскому патриарху (1301 г.) с вопросом, как поступать при крещении взрослых, видно, что крещение татар, следовательно, надо полагать, и вступление их в ряды донских казаков было не единичными.

В грамотах митрополитов указывается западная пограничная часть Черленого Яру потому только, что здесь на часть территории притязали епископы Рязанские. Причиной притязаний было то, что население Подонья было зажиточным, а обоснование свое находили в том, что Рязанская епархия выделилась (1187-1203) из Черниговской, к которой когда-то принадлежало и Тмутараканское княжество, а после, если не вся, то ближайшая часть обл. Черленого Яру. Как политическая граница Московского государства не совпадала с границами церковной власти митрополита всея Руси (последние были шире), так и власть, или во всяком случае, притязания епископа Рязанского были шире границ этого княжества.

Подонская епархия простиралась на восток до Волги и вниз по Дону до устья. Это видно из того, что в ярлыке, полученном от Золотой Орды Св. Феогностом, митрополитом Всея Руси, во время пребывания его в Сарае в 1342 году, среди церковных имуществ, освобожденных от налогов, указаны виноградники, а они могли существовать, как существуют и ныне, только ниже устья р. Чира, т. е. в низовьи Дона. Следовательно города, во всяком случае поселения с церквами, в то время существовали и в низовьи Дона и Донца. В низовьи Дона во время татарского владычества существовали города: Азов, в котором торговали генуэзцы; Ахас, в устьи р. Сала; Орнас, вероятно, там, где возник впоследствии Черкасск. Существовали по Дону

и Донцу, как можно судить по картам XV ст., и другие города. По Дону и при татарах велась широкая торговля через Азов с Западной Европой, особенно с Византией.

Возможна постановка и такого вопроса: укрепленный рубеж по Дону, Хопру и Вороне существовал, но не был ли он создан Рязанским княжеством против ядра Золотой Орды? Такой рубеж, как совершенно оторванный от слишком удаленного и находившегося до известной степени в стороне Рязанского княжества, не имел бы для него никакого смысла. Устройство такого рубежа для Рязанского княжества было и невозможным, т. к., очевидно, что татары устройства его не допустили бы.

Наконец, археологические изыскания Е.Ознобишина*) устанавливают, что, судя по остаткам и следам укреплений по указанным рекам, эти укрепления, относящиеся к XIII-XIV ст. (время существования епархии) были возведены, несомненно, для защиты с северо-запада и запада, т. е. со стороны Северо-Восточной Руси и Литвы, а не с юго-востока и востока, т. е. не от татар.

Подонская епархия, следовательно и население ее, существовало до самой Куликовской битвы (1380 г.).

***

Таким образом, население Подонья было народностью, имевшей в государственной системе Золотой Орды в целом положение и значение военно-служилого сословия, внутри себя сохранявшее свое устройство, и управление. Было подчинено непосредственно ханской власти; баскаки и были представителями ее. Внутри себя население Подонья было свободным и вольным народом.

Влияние татар простиралось далеко за пределы узко военного влияния на Подонское население; вероятно, было и вхождение татар в ряды Казачества, прилив монгольской крови путем смешанных браков. Но население Подонья, представлявшее особую народность, имевшее определенный быт, религиозные устои, нравы, обычаи, идеологию и психологию, традиции, было стойко от поглощения татарами, бывшими ниже их в культурном отношении. Население Подонья, тесно соприкасаясь с татарами, вероятно, усвоило, как государственный, и их язык.

Но церковно-славянский язык, на котором совершались церковные службы и требы, существование письменности способствовали сохранению у населения и народного своего славянского языка. Судя же потому, что в Подоньи были и церкви с попами и дьяконами и монастыри, население Подонья было религиозным, хотя бы в бытовом смысле.

Исторические документы исключительной ценности, отно-

*) № 64. Е Знобишин. К вопросу о происхождении Донских казаков. Донские Областные Ведомости, 1874 г.

сящиеся к 1380 году, к Куликовской битве*), устанавливают, что население Подонья называлось уже во время владычества татар не только казаками, но и казаками донскими.

Название бродников утерялось. Само население не называло себя этим именем, что видно из того, что этим названием население Подонья не называют — ни Марко-Карпини, ни Рубруквис, а за отсутствием другого, по религиозному и языковому признаку, называют русью. Потому, что население не называло себя бродниками, ни татары, ни западно-европейские путешественники и не могли усвоить за ними этого названия, а усвоилось у татар и Северо-Восточной Руси название — казаков, и народное, существующее и доныне — чига (чигов).

За подонским населением усвоилось название казаков (чигов): оно не могло не усвоиться. У этой народности существовал славянский язык, вероятно отличавшийся и от украинского и великорусского, но она, вероятно, говорила и на тюркско-татарском. В своем типе, быте, одежде они были ближе, если не представляли полного сходства с казахами (чигами). Христианская религия не была отличительным признаком народов степной полосы в то время, т. к. исповедывали православие и алане и все казахи (черкасы), у последних по сведениям Герберштейна (первая полов. XVI ст.) церковная служба отправлялась еще на церковно-славянском языке.

Население Подонья во время владычества половцев и татар в степной полосе (1100-1380) т. е. на протяжении около 300 лет, было совершенно оторвано от Руси Юго-Западной и Северо-Восточной и естественно, что новая народность утеряла ощущаемые признаки родства с ними; тем сильнее поэтому выявлялось родство с казахами (чигами). От них они и получили свое народное имя — казаков. С другой стороны — государственно-служебное положение и деятельность были тождественными таковым казахов, от которых оно и получило название казачества. Название казаков (и чигов) подонское население усвоило: как народное и как государственно-политическое.

Возникновение Казачества, как явления и как особой народности, никакой связи, никакого отношения к Руси Северо-Восточной (Московской) не имеет: и явление и самая бродницкая народность, за которой закрепилось название казаков более древнего происхождения, чем сама Русь Московская, (великоросы) а тем более Российское Государство.

Итак, население Казакии, в которой область Черленого Яру составляла главную часть, образовавшееся из смешения славяноруссов и казахов, во время владычества монголов представляла уже особую народность, исповедывавшую православие, составлявшую особую Подонскую и Сарайскую епархию, говорившую

*) Мы приводим его в главе XII.

славянским языком, родственную славянам, в то же время и казахам. В государственной системе Золотой Орды эта народность имела значение и играла роль казачества. В это время за нею и закрепилось название казаков, как этническое а у великоруссов и народное название — чига.

Русские историки со времени владычества монголов на Вост. Европы разделяют народы славянского происхождения, попавшие в разные условия бытия, на Русь Юго-Западную (украинский народ) и Русь Северо-Восточную (великорусский). По этому разделению население Подонья (Казакии), представлявшее особую славяно-тюркскую народность — донских казаков, можно назвать Русью Юго-Восточной. Из изложенного видно, что она была более родственная Руси Юго-Западной, чем Северо-Восточной, а по быту ближе всего к поднепровским черкасам.

ГЛАВА XII.

Русское рыцарство и донские казаки в Куликовской битве (1380 г.).

(Осн. ист. №. 1-8, 32, 33, 35, 55).

Золотая Орда в пределах Восточной Европы в XIV ст. представляла уже самостоятельное, совершенно независимое государство от владений монголов в Азии. Со второй половины XIV в., вследствие внутренних раздоров в ядре Золотой Орды (в ее ордах), за ханский престол и ударов с востока, могущество ее стало падать, а народы, входившие в состав ее, наоборот усилились. Расшатыванию Золотой Орды способствовала и проявившаяся после принятия ислама религиозная нетерпимость татар к христианским народам.

В Руси Северо-Восточной при содействии ханов, т. е. при опоре на силу их и благодаря использованию для политических целей религиозной власти митрополита „всея Руси“ имевшего свой „стол“ в Москве, образовалось сильное ядро из Московского княжества. Восстановление пошатнувшегося владычества татар над Русью Северо-Восточной не могло уже обойтись без нового столкновения их с нею.

Одному из мурз Золотой Орды, Мамаю, пользовавшемуся положением правителя при слабом хане, удалось укрепить силу и престиж власти в ней, а затем захватить и ханский престол. Стремление Мамая к восстановлению полного владычества над Русью Северо-Восточной, вызвав новое, так называемое, Мамаево нашествие, привело к Куликовской битве (1380 г.)

Это нашествие было совершено при полном напряжении вооруженных сил Золотой Орды, в походе участвовали и войска

народов, территориально весьма удаленных от Московского княжества: кавказских черкасов, алан, абезгов (абхазцев), войска Азовских и Черноморских генуэзских колоний. Тем более неизбежным должно было бы быть участие в нашествии татар донских казаков, как жителей территории более близкой по своему положению к Московскому княжеству и еще потому, что в прикрытии переволоки и Сарая от Сев.-Восточн. Руси, при выдвижении татарских войск в сторону последней, не было никакой необходимости; Литва же была в союзе с Мамаем. Войско донских казаков, следовательно, являлось свободным. Но ни один из исторических документов, ни той ни позднейшей эпохи, не говорит ни прямо ни косвенно, об участии подонских (донских) казаков в Куликовской битве на стороне татар.

Если мы вспомним о сетовании летописцев на участие предков донских казаков, бродников, в битве на Калке (1223 г.) на стороне „агарян" и на нейтралитет в Куликовской битве кн. Олега Рязанского и наконец, болезненную тенденцию летописцев, а после них и российских историков, всю честь победы в Куликовской битве приписывать Московскому княжеству и, в особенности, лично его князю, Дмитрию Ивановичу; то можем с полным основанием полагать, что указания на участие донских казаков на стороне татар в старинных документах были бы, если бы это участие имело место.

Ни в одной из русских летописей нет записи о ней современной событию, или ближайшего времени; имеются „Сказания о Куликовской битве", внесенные в них уже в XVI в. (в Воскр., Царств., Никоновской лет.), в то время, когда уже сложилась идеология Московской династии, велико-русского народа, роли Москвы, как 3-го Рима. Под этими идеологическими перспективами и внесено в летопись сказание, с умолчанием об одних и искажением других событий. По этому летописному сказанию решающая роль, вся честь победы принадлежит Московскому княжеству и великому князю Дмитрию в особенности, хотя в нем и фигурирует воевода Боброк, но лично, как бы выходец, перешедший на службу Московского княжества.

В описании битвы в отдельных списках, дошедших до нас, если и сделаны пропуски, то во всяком случае не с опущениями преднамеренными, искажающими смысл. Эти списки заслуживают несравненно большего доверия, чем летописные сказания. По ним главная решающая роль принадлежит войску Юго-Западной Руси „русскому рыцарству" и предводителю его волынскому воеводе, Димитрию Боброку (Боброву). Присоединение войска Юго-Западной Руси к Московскому, искусное ратное водительство Боброка, высокое качество „русского рыцарства", как войска и дало победу над татарами.

Как известно Литовский князь, в составе войска которого было войско Юго-Западной Руси, (в частности и черкасы под-

непровские), искал соединения с войсками Мамая. Движение последнего шло не в обычном направлении нашествия татар, а значительно западнее — от Быстрой Сосны вдоль верхнего Дона, что вызывалось исканием соединения с войском Литвы.

Войско Юго-Западной Руси, находившееся под начальством молодых князей Ольгердовичей — кн. Андрея Полоцкого и Дмитрия Бронского, отделившись от литовского присоединилось к московскому неожиданно как для Мамая, так и для князя Дмитрия Иоанновича. Вот как об этом говорится в историческом документе:*) „По малех днех снидошася к желанию два брата со всеми силами своими и, силу свою видевши, возрадовавшася яко Иосиф и Вениамин". О самом соединении в описании битвы говорится: „Видевши у себя множество людей и единосердечно оуряжение соорудив, приспеша же на Дон вборзе и наехаша Великого Князя у Дону, на брезе стояща, и ту совокупишася велици".

Из описания видно, что войско Юго-Западной Руси отличалось от московского — было не ополчение, а „нарочитое", специальное, высокого качества. Значение присоединения войска князей Андрея Полоцкого и Дмитрия Бронского видно из того, что они были названы „нареченными братьями". Вел. кн. Московский поспешил сообщить митрополиту радостную весть: „Ольгердовичи прийдоша ко мне на пособь со многими силами, отца своего оставиша поруганна".**)

Присоединение войска Юго-Западной Руси к Сев.-Восточной состоялось перед самой битвой, потому и могло остаться неизвестным татарам. Это присоединение войска Юго-Западной Руси к Московскому и удержало, надо полагать, литовское от присоединения его к войскам Мамая, к чему имелась полная возможность. Причины присоединения в описании битвы не указаны. Его, конечно, нельзя об'яснять искусством политики Москвы: тогда и летописцы, а затем и российские историки безусловно, использовали бы это как новый мотив для возвеличения вел. кн. Дмитрия Московского и вообще Московской династии. Нельзя об'яснять и религиозным тяготением или устремлением родственности общеславянского происхождения — эти признаки не мешали вести кровопролитных войн. Причиной присоединения был, надо полагать, практический расчет, реальная политика мудрого воеводы Дмитрия Боброка Волынского. Победа войска Московского княжества решительно ничем не грозила Юго-Западной Руси и в целом Русско-Литовскому государству. Победа же татар ставила Юго-Западную Русь и в первую очередь Поднепровье под угрозу нового нашествия татар. Союз Ольгерда с Мамаем не являлся обеспечением ее безопасности. При присоединении же сил Сев.-Восточной Руси, к

*) № 33. Снегирев, стр. 39.
**) Внуки Ольгерда, сыновья Вел. Кн. Литовского Ягелло.

татарам, а главное при использовании средств ее, Мамай становился крайне опасным и даже неодолимым противником для Русско-Литовского государства.

Присоединение войска Юго-Западной Руси — „русского рыцарства", не только увеличило численно московские войска, но и укрепило их силу. План битвы, идея ее, принадлежали Боброку, он же укрепил морально и самого Вел. Кн. Дмитрия*): „Если хочешь крепкого боя, вели сегодня же перевозиться, чтобы ни у кого мысли не было назад ворочаться, пусть каждый без хитрости бьется, пусть не думает о спасении, а с часу на час себе смерти ждет, а что говорят у них (татар) силы велики, то что на это смотреть: не в силе Бог, а в правде".

Вел. кн. Дмитрий Иоаннович был сторонником расположения войск за р. Доном, т. е. сторонником пассивного образа действий, а воевода Боброк активного, на чем и настоял. Фактическое начальство в битве принадлежало также воеводе Дмитрию Боброку, что вытекает из описания**): „Князь же Великий Дмитрий Иоаннович с братом своим Владимиром Андреевичем, с новореченною братиею — „Литовскими князи, нача от 6 часа полци ouряживати. Есть же некий воевода, прийде с Литовскими князями, именем Дмитрий Боброк (Бобров), родом Волынец, и то бе нарочитый воевода и полководец велий; он по достоянию полцы оурядил, елико кому подобает по достоянию быти".

Как известно, полная победа была уже в руках татар, когда искусно введеный в бой воеводой Дмитрием Боброком резерв — засадный полк, скрытно расположенный, обратил победу татар в поражение. Мысль оставления резерва (засадного полка), выбор скрытого расположения его, твердое управление им, хладнокровная выдержка, в противоположность нетерпению кн. Владимира Андреевича, двоюродного брата Дмитрия Иоанновича, и в конечном итоге победа — заслуга воеводы Дмитрия Боброка.

Успех действий засадного полка основывался на внезапности, обеспеченной скрытым расположением и быстротой появления в бою. Он состоял из конницы, что подтверждается иностранными источниками и изустным сказанием, записанным в прошлом столетии,***) в котором говорится, что засадный полк состоял из казаков. Если присоединение части литовских войск, т. е. войска Юго-Западной Руси (Украины), к московским осталось неизвестным для татар, то уже самое появление ожидавшегося союзника на стороне врага, и воображение, рисовавшее

*) № 32. Костомаров. Куликовская битва, ч. I, с. II, 1903, стр. 535. Взято из сказания, приведенного в Никоновской летописи и изложено современным языком, в каком мы выписку и приводим.

**) № 32. Снегирев, стр. 43.

***) А. И. Афанасьев. Народные русские сказания и легенды, Берлин, 1922, т. II, № 183, стр. 213-223.

появление и всех войск литовских в качестве врагов, не могло не вызвать паники и поражения. Только этим участием „русского рыцарства", и можно об'яснить победу над татарами в Куликовской битве. Соотношение сил войска Московского князя и Мамая было таково, что победа последнего являлась обеспеченной.

В Северо-Восточной Руси за время татарского владычества наследие Русского (Киевского) государства было растрачено, знание ратного дела, преемственность утеряны. Войско состояло исключительно из ополчения. Население Северо-Восточной Руси, образовавшееся из смешения, взаимной ассимиляции славян лесной полосы и финнов, превращавшееся в особую народность (великоруссов), не представляло материала пригодного для создания войска. Народно-хозяйственная деятельность, исторические и географические условия, быт, препятствовали образованию естественным путем пригодного войска, особенно, главного рода войск того времени — конницы. Войско Сев.-Вост. Руси не входило в состав войск Золотой Орды, не участвовало в ее войнах, не имело практической боевой школы. Военная поместная система Северо-Восточной Руси (тогда зарождавшаяся) не разрешала для Московского княжества вопроса о создании вооруженных сил; если и разрешала, то о числе, но не о качестве их. Поместное дворянство, составлявшее конницу вместе с конными слугами, представляло пародию на конницу, особенно в сравнении с естественной конницей народов степной полосы.

В противоположность войску Северо-Восточной Руси войско Юго-Западной (Украины) и особенно Поднепровья — черкасов, сохранявших быт и военное преемство, было очень высокого качества. Войско это, входя в состав Польского и Литовского государств, участвовало в войнах их — и против татар, и венгров, и немецкого рыцарского ордена. В этом войске сохранялись знание ратного дела, преемство и необходимые организационные формы, традиция, идеология, психология, быт. При помощи такого войска и искусства „велия полководца", воеводы Волынского Димитрия Боброка, и была одержана победа.

* * *

Если в русской летописи, а затем и у росссийских историков, в целях возвеличения значения Московского княжества и князя его, Дмитрия Иоанновича („Донского"), для обращения его в героя, явилось возможным не только умолчание о роли „русского рыцарства" но и более того — умолчание даже об его участии; то вполне понятным является полное умолчание об участии донских казаков. Их роль и значение, сравнительно с войском Юго-Западной Руси, могли быть лишь второстепенными. Об участии донских казаков мы находим документальное обоснование не в летописях, а в документах более ценных, где по религиозным мотивам более придерживались истины. Во

вкладной книге Донского монастыря в Москве, имеется запись о Донской Чудотворной иконе Божией Матери, сделанная архимандритом его в начале XVII ст.:*) „Того ради последи (после того) прославися образ Пресвятыя Богородицы Донския, зане к Великому Кн. Дмитрию Иоанновичу в междоречие Дону и Непрядвы, в помощь благословенному воинству пришли бяше, и сей Пречистыя Богородицы образ благоверному князю и всему православному воинству на побеждение агарян вручиша". Этот документ является не единственным. Выписка из древней летописи во вкладной книге в часовне на Лубянке (Гребенской) иконы Божией Матери такова: Там в верховьях**) Дона народ христианский воинского чина живущий, зовомии казаци, в радости сретающа его (т. е. Вел. Кн.) со святыми иконами и со кресты, подравляюще ему о избавлении своем от супостатов и, приносяще ему дары от своих сокровищ, иже имеху у себя чудотворные иконы в церквах своих". На обратной стороне копии иконы Донской Божией Матери, с датой 1712 г., сохранявшейся в Черкасском монастыре, была запись об иконе, по содержанию тождественная приведенной выше с припиской, что принесена она была Велик. кн. Димитрию казаками Сиротинского городка. Такое предание, записанное донскими историками сохранялось до последнего времени на Дону.

Принимая во внимание особую святость предметов, т. е. чудотворных икон. для лиц делавших запись, высокое духовное положение их (архимандрита и митрополита), древность записей, делавшихся из старинных документов, что видно из содержания записей, (в отношении Грабневской, без упоминания даже имени князя, видимо упоминавшегося ранее), к этим документам надлежит относиться как к заслуживающим исключительное доверие.

История икон необычайно проста, в них совершенно отсутствует чудесный элемент, свойственный сказаниям о чудотворных иконах. Это об'ясняется тем, что иконы были поднесены и приняты были, как уже чудотворные, что непосредственно вытекает из записи о Гребневской иконе. Из последней же записи видно, что говорится о населении Подонья, населении зажиточном, имевшем, церкви, сокровища и чудотворные иконы. Обе эти записи говорят о донских казаках, т. е. о населении Подонья,

*) № 35. Попов Х. И. Краткий очерк Казачества, стр. 15.

**) В верховьях нужно понимать не по современному, т. е. не в пределах теперешних Тульской или Воронежской губ., а в низовьи. Это определение было естественным: по течению воды; верх там, куда течет вода (все поднимается вверх, а не вниз); Запись делалась в Москве и слово „там" могло относиться только к наиболее удаленной от Москвы части Дона, т. е. к Низовью его. В верховьи Дона не только городов с церквами и монастырями, но и вообще никаких поселений перед Куликовской битвой не существовало.

где, как мы видели, были и церкви и монастыри; название казаков было уже хорошо известным, привычным.

Во второй записи (о Гребневской иконе) говорится о населении Подонья — „воинского чину", т. е. о том же казачестве. характеристику которого мы сделали раньше, название „казаци" дано, как этническое (народное).

Для нас не является необходимым выяснение роли и значения участия донских казаков в Куликовской битве, что за отсутствием исторических документов и не представляется возможным сделать, а важен самый факт участия. Можно предположить, что донские казаки были на разведке, в сторожах, а затем, как конница, вошли в состав засадного полка.

В описании Куликовской битвы *) упоминается о присутствии в войске гостей сурожских, т. е. купцов из города Сурожа в Крыму; они носят частью славянские имена, частью тюркские. Можно предположить, что руссо-славянское бродницкое население в крымских генуэзских колониях сохранялось и при татарах, на что указывает преемственность древнего названия „сурожские", позаимствованное от самых гостей; вероятно, население этих колоний входило в состав Подонской епархии, имело общение с донскими казаками и было, возможно, частью последних. При принятии этого условия станет понятным появление или, вернее, упоминание в XV в. о казаках в генуэзских колониях Крыма.

О причинах присоединения войска донских казаков к московскому мы можем делать только предположения. Едва ли возможно основывать это на религиозном тяготении населения Подонья — донских казаков к Московии: исторические условия не мешали воевать христианам против христиан, православным против православных, родственным народам между собой и часто быть более жестокими друг к другу, чем „агаряне". Причину присоединения донских казаков к московскому войску, следует искать не в тяготении к Московскому княжеству, а в силе отталкивания от татар.

В междоусобиях татар донские казаки, наверное, не оставались безучастными, они вынуждены были принимать участие в борьбе по положению своей территории на стороне татарской власти, вынуждены были принимать участие в борьбе против непослушных, — сами татары научили донских казаков бить свою братию, разрушили престиж своей непобедимости. По принятии татарами ислама, стала остро проявляться религиозная нетерпимость к христианам, естественно, и к донским казакам.

Стремление освободиться от власти татар, можно думать, и было причиной присоединения к московскому войску, с целью общей победой достигнуть освобождения от владычества татар.

*) № 32. Снегирев, стр. 10.

Участие донских казаков в Куликовской битве против татар, по каким бы мотивам оно ни было, доказывает, что они, несмотря на $1^1/_2$ вековое владычество монголов, сохранились, как особый народ, особый организм, сохранили свою самобытность, свое самосознание, волю к свободе.

ГЛАВА XIII.

Донское казачество после Куликовской битвы и после новых движений монголов из Азии (1380-1400 г.)

(Осн. ист. 1-8, 36-38, 52, 55, 64).

Судьбы Донского Казачества после Куликовской битвы могут быть понятны лишь после обрисовки в общем бурных событий на Востоке Европы, следовавших одно за другим в последней четверти XIV в. и в самом начале XV в. Мамай еще не оправился от поражения на Куликовом поле, как из-за Волги появился новый претендент на обладание престолом Золотой Орды, хан Синей Орды (киргизской) — Тохтамыш. В битве на р. Калке последний разбил Мамая, который после того бежал в генуэзскую крепость Кафу (Ѳеодосию), где и был отравлен. Соединив свои войска с войском Мамая, Тохтамыш в 1382 г., разгромив и опустошив много городов Северо-Восточной Руси, овладел г. Москвой.

В Азии в то время уже гремела слава великого полководца и завоевателя Тамерлана, упрочившего уже свою власть (1370 г.) в Туркестане и стремившегося не только восстановить Монгольскую империю, но и расширить ее. Восточные берега Каспийского моря, Иран, Грузия и все страны от Инда до гор Кавказа, Аравии и Персидского залива в продолжении 13 лет были завоеваны им.

В то время Тохтамыш, уже хан Золотой Орды, облагодетельствованный некогда Тамерланом, неожиданно ворвался в Бухару и разгромил г. Самарканд. Раздраженный Тамерлан через Прикаспийские степи двинулся со своими войсками против Тохтамыша и, разбил его, настигнув его близ р. Урала. Прогнав к р. Волге войска Тохтамыша, он вынужден был вернуться в Иран для усмирения восстания. Разгромив всю Персию со столицей ее Испаганью и тем подавив востание, он снова обратил свое оружие против Тохтамыша: сжег в 1390 г. Сарай и, изгнав с престола Тохтамыша, возвратился в Персию. После того покорив Багдад, Басру и Моссул, двинулся через Кавказский проход к Тереку против Тохтамыша.

Близ р. Терека Тамерлан напал на стан Тохтамыша (1395 г.). Сражение было самое упорное и кровопролитное. Своим искус-

ством и личным мужеством Тамерлан вырвал победу, уже дававшуюся войскам Тохтамыша. Преследуя последнего до р. Волги, Тамерлан прошел Приволжские степи, северную часть Подонья и, повернув на запад, овладел г. Ельцом. Суровость климата, бедность страны и желание покорить Египет и Индию, куда давно стремились честолюбивые замыслы Тамерлана, как склонны думать историки, были причиной неожиданного поворота его на юг, после прохождения некоторого пространства вдоль верхнего Дона по направлению к Москве. Разгромив до основания Азов (1395 г.) и, довершив покорение черкасов и ясов, Тамерлан осевши со своими полчищами между Доном и Кавказскими горами, праздновал свои победы.

Зимой он наказал непокорных астраханцев, срыл до основания их укрепления, снова разорил г. Сарай и после того удалился в Бухару. Дальнейшие победы Тамерлана совершены были в Индии и в Малой Азии, в пределы Вост. Европы он уже не возвращался (умер в 1404 г.). Тохтамыш после смерти Тамерлана завладел было престолом Золотой Орды, но когда в 1406 г. против него восстал брат Тамерлана Шанибек, Тохтамыш со своей киргизской ордой передвинулся в Сибирь, где и был убит в 1407 г.

Благом для Вост. Европы была не Куликовская победа, ничего не изменившая, а разгром Тамерланом ядра Золотой Орды и добровольный уход его в пределы Азии.

В течение четверти столетия Казакия была совершенно разгромлена. Подонская епархия перестала существовать.*) Но как бы ни пострадала Казакия, население ее целиком не могло быть уничтожено. Нашествие Мамая, Тохтамыша и Тамерлана на территорию донских казаков не могло быть неожиданностью для них: города и поселения их были расбросаны на громадном пространстве, преимущественно по долинам рек, что давало возможность заблаговременного ухода, передвижения на север, а в северной части Подонья укрытия в лесах, в местах недоступных для монгольского войска.

В 1389 г., спустя 9 лет после Куликовской битвы**), диакон Игнатий, спутник митрополита Московского Пимена, ехавшего в Цареград, свидетельствует о том, что никакого населения по р. Дону не было; виднелись свежие развалины многих городов и только в низовьи Дона „татары яко пески были мнози“: там осели орды Тохтамыша.

Разгрому Подонье подверглось, вероятно, со стороны и Мамая и Тохтамыша. Первый мог это сделать, мстя за участие донских казаков в Куликовской битве против татар, а последний мог довершить разгром при движении на запад (к р. Калке)

*) Подонские (Сарайские) епископы продолжали существовать, жили в д. Крутицы близ г. Москвы и по ней получили название Крутицких.

**) № 55. Никон. лет.

против Мамая, для обеспечения своего тыла: оставшееся в тылу его донское население могло превратить в катастрофу не только поражение, но и простой неуспех. Окончательно же довершил разгром северной части Подонья Тамерлан, где он проходил при движении против Северо-Восточной Руси; на разрушение здесь городов мы находим исторические указания*). Было разгромлено Тамерланом (1395 г.) и нижнее Подонье с г. Азовом и Ахасом**), и другие города там существовавшие.

Об отсутствии оседлого населения по р. Дону в XV в. свидетельствовал Марк Руф, посол Иоанна III, и Кантарини; но узкой полосой их наблюдений была только река Дон и местность к западу от р. Хопра и Вороны, где действительно оседлого населения уже не было. Естественным является вопрос, куда девалось население Сарайской епархии, Донское Казачество, если оно целиком не было и не могло быть уничтоженным? О судьбе его мы можем судить по аналогии с судьбой других народов степной полосы, выпавшей на долю их в результате 25-летнего бурного периода на переломе XIV и XV ст.

Часть народа алан и казахов (черкасов) Предкавказья, главным образом их войска, была уведена Тамерланом в Малую Азию, где, вероятно, частью погибла, частью смешалась с другими народами. Часть аланского народа вошла в состав Ногайской Орды и смешалась с ней. Еще в первой половине XVII века в ней сохранялось отдельное колено — *алан-лы*. Часть казахов (черкасов) попала в состав Киргизкой Орды Тохтамыша, что сделало ее составной и было причиной усвоения ею названия Киргиз-Казацкой (Кайсацкой), о чем мы будем говорить особо, в главе XIV. Если не большая часть, то весьма значительная часть алан и черкасов (казахов) кавказских, смешавшись с другими народностями, будучи оттесненными в предгорья и горы Кавказа, существует и доные в виде осетин, кабардинцев, черкесов, чеченцев и др.

Население Подонья было в лучших чем они, во всяком случае не в худших, условиях: территория его не была местом оседания ни полчищ Тохтамыша, ни Тамерлана. Население северной части Подонья могло уйти и ушло на север в лесную полосу, подобно тому как алане и черкасы ушли на юг, в горы. Соседство донских казаков с мордвой и черемисой было давним, довольно близким и едва ли враждебным. Позднейшая история не только подтверждает, но непреложно устанавливает, что большая часть донских казаков переселилась на север в лесную полосу, в непосредственное соседство с Московским и Рязанскими княжествами, на окраины и в пределы их. Часть донских

*) На французской карте 1703, составленной по сведениям резедента в Париже Андрея Матвеева, между Волгой и Доном имеется надпись: „развалины городов и деревень, разрушенных Тамерланом".

**) Ахас был расположен у устья р. Сала, близ Бабской переправы.

казаков сохранилась в низовьи Дона; поступив на службу возобновленного генуезцами города Азова (1400 г.), а после захвата его (1471 г.) турками и к ним, получила название а з о в с к и х к а з а к о в; часть поступила на службу генуезских же городов в Крыму. Но часть донских казаков осталась на своих местах и в северной части Казакии (Подоньи), по р. Хопру и Медведице с Терсой.

Доказательством сохранения на местах коренного населения (донских казаков) служат географические названия, происхождение которых более древнего времени, чем владычество монголов. Названия эти могли сохраниться лишь при наличии непрерывности существования оседлого населения. (См. гл. II). Проф. Голубовский говорит: „Если местность окончательно лишается своего населения, то не могут удержаться те же самые названия, что были за несколько веков перед тем, когда снова данная область стала заселяться. Название может держаться только при непрерывном преемстве населения, при такой же передаче из уст в уста".

Названия прежние сохранились лишь там, где оставались на своих местах донские казаки, т. е. между Волгой и Доном и в низовьях его, близ Азова, где сохранили их азовские казаки: названия р. Аксая (Оксая), имени, известного со времени скифов; Сала, известного с VIII-IX в. в., название развалин города, существовавшего при половцах близ устья Аксая — Кобяковой казны (городища), Тора, притока Донца, Миуса, Калмиуса. В средней части р. Дона, между ним и Донцом, донского казачества не сохранилось, не сохранилось здесь и древних названий, а даны они уже по оседании там Вольного Казачества: названия эти чисто русские или татарские.

Из исследований Узнобишина по церковной старине видно, что в Саратовской консистории еще во второй половине прошлого столетия хранились антиминсы из церквей по р. Хопру и Медведице, освященные Подонскими епископами в XIV ст. Как известно, г. Саратов основан был, или, вернее, обращен в город из казачьего городка Сары-тау (желтая гора) во второй половине (1586) XVI в., а епархия учреждена и того позже. Эти антиминсы из церквей переданы в саратовские церкви в конце XVI или в начале XVII в., следовательно, с достаточным основанием можно полагать, что церкви разумеется, и городки в северном Подоньи сохранялись до конца XVI в., когда возник Саратов. Из договорных грамот*) между Вел. княз. Московским Дмитрием Иоанновичем и Рязанским — Олегом, относящихся к ближайшему времени после Куликовской битвы и нашествия Тохтамыша на Москву, видно, что к Рязанскому

*) № 36 Н. Новиков. Древняя Российская Вивлиофика, СПБ. 1788 г., т. I, стр. 32-94, 124. Договорные грамоты Вел. кн. Московских и Рязанских от 1389, 1404, 1434, 1447 г.г.

княжеству были присоединены области на юге (или оно претендовало на них), которые до Куликовской битвы ему не принадлежали. В этих документах упоминается о городах, и после Тамерланова нашествия, как существовавших: о г. г. Городище, Жадомле, Дубке на р. Хопре и целой области „Бродничс месты", т. е. с населенными пунктами.

Рязанские епископы давно уже притязали на часть территории Подонской епархии, теперь же после разгрома Подонья татарами притязала и Рязанская княжеская власть. Из этих областей и были казаки донские на службе Рязанского княжества (впервые упоминаемые в 1444 г.) и называемые русскими историками неосновательно „рязанскими". Наконец, в Царственной летописи, окончание которой относится к первой четверти XVI в., в приведенном в ней списке городов Рязанского княжества значатся города по р. Хопру — Урюпинск*), Корник и Дубок. Как видно из документов, городки эти существовали как до, так и во время составления летописи (во 2-й четверти XVI ст.), т. е. еще до образования Вольных казачьих республик.

Очевидно, что население городов „Броднича" ***) по р. Хопру и Медведице, не могло явиться следствием колонизации из Рязанского княжества — исторические условия не допускали этого. Граница Рязанского княжества на юге проходила значительно севернее теперешнего Воронежа, около Переяславля Рязанского, и городки казачьи, находившиеся далеко к югу, входили в состав Рязанского княжества более по названию, а не в действительности.

Возможно, что часть донских казаков с низовьев Дона оторвалась и нашла спасение в соседстве с родственным в религиозном отношении населением черкасов кавказских и алан, и не будет удивительным, если детальные исторические изыскания установят, что гребенские казаки вели свое происхождение непосредственно от казаков донских еще с конца XIV, или начала XV ст. Самый древний городок гребенских казаков носил название Черленый (теперь Червленая станица). У Герберштейна, путешествовавшего по Востоку Европы в первой половине XVI ст., есть указание, что среди черкасов кавказских, или чигов, было в его время племя, говорившее и отправлявшее церковные службы на славянском языке. Весьма возможно, что он писал как-раз о гребенских казаках.

Таким образом, в течение последней четверти XIV ст. северная часть Казакии была совершенно разгромлена и в большей части ее территория запустела. Южная часть Казакии по левую сторону Дона до Кубани, где жили казахи (черкасы) была занята

*) Урюпинская станица на Хопре — одна из древнейших станиц существует и до ныне.

**) Можно полагать, что Броднич являлось названием области северной части Казакии, заменившим прежнее название — Черленый Яр.

татарскими ордами (ногайцами). Черкасы были оттиснуты в горы и лишь небольшая часть их сохранилась по восточному Азовскому побережью (Темрюк-Тамань).

На территории Казакии донские казаки сохранились на своих местах лишь в низовьи Дона, близ Азова, в Крыму, и в северной части по Хопру и Медведице. Большая же часть донских казаков передвинулась на север, на окраины Московского и Рязанского княжеств и частью вселились в пределы их. Донская казачья народность — цельный народный организм, был разорван на части. Отдельные части Донского казачества попали в совершенно различные условия существования.

ГЛАВА XIV.

Киргиз-Казацкая (кайсацкая) орда и Казачества Востока Европы.

(Гл. ист. №. 25, 55, 69).

В начале XV ст. после смерти Тамерлана и гибели Тохтамыша Золотая Орда распалась на отдельные ханства. В первой половине XV ст. образовались отрывом от нее самостоятельные татарские ханства (или царства) Казанское и Крымское. Они состояли не из чисто монгольских народностей, а из вновь образовавшихся с течением времени тюркско-монгольских. Название Золотой, или Большой Орды, сохранялось еще за ордами ногайцев и киргиз-казаков.

Северо-Восточная Русь хотя и подвергалась еще ударам татар, но они были разрозненными; своей же политикой противопоставления ханств одного другому Москве удавалось ослаблять татар значительно более, чем своими военными действиями. К тому же у татар был новый сильный противник — Польско-Литовское государство.

Особой воинственностью в XV в. у татар отличалась Киргиз-Казацкая (Кайсацкая) Орда. В русских и польских летописях войско киргизов часто называлось просто казаками, что многих историков приводило и приводит к ложным историческим предположениям и выводам. Так, в русской летописи за 1467 г. записано о нападении 16 тысяч казаков, под предводительством хана Ивака, на Литву; и, несмотря на то, что в это время упоминается в летописях о т. н. казаках „рязанских“ и „московских“, т. е. о бывших на службе этих княжеств донских казаках, в ней не сделано пояснения, о каких именно казаках идет речь, что и приводило некоторых историков к заблуждениям, к обращению этих киргиз-казаков в христиан, а хана Ивака в Ивана. Последний, как устанавливается историческими докумен-

тами, был ханом Киргиз-Казацкой Орды. Приведенная запись относится, безусловно, к киргиз-казакам. Для летописца не было оснований делать пояснения о предмете само собой понятном и очевидном в его время.

Некоторые историки и само происхождение слова казак и и возникновение и образование Вольного Казачества (Донского, Волжского, Яицкого, Терского) склонны производить от киргиз-казаков, упустив или опустив существование донских казаков ранее того. Киргиз-Казацкая (кайсацкая) Орда есть явление уже XV столетия.

Киргизы, как народ, конечно, существовали и ранее, и под этим, возможно, и под другими названиями, входя в состав империи Чингис-Хана и его преемников. На Вост. Европы они появились во второй половине XVI в., входя в состав Синей Орды Арапши, а затем и Тохтамыша. После оседания последнего с киргизами в Предкавказьи, после разгрома Тамерланом, смешавшись с частью кавказских черкасов (казахов), откочевав за Волгу,*) они стали существовать уже в виде Киргиз-Кайсацкой (или казацкой) Орды, входя в состав Большой (Золотой) Орды, бывая иногда и независимой от нее.

Вот сведения о киргиз-казаках Е. Ознобишина*), занимавшегося специальным исследованием о них: „Киргизская орда, находящаяся в пределах нынешней России и около нашего Туркестана, составилась из разных обломков монгольских орд в начале XV в.; соединенная в одно целое ханом Ак-Ниазом, она образовала особое ханство от орды дикокаменных (туркестанских), упомянутых Абу-Дезифом под именем хиргиз. Наши киргизы себя называют всегда не иначе, как кайсак, или казак. Киргиз-казаки делятся на несколько колен, которые имеют различный тип лица, от монгольского до кавказского. Между названиями этих колен есть носящее название черкесского". Резко выраженный кавказский (европейский) тип у киргиз-казаков встречается до настоящего времени, особенно у некоторых родов. Он, очень похож на черкесский — орлинный нос, тонкие черты лица, курчавые волосы (в противоположность монгольским — нитеобразным).

„Киргизы при первых трех ханах от Ак-Ниазы управлялись деспотически, — говорит Ознобишин, — но четвертый из ханов, Тявка, дал им тамги и установил, чтобы каждый аул имел своего выборного старшину; а несколько аулов, соединенных вместе, должны были выбирать старшин, которые собираясь вместе в Туркестане, где жил хан, составляли совет по управлению Ордою. Слово казак употреблялось и употребляется и теперь в смысле удальца, молодца, вольного человека".

*) № 64 Е. Ознобишин. „К вопросу о происхождении Донских казаков— Донские Областные Ведомости, 1874 г.

Если в настоящее время, через полтысячелетие, после образования Киргиз-Казацкой Орды, сохранилось и особое колено под названием черкесского, сохраняется среди киргиз-казаков кавказский тип, когда на протяжении нескольких веков, естественно, шло смешение с монгольской расой; то с полным основанием можно полагать, что во время образования Киргиз-Казацкой Орды черкасы кавказские (казахи) вошли, если не равной по численности, то, во всяком случае, весьма значительной составной частью.

Тюркский элемент (казахи), вошедший в состав Орды, по своему внутреннему содержанию, бытовым особенностям, языку, религии был во многом прямо противоположным монгольскому (киргизскому). Вероятно, особенности внутреннего устройства и быта одной части (казахов,) — свобода, вольность, равноправность, выборность власти и заставили хана Тявку распространить на другую часть — на киргизов то, что уже имела и хранила первая.

П. Кулиш говорит,*) что польские летописцы (XV в.) всегда различали четыре орды: Астраханскую (Ногайскую), Казанскую, Заволжскую (Башкирскую), Перекопскую (Крымскую) и часто причисляли к ним пятую — Казацкую, т. е. Киргиз-Казацкую. На основании исторических документов, П. Кулиш говорил о ней: „Орда Казацкая не признавала никакого хана и, кочуя в разных местах, считалась у татар самой воинственной".

Едва ли будет ошибочным считать, что основой стремления Киргиз-Казацкой Орды к вольности, выборной власти были начала, внесенные казахами (черкасами). Как мы уже говорили, Киргиз-Казацкая Орда в исторических документах XV в. называлась просто Казацкой, а киргиз-казаки просто казаками. Даже во второй половине XVI в., когда уже существовало Вольное и городовое Казачество, Киргиз-Казацкая Орда называется просто Казацкой, а киргиз-казаки одним названием — казаки.

В 1581 г. Московский посол, бывший в Ногайской Орде, сообщая оттуда „вести", писал:**) „А в Казацкой орде у улусных людей и ныне между собою рознь, а царя в Казацкой орде нет, а есть у них царевич, да еще не посажен (на престол), а многие из Казацкой орды люди разошлись по иным землям — и в Ногаи, и в Бухары". Название „Орда" в данном случае устанавливает, что речь шла не о Донских, Волжских или Яицких казаках, так как они составляли Войска, а не Орды***). Разнородность и даже противоположность внутреннего содержания составных частей Киргиз-Казацкой Орды, вероятно, и были глав-

*) № 25 П. Кулиш, т. I, стр. 32.
**) № 69 Д. Ногайск. Кн. 10 (1581-82) л. 139.
***) Название Казацкая Орда встречается в московских документах и позже в 1609 г. № 57 Русск. Ист. Библ. т. II 1875 г. № 85.

ными причинами внутренних раздоров и несогласий, резко обнаруживавшихся еще во второй половине XVI в.

Откочевка Киргиз-Казацкой Орды за р. Яик, тесное соприкосновение и общение с монгольским миром, кочевая жизнь, скотоводство и коневодство, как основы народно-хозяйственной деятельности, — все это привело к поглощению в духовном и культурном отношениях черкасского (казацкого) элемента. Сложение казахов с киргизами сказывается и до настоящего времени в быте, обрядах, сказках, песнях и т. д. у киргиз-казацкого народа. Приведенных данных вполне достаточно для утверждения, что киргиз-казаки ни в каком случае не могут считаться — ни родоначальником названия казак, ни родоначальником казачества, ни родоначальником донских и других казаков, как народности; возникновение Киргиз-Казацкой Орды представляет частное явление, следствие исторических событий на Вост. Европы.

***

Смешение казахов (черкасов) с Кавказа и вообще тюркских народностей (печенегов, торков, половцев) с руссами в Поднепровьи привело к образованию особой народности — поднепровских черкасов (в иностранных источниках называемых и чигами), из которых, главным образом, и образовалось Запорожское Войско, этнически слившееся большей своей частью с украинским народом, передавшим свое название и особый характер и бытовые особенности поднепровской части населения Украины.

Смешение казахов с славяно-руссами подонскими и приазовскими (Казакии) привело к образованию особой бродницкой народности, которая получила в системе Золотой Орды государственно военно-служебное положение и значение казачества; эта народность усвоила название казаков, как и этническое; наряду с ним, за ними привилось у великороссов и название чига. Смешение казахов (черкасов) кавказских с киргизами повело к образованию особой киргиз-казацкой народности, особого народного организма.

Итак, основным и общим элементом образования казачеств, как особых народностей: поднепровских черкасов (предков запорожских черкасов, или казаков), бродницкой народности (предков донских казаков) и киргиз-казацкой орды, являются казахи (черкасы, или чиги) Казакии. Из смешения их с другими народностями и образовались Казачества. Казакия является матерью Казачеств.

Выйдя из состава одного и того же государства — Золотой Орды в разное время, где эти народности были на положении военно-служилого сословия (в каком они тождественно были в государственной системе и ранее существовавших госу-

дарств), они попали с начала XV в. в различные географические, исторические и культурные условия существования.

Черкасы поднепровские, войдя в состав Польско-Литовского государства и по положению своей территории, оказавшись на западной окраине его, явились для него казачеством в том же смысле и значеннии, каким были в составе Киевского государства на южной окраине его, и в каком, вероятно, были в составе Золотой Орды на восточной окраине ее, т. е. в положении пограничной народности, в значении и в роли военно-служилого сословия. В культурном отношении они оказались под влиянием и воздействием Юго-Западной Руси (украинского народа).

Донское Казачество, передвинувшись на южные окраины княжеств Сев.-Вост. Руси — Рязанского и Московского оказалось в том же тождественном положении и окраинного населения и как бы служилого сословия, в каком было в государственной системе Золотой Орды. Оно оказалось под влиянием начал Сев.-Восточной Руси; главн. образом, религиозных.

Киргиз-Казацкая Орда, образовавшаяся в начале XV в., оторвалась на Восток, она послужила основой силы Золотой Орды в XV в. Попав под влияние монгольского мира (главное, кочевого быта), а в религиозном под влияние ислама — она выродилась просто в тюркско-монгольскую народность.

Собственно казахи (черкасы) Казакии, как и соседи их — алане (ясы, или осы) были вытесненны окончательно к началу XV в. из нее, из пределов степной полосы в горы Кавказа, что резко изменило народо-хозяйственную деятельность, быт и самый характер их; а смешение с другими народностями, оставшимися после оседания орд Тохтамыша*) и Тамерлана между Доном и Кавказскими горами, по принятии ислама и сильного воздействия Турции привели к перерождению народного организма, к образованию совершенно новых народностей.

Указанные выше условия должны были, естественно, привести к утере какого бы то ни было родства между народностями, в состав которых при образовании их вошли один и тот же элемент — казахи.

Близкое родство сохранилось лишь между поднепровскими черкасами (запорожскими казаками) и донскими казаками, помимо других условий, вследствие одних и тех же других предков — (основного элемента) славяно-руссов.

Итак, особым явлением исторической жизни на Вост. Европы является — положение народности в государствах, бывших в нем, в качестве военно-служилого сословия; народностями этой бывали Казачества, образовывавшиеся, не искусственным, конечно, а естественным историческим путем.

*) На то, что оседаные Тохтамыша в Казакии, хотя и не было длительным, но было прочным, указывает чеканка монет в Азове с именем Тохтамыша во время этого оседания.

ГЛАВА XV.

Донские казаки на службе Рязанского и Московского княжеств, Азова, Генуэзцких колоний Крыма в XV в.

(Гл. ист. №№ 2, 7, 46, 47, 55).

С середины XV в. в русских летописях и в других исторических документах начинают встречаться упоминания о казаках, бывших на службе, как войско, в Рязанском и Московском княжествах, Новгороде, Смоленске и даже в Соловках; упоминается о казаках, бывших на службе Азова и в генуэзцких гокодах Крыма. В упоминаниях этих нет указаний на происхождение и на национальную принадлежность казаков. Очевидно, говорить об этом признавалось совершенно излишним, как предмете, давно и хорошо известном.

За отсутствием этих указаний, упущением, или опущением, существования перед тем донских казаков, большая часть русских историков считает их войском, искусственно образованным в Московском и Рязанском княжествах из местного населения (великоруссов) по образцу, существовавшему ранее у татар. Материал, из которого, по их предположению, образовались казаки, являлся будто-бы беглый, бездомный, гулящий люд Северо-Восточной Руси. В подтверждение этой теории русские историки не приводят ни одного ни прямого ни косвенного исторического документа: их нет. Для образования же этих казаков и об'яснения самого явления историки и до настоящего времени берут факты, явления из событий, имевших место уже 150-200 и более лет спустя, из прошлого уже городового казачества, ставя на место причины следствие.

В XV в. никакого городового казачества ни в Московском, ни в Рязанском княжествах не существовало. Вопрос о создании вооруженной силы всегда был трудным в своем разрешении для Северо-Восточной Руси. Поместная дворянская система в XV в. достигшая, если не полного, то достаточного развития, не разрешала в полном об'еме вопроса о вооруженной силе. Вопрос разрешался лишь о количестве ополченского войска, а не о качестве его. Причиной плохого качества войска Северо-Восточной Руси была непригодность населения лесной полосы (великороссов) для создания его: вследствие географических, социально-экономических, бытовых и исторических условий представлявшего слабый в военном отношении материал; а конницы (кроме дворянской), и вообще составиться не могло. В свое время дворянско-поместная система возникла из потребностей военно-государственных, а не экономических, и вопреки интересам последних. Для образования поместного (ополченского) войска использовалось дворянство, как кадры, как командный состав, а крестьяне, как ратная масса, т. е. был использован лучший в государствен-

ном смысле материал, и тем не менее московское войско представлялось очень слабым по качеству. Еще менее было возможности создать вообще войско, а тем более такого высокого качества, каким отличались казаки, из бездомного, гулящего люда.

О казаках в Северно-Восточной Руси упоминается с середины XIV в. в различных местах: в княжествах враждебных между собою и в местах, совершенно не имевших общения: в Рязанском и Московском княжествах с одной стороны, и в Азове и генуэзких колониях Крыма, с другой. Становятся они известными в одно почти время, т. е. получается, что это войско, если допускать искусственность образования, было образовано везде почти одновременно. Явление для того времени необычайное. Генуэзкие колонии из собственного материала создать войско-казаков имели не больше возможностей, чем Русь Северо-Восточная.

В русской исторической науке вопрос о происхождении казаков, упоминаемых в исторических документах XV в., является пробелом, пустым местом, как в ней имеется пробел и о существовании Донского Казачества в государственной системе Золотой Орды. Пустое место и заполнялось предположениями, об образовании казаков, как войска, из населения лесной полосы (великороссов) и т. д. Это пустое место пытался заполнить и проф. Ключевский, правда, не занимавшийся специально изучением Казачества, но вынужденый высказаться о нем, т. к. Казачеству принадлежала очень большая роль и значение в истории Востока Европы.

„Казачество составляло слой русского общества, — говорит он, — некогда распространенный по всей Руси; еще (в конце?) XIV в. казаками называли: наемных рабочих, батрачивших по крестьянским дворам, людей без определенных занятий и без определенного места жительства“ *). Если мы примем во внимание, что в конце XIV в. Подонье было разгромлено, конечно, в своих частях обширной территории неодинаково, и что выселение и переселение оттуда было сильно, то станет ясным появление в Северо-Восточной Руси особого „слоя общества“, как говорит Ключевский, т. е. попросту беженцев, эмиграции с Подонья. Естественно что донские казаки вселившиеся в пределы Северо-Восточной Руси, наиболее пострадавшие, лишившиеся и имущества и семейств, вынуждены были существовать случайными заработками, являясь бездомными, чем, конечно, не преминули воспользоваться и власть и правящий класс. Вероятно,

*) Проф. В. Ключевский, ч. 3-я, стр. 130. Такое же определение понятия слова — казак находится в словаре Даля и других, записанное в Рязанской губ. Естественно, что сохранилось понятие, связанное с наиболее выпуклым и заметным для народа событием — вселением в Рязанской области подонской эмиграции и явлением — батрачения донских казаков в силу необходимости, для заработка средств существования.

что эта бездомность, частое передвижение было не длительным, случайным состоянием казачества.

У того же источника Ключевского мы находим и другое определение Казачества: „Во время войны казаки обращаются с русскими храмами не лучше, чем с татарскими, и хуже чем с татарами. Мысль, что он православный, была для казака смутным воспоминанием или отвлеченной идеей, ни к чему не обязывающей в казачьей жизни".*)

Но, сделав характеристику казаков, Ключевский не дает об'яснений, в силу каких обстоятельств получилось такое религиозное вырождение у „слоя русского общества", великорусского народа, если он считает казаков таковыми. Это противоречит исторической действительности, так как в XVI в. у донских казаков на окраине их территории существовал монастырь Шацкий, а с начала XVII в. Борщевский (с 1616 г.). В середине этого же столетия, как только позволила обстановка, возникли уже в пределах самой территории Донского Войска еще четыре монастыря: Мигулинский, Кременский, Медведицкий, Чирской (последний временно).

Одной из главных руководящих идей борьбы Казачества против татар и турок была религиозная. Освобождение из плена христиан-полоненников и отпуск без всякого выкупа и возмещения со стороны Московского государства являлись практической деятельностью, традицией Вольного Казачества, что устанавливается документами**). Поэтому суждение проф. Ключевского является просто несостоятельным, вследствие того, что он, как и другие русские историки, скользили лишь по истории казачества и смотрели на него под политическим тенденциозным углом зрения.

Если мы вспомним о существовании у донских казаков во время пребывания их при татарах в составе Сарайской и Подонской эпархии, существовании у них монастырей мужских и женских, то едвали мы ошибемся, если об'ясним возникновение их в XXI-XVII в. всилу исторической традиции,

* * *

В русской летописи о казаках упоминается впервые в 1444 г. Этих казаков, некоторые историки называют рязанскими и даже „городовыми", к чему нет ровно никаких оснований. В этом году, как говорит летопись, казаки и мордва участвовали в отражении нашествия царевича Золотой Орды, вторгнувшегося в пределы Рязанского княжества. Дело было зимой, выпал глубокий снег. И казаки и мордва двинулись „на ртах"***);

*) Возможно, что исторические данные о киргиз-казаках Проф. Ключевский отнес к донским.

**) Дела Посольского Приказа (Московский архив Иностранных дел.). Дела Донские, Турецкие, Крымские, Ногайские за 16-17 ст.

***) Нарты известны и теперь в Сибири. Вероятно слово заартачиться и произошло от слова арты, в смысле закинуться.

Карамзин склонен был считать „рты“ лыжами. Вероятнее это было „арты“, или „нарты“ — сани, впрягавшиеся в один конь, способ передвижения, как видно из документа 1586 г., *) применявшийся и татарами. Казаки упоминаются не в смысле только войска, а союзной, возможно и зависимой от Рязанского княжества, народности, наряду с мордвой.

По направлению вторжения татар с юга-востока и всему ходу отражения видно, что казаки и мордва действовали не из пределов самого Рязанского княжества, а откуда-то с окраины, с которой и граничила, с одной стороны, территория мордвы, а с другой — северная окраина Подонья. Мордва и казаки действовали вдогонку, в тыл татарам. Повидимому, татарский конный отряд или отряды прорвались между территориями казаков и мордвы, соприкасавшимися, соседившими между собою.

Исторические документы, приведенные нами выше, устанавливают, что по р. Хопру, в районе его и по Медведице (Салаваске) в то время существовали города и существовала целая населенная область „Броднич с месты“, которая могла быть населена только донскими казаками: очевидно, что казаки, упомянутые летописцами и могли быть только оттуда. Казаки эти были на службе Рязанского княжества, так как ратная служба была их привычной деятельностью, а после разгрома их и источником существования. Но по этой службе нет оснований называть донских казаков — рязанскими, как не было оснований называть запорожских казаков, в зависимости от службы Польше или Московскому государству, то польскими, то московскими, или Донское, Терское, Яицкое Войска по союзу и службе — московскими казаками. Служба донских казаков Рязанскому княжеству или союз с ним не был эпизодом 1444 г., а была и раньше и позже.

С 1467 г.**) в летописи начинают встречаться упоминания о службе казаков в Московском княжестве. В следующем году казаки, под предводительством Ивана Руна, вероятно, их вождя (атамана) участвуют в походе против Казани в составе Московского ополчения. В этом походе казакам и вождю их принадлежала решающая роль. Задача похода Иоаном III была поставлена войску по существу пассивная: выдвинувшись к г. Казани, ограничиться наблюдением. Но увлеченное казаками все ополченское войско, состоявшее не только из крестьян, но и посадского, торгового и ремесленного люда, избрало общим своим предводителем Ивана Руна, вождя казаков, не смотря на присутствие в войске царского воеводы. Двинувшись после того против Казани, войско захватило ее и, разграбив вернулось к исходному месту. Проявленная инициатива, активность были совершенно

*) № 69 Дела Ногайские. 1586 г.
**) № 55, т. VIII Воскр. л., стр. 157.

чужды московским вождям и войску; за нее, как необычайное, противоестественное явление, Иван Руно подвергся царской опале.

До конца XV в. мы видим казаков действующими против Казани в составе московских ополченских войск и отдельно, как конное и судовое войско. Во время этих действий против Казани с северо-запада и севера по Волге казаки имели частое соприкосновение, связь и общение с войском Вятской республики. Из русских летописных сведений вытекает вывод, что казаки являлись постоянным войском, по своим способам, роду и характеру деятельности особым от Московского войска, представлявшим органически нечто от него особое. Эти казаки, упоминаемые в XV ст., на службе Московского государства состояли из донских казаков, передвинувшихся на север в соседство Мещерского и Мордовского края. Главным, ближайшим, а потому и опаснейшим противником для Москвы, было Казанское царство.

Наличие постоянного войска требовалось прежде всего на этой окраине, против Казани; здесь в XV ст. и осели казаки. Донским казакам были предоставлены места для поселения близ городов, и эти казаки приобретают названия Городецких (по городу Городец), Мещерских по народу, вблизи которого жили, и часть территории которого они заняли. Но они не являлись еще городовым войском, городовыми казаками, органически входившими в состав войска городов, которого, как такового, и не было еще в то время.

Казаки были постоянным войском в Московском княжестве. К концу XV в. они получали места для поселения на южной и западной окраинах Московского государства, близ городов, по которым и получали свои названия, но сохраняли и свое старое название д о н с к и х до середины XVII в., как увидим, во многих местах. Казаки представляли из себя отдельную от великорусской народность, имевшую единство лишь в религии и в языке, но у них, наряду со славянским, сохранялся, вероятно, и татарский, прежний государственный. Смешению с великорусами препятствовали разница в социально-экономическом положении, различие в характере, быте, психологии.

С той же целью охраны своих окраин Московское княжество предоставило места для поселения на ней и для переселившихся во второй половине XV столетия части киргиз-казаков. Эти казаки получили название по месту поселения в Мещерском краю*). Они переселялись в половине XV ст. из Большой (или бывшей Золотой) Орды, состоявшей тогда из орд Ногайской и Киргиз-Казацкой. Они представляли из себя казаков, т. к. представляли оторвавшуюся от последней часть казахов, (черкасов) в то время окончательно еще не слившихся с киргизами.

*) № 67. Донск. д. св. 14, к. 14, л. 8.

Нет ничего удивительного в том, что следы пребывания казаков находятся и в Соловках: посещение Соловецкого и других монастырей, для уврачевания недугов телесных и душевных „по обету", у Вольного Казачества и в XVI-XVII в.в. было явлением обычным. Тем более могло иметь место оно при обострении религиозного чувства после общего народного бедствия, после разгрома Подонья в конце XIV и в начале XV ст., когда было много не только бездомных, но и „безродных", т. е. потерявших всех своих родственников. Они посещали Соловки, находя там и приют. Появились казаки и в Вел. Новгороде; в 1397 г.*) среди начальных людей в нем даже встречается казачье прозвище — Филиппа Козачковича.

***

Население в низовьях Дона, несмотря на разгром Тамерланом Азова в 1395 г. все же сохранилось. В 1400 г. в нем была восстановлена генуэзцами торговля. Бусбек, а после него генуэзец Иосафато Барбаро, проживший в Азове около 16 лет и хорошо изучивший страну и народ, живший вблизи города, писал (1436 г.), что народ этот, называвшийся азак, казак, говорил славяно-татарским языком. Народ этот не мог быть казахами (черкасами) кавказскими, т. к. они были давно уже оттеснены от Дона в предгорья и горы Кавказа. И сам город Азов и вся область у турок получила название Казак, Азак. Возможно, что это название было вновь привившимся по названию населения, возможно и восстановленное древнее название Казакии, позаимствованием ее у греков.

После завоевания турками Азова (1471 г.) эти донские казаки, поступив на службу турок, становятся известными под именем *азовских* казаков. Ранее же того становятся известными казаки на службе генуэзцких городов в Крыму. Эти азовские казаки составляли особое военно-служилое сословие Азова; войско их было совершенно отдельным от турецкого и составляло главную внешнюю охрану крепости. Конечно, не все азовские казаки жили в самом городе, в нем было только войско их и то, вероятно, не все; жили они в низовьях р. Дона. Они имели свое особое устройство, своих выборных шубашей (атаманов), из которых в конце XV и в начале XVI в.**) известны Караман, Агус (Августий) Черкас, Карабай. Азовские казаки сохраняли христианскую религию и славянский язык, но в последнем была сильная примесь тюркского, а со времени владения Азовом турками они стали говорить и на турецком языке, являвшимся государственным.

---

*) № 55. Новг. л. т. III.

**) Об Азовских казаках имеются сведения у Карамзина (том 6-й) у у донского историка Пудавова; наиболее ценные сведения (первоисточник) заключается в делах Крымских: кн. 2, стр. 240-42, 361, 679-680, 1018-27; в донесениях московских послов — Кубенского, Мамонова, Заболоцкого.

Донской историк Пудавов говорит:*): „Старые азовские казаки происходили не от ордынцев или монголов, что обнаруживается из показания самих монголов и крымцев, которые делали ясное различие между этими казаками и другими военными людьми Азова, называя последних нашими людьми; сверх того, они отличали их от черкесов".

Нападения азовских казаков на московские посольства и торговые караваны**) вызвали жалобы на них Иоанна III, указывающие, что они не чувствовали и особого родства к великоруссам. В 1489 г. они напали на караван послов Кубенского и Рамодановского. Очевидно, нападения делались вне крепости, а это указывает, что казаки жили и войско их служило вне ее, как внешняя охрана. В Азове был лишь центр азовских казаков, их власть и управление. Постоянные жалобы Иоанна III турецкому султану, а еще более то, что азовские казаки не признавали безусловного подчинения туркам, вызвали повеление (1503 г.) турецкого султана Крымскому хану Мегли Гирею и сыну его, Кафинскому паше: „Всех лихих пашей казачьих и казаков доставить в Цареград"***). Но для исполнения этого собственных турецких сил крепости Азова оказалось недостаточно; в походе участвовало не меньше 2—3 тысяч крымцев, кафинский отряд и черкесы. Отсюда можно заключить, что азовских казаков-воинов было не меньше 3—4 тысяч. Захвачены были лишь некоторые „большие люди", т. е. представители власти, вожди, а остальные успели оставить Азов.

Составленное войско из турок и татар, на место азовских казаков, получило у турок название „добрых наших казаков"†), но встречаемое всего в 2-х документах название казаков в Азове совершенно исчезает уже в первой четверти XVI в.

Вытесненные из Азова азовские казаки переселились в нижнее Поднепровье, где, вместе с белогородскими казаками, получив земли от польского короля Сигизмунда I, стали служить ему, как раньше служили турецкому султану. Белгородские казаки, получившие название по городу Белгороду (Ак-Керману), расположенному близ устья Днестра, представляли остатки казаков генуэзцких колоний Крыма††).

В уставе этих колоний, изданном в Генуе в 1449 г. говорится о казаках, как войске, но не указано, какой они были народности. Безусловно, они не были из генуэзцев-торговцев. Указания на нападения их на татар, угон скота у них, доверие внешней охраны городов и целой области свидетельствуют, что они не могли быть и татарами. После покорения Крымскими

*) № 46. Пудавов, стр. 680.
**) № 68. Д. Крымск. кн. 2, стр. 240-242, 361.
***) Там же, стр. 1018-27.
†) № 46. Пудавов стр. 160.
††) № 59. Зап. Одеск. общ. 1877 т. т. V, стр. 613.

татарами в 1474 г. всех генуэзцких колоний, и у татар начинает встречаться упоминание о казаках. Казак является понятием низшего рода войска, бездомного воина*). Очевидно, что это были казаки прежних генуэзцких колоний. К концу XV в. всякие упоминания о казаках в Крыму у татар совершенно исчезают. В начале XVI ст. начинают встречаться упоминания о белгородских казаках в Эдисанской (Очаковской) Орде, составляющей часть Крымской. За ненадобностью в казаках в Крыму они были переселены татарами на западную окраину ее.

В 1515 г.**) московский царь Василий III указал послу своему Коробову, бывшему в Царьграде, чтобы он добился от турецкого султана запрещения ходить азовским казакам на службу к его недругу, польскому королю Сигизмунду. Коробов сообщил ответ Турции, что азовские казаки не подчиняюттся султану и служат, кому хотят, по своей воле. Тогда Василий III через Аппака, брата Крымского хана, вошел в сношение с азовскими казаками и привлек их и белгородских казаков к себе на службу (1519 г.), дав им земли для поселения с семьями вблизи Путивля, Н.-Северского и Рыльска (в бывших княжествах Переяславском и Северском), перед тем (1500—15) им завоеванных.

Эти азовские казаки получили название севрюков по имени Северской области, где они осели. На этой юго-западной окраине Московского государства, составлявшей часть Украины, были уже на службе черкасы, по роду службы и социально-экономическому положению, деятельности и быту являвшиеся казаками, но они назывались черкасами.

Привлечение азовских казаков на службу сначала Сигизмундом I, а затем Василием III, указывает, что казаков ценили, как конное пограничное войско, отлично знавшее степи, и указывает на невозможность и, во всяком случае, трудность, создания такого войска из населения лесной полосы, равно в Польско-Литовском и в Московском государстве.

* * *

Местность южнее окраины Московского и Рязанского княжеств между Днепром и Доном, севернее низовьев их, в XV ст. получило название Дикого Поля, — в смысле опасного, безлюдного и никому не принадлежащего. Кроме части северного Подонья, оно являлось не оселенным. Дикое Поле являлось пространством, через которое в XV ст. совершали походы войска Польско-Литовского государства, Большой Орды (Ногайской и Киргиз-Казацкой) и ханства Крымского, постоянно воевавших между собой.

*) Название — казаков, как низшего рода войска, в XV в. встречается у разных народов Востока Европы: у мордвы, черемисов, крымских татар — этот перенос названия на низший род войска — следствие разгрома донских казаков.

**) № 68. д. Крымский, кн. 2, стр. 128, л. 128.

Поэтому в северную часть Казакии, в Подонье в XV в. не могли вернуться не только донские казаки с окраин Московского, Рязанского княжеств, но и азовские казаки; лишившись опоры в Азове и, не имея сил удержаться в низовьях Дона, они вынуждены были уйти за Днепр, (на правую его сторону); а после переселиться на окраину Московского государства, поступив на ратную службу его государя.

Таким образом, донские казаки, как народность, не исчезла с лица земли, но, претерпев разгром в конце XV и на начале XV в., была вынуждена большей частью уйти из пределов Казакии, и попала в новые места и в новые условия своего существования, существенно различные для отдельных групп. Донские казаки, избегнув физического уничтожения, попали в условия возможности национального уничтожения, — возможности смешения с другими народами, поглощения ими.

ГЛАВА XVI.

Поглощение Северо-Восточной Руси Московским государством в XV—XVI ст.

(Гл. ист. №. 1-8, 55, 64).

В XV в. на Северо-Востоке Европы существовали княжества: Московское, Рязанское, Тверское (кроме них были и второстепенные); к западу от них республики: Вел. Новгород и Псков, а к северу Вятка (Хлынов). Владения Вел. Новгорода и Вятки простирались на севере до Белого моря и Ледовитого океана, а на востоке до Уральского хребта (Каменного пояса). Проникали новгородцы издавна и за него — в Сибирь, она им была хорошо „ведома". Русские историки об'единяют под именем Северо-Восточной Руси и Новгородскую и возникшие из ее колоний Псковскую и Вятскую республики, хотя они были особым миром и по происхождению, и по своей истории, и по своему содержанию, — от мира московского (великорусского).

Московское княжество стало возвышаться и усиливаться с начала XIV в. Русские историки указывают различные причины усиления и возвышения его. Карамзин считал, что Москва обязана своим возвышением ханам. Погодин — совпадением благоприятных случайностей. Соловьев об'ясняет выгодностью географического положения Москвы, колонизацией с юга (переселением с Поднепровья) и нахождением религиозного центра (митрополита всея Руси) в Москве. Костомаров усиление Москвы об'яснял, помощью татар и самую идею самодержавия и единодержавия считает позаимствованной у них. Так же склонен считать и Бестужев-Рюмин, об'ясняя, что взаимо-

отношение с ханами московских князей выработало у последних и боярства особую ловкость и такт. Проф. Платонов согласен, по существу, со всеми положениями, только несколько иначе формулирует их.*) Проф. Ключевский причинами возвышения и расширения считает: экономические выгоды вытекавшие из географического положения г. Москвы и Московского княжества, церковное значение, приобретенное Москвой по переселении в нее митрополита „всея Руси“ (Киевского), и согласованный с обстоятельствами времени образ действий московских князей...

Возвышение об'ясняется совокупностью причин и, главное, тем, что Московские великие князья приобрели опору себе в ханах Золотой Орды. От этого власть их постепенно превращалась во власть самодержавную, идеологические обоснования черпая в религиозных идеях, позаимствованных у Византии. Московский вел. князь превращался из государя „милостью Хана“ в царя „милостью Божией“.

Использование московскими князьями религии в своих интересах, и выполнение ею служебной роли, для усиления и укрепления государственной власти, было одной из главных причин возвышения династии и самого Московского княжества. Московское боярство (вообще дворянство) пополнялось, расширялось не вхождением новых представителей из населения, а выходцами из разных стран. Эти элементы, внося соответственные идеи, влияли — на физиологическое сложение дворянского сословия вследствие смешанных браков, и на идеологию, на взаимоотношение с великокняжеской властью и населением.

Проф. Ключевский**) считал, что из 930 самых знатных боярских фамилий, из которых образовалось столбовое дворянство, русских фамилий было 33%; польско-литовских и западно-русских 24%; происхождения немецкого, западно-европейского 25%; происхождения татарского и вообще восточного 17%, и неизвестного 1%.

Таким образом, только незначительная часть правящего сословия была, так или иначе, связана с народом великорусским, большая же часть была совершенно чуждым элементом для населения, не связанным с ним ни этнически, ни идеологически, ни морально, ни психологически; связь с населением была только в единстве языка и, до известной степени, в религии.

Взаимная поддержка друг друга: правящего сословия (дворянства), московской династии и духовенства была естественной; она давала возможность установления каждым из них своего соответственного самодержавия: государственного, социально-экономического и религиозного над главной сельской массой населения — крестьянством. Эта взаимная поддержка (сплочен-

*) С. Платонов проф., Лекции по русской истории, изд. 7-ое, СПБ. 1910 г.

**) № 7. Ключевский, стр. 253.

ность) из побуждений взаимной выгоды имела громадное значение на усиление и расширение Московского княжества. Отсюда понятна тяга выходцев в Москву, где можно было „покормиться", со всех сторон.

Но не меньшее значение имели свойства и качества самого великорусского населения. Московское княжество являлось наиболее населенным на Северо-Востоке Европы, но это было не следствием колонизации с юга. Колонизация оттуда имела место лишь до монгольского нашествия, при образовании колоний, а из них княжеств, на Сев.-Вост. Европы, она и дала возможность образоваться: государственным и административным аппаратам, войску (дружинам), посадскому люду, духовенству, — одним словом дала возможность образоваться государственным аппаратам на Сев.-Востоке Европы.

Население Московского и соседних княжеств образовалось из финских племен: веси, мери, чуди, муромы и других, смешавшихся с славянами лесной полосы, „обрусевших", т. е. воспринявших христианство и славянский язык, оказавш сильное влияние на превращение его в русский. Количественно при образовании великорусской народности финны значительно преобладали над славянами.*) Великорусская народность заключает соединение двух миров — финского и славянского; в религиозном отношении: соединение христианства с шаманством.

Отсюда, с одной стороны, и великорусское богоискательство, с другой — религиозное озорство, окаянство и все религиозные „искания" великорусского народа. Религия у всех других славянских народов находила иное выявление. Свойства славян — любовь к свободе, любовь и привычка к народоправству, вечевое устройство совершенно не были усвоены новой народностью; быт великоруссов был несравненно ближе к быту финнов, чем к быту славян степной полосы. „Колонизаторские устремления" великоруссов есть выражение в новой форме финского бродяжничества.

Славяне лесной полосы поглотили, ассимилировали лишь финские племена, стоявшие на более низкой ступени культурного развития; тюркские же племена, жившие по соседству — мордва, черемисы, камские болгары, башкиры и др., стоявшие в то время выше в культурном отношении финнов, выдержали многовековый натиск, ассимиляцию со стороны великоруссов и существуют поныне в виде особых народностей. Великорусская

*) В губерниях центральной Великороссии — Московской, Владимирской, Ярославской, Костромской, Вологодской никогда славянского населения не было. При переселении из Киевских областей сюда передвинулись — княжеская власть с двором (со своим государственным аппаратом) дружины и торговый и посадский (городской) люд, сельское же население передвинулось в ничтожном количестве в сравнении с местным коренным финским населением.

народность, утративши все свои славянские начала: народное устройство, быт, характер народный, славянскую идеологию и психологию, представляла народность с пассивным характером, совершенно не способную к противодействию установления над ним самодержавия и выполнения всяческих экспериментов, воспроизводимых чуждой ей государственной властью и правящим сословием.

Пассивность, непротивление, неспособность борьбы великоруссов за свое благо и интересы, неспособность к организации, неспособность к энергичной, упорной борьбе, а выявление сопротивления лишь путем вспышек, взрывов бунтарства, „бегства", исключительное терпение и выносливость, — одним словом, особые качества и свойства великоруссов были одной из главных причин возможности использования великокняжеской властью населения, как материала, для расширения и возвышения Московского княжества, а затем и царства. Первоначальное расширение Московского княжества (со времени Иоанна Калиты) основывалось на взгяде вел. князей Московских на княжество, как на свою вотчину, как на свою собственность.

Поэтому и началось прибавление к нему разных соседних земель и княжеств и покупкой, и при помощи милости ханов, и другими способами. Экономическому обогащению способствовало предоставление вел. князьям сбора им самим дани с населения. При передаче ее ханам львиная доля удерживалась.

Первоначальная идея „собирания Руси" у Московских князей основывалась исключительно на стремлениях экономических — обогащении. Национальные, религиозные идеи, идея 3-его Рима, „единство русского народа" и т. д. были впоследствии вложены в идеологию московскими книжниками и русскими историками.

Московское государство территориально расширялось, увеличивалось его население. Внешне строилось обширное государство, но в нем благо самого великорусского народа от этого не улучшалось.

Московское государство не имело сильных противников и превосходило соседей количеством населения и своими средствами. Покоряя одного противника, пользуясь затем его силами и средствами, Московское княжество легко справлялось и с другими.

* * *

Новгородская, Псковская и Вятская республики представляли совершенно особый мир от Московского княжества. Они были противоположными не только по государственному устройству, но и по самой народно-хозяйственной деятельности населения, по быту, народному характеру, психологии и идеологии, и даже по своему религиозному восприятию и выявлению.

В 1471-78 г. г. Вел. Новгород, никогда не знавший татарского нашествия, испытал несравненно худшее — московское. Новгородская республика была совершенно разгромлена: население

ее частью уничтожено, частью переведено в московские пределы, а на место его поселено московское (великорусское). Было бы ошибочным приписывать жестокость и зверства исключительно вел. кн. Иоанну III. В разгроме Новгорода участвовали все слои населения: и боярство (дворянство), и духовенство, и сам народ. Московский национализм, кроме непримиримости, стремления к поглощению, или уничтожению не только всего инакомыслящего, но имевшего то или иное отличие от московского, хотя бы внешнее, не имел иного содержания. Чтобы не быть голословным в своей обрисовке среды, в какой пребывало Донское казачество в XV и в начале XVI в., сошлемся на труды русских историков *) и приведем выписку из исследования русского ученого Е. Ознобишина, **) знатока Новгородской старины:

„Ненависть москвичей к новгородцам заглушала в этой отрасли славян свойственное им чувство великодушия и уважения к святыне. Нашествие и покорение Новгорода сопровождалось насилиями и убийствами, напоминавшими времена Батыя, которых прежде Новгород не испытал. Москвичи, привыкшие повиноваться единоличной власти своих князей и их боярам, с ужасом глядели на новгородцев, осмелившихся критически относиться к этой власти. В то время когда тысячи новгородцев гибли под мечами москвичей, когда тысячи пленных, отправленных в Москву, умирали дорогою от холода и голода, когда все имущество новгородцев было разграблено или сожжено, а жены и дочери изнасилованы, монастырские волости записывались на Ивана III; в это время всеобщей гибели братьев-славян, народ московский ликовал в неописанном восторге, молебствовал и сердечно, искренне был рад тому, что строптивые князьям новгородцы истреблены в корень и что их буйное самоуправление, их вече, уничтожено и, отныне, новгородцы, приближаясь к особе великого московского князя, должны будут падать ниц перед символом власти и не иначе себя называть, как холопами Московского царя. При гибели веча Новгородского не только ликовал народ простой, но даже святители московские принимали в этом живейшее участие и старались задевать самые святые и заветные струны новгородского сердца". Свою обрисовку Е. Ознобишин заканчивает словами: „Пора уж сознать, что об'единение (?) России сопровождалось страшною неразборчивостью средств и развращением общества".

В 1480 г. Московское княжество свергло зависимость от Золотой (Большой) Орды не в результате вооруженной борьбы, а в результате своей политики и, главным образом, разложения самих татар. Моск. вел. кн. Иоанн III, женатый на византийской царевне Софии Палеолог, принял титул царя. Содержание мос-

*) Ключевский, Соловьев, Платонов, Иловайский и др.
**) №. 64. Донск. Обл. вед. 1874 г. №. 94. Ознобишин.

ковское осталось, конечно, то же, но теперь под освещением византийских идей, претензий на византийское наследие, оно, получив развитие прежнего содержания, освящалось уже „милостью Божией". В 1484 г. было покорено Тверское княжество, в нем было то же содержание, что и в Московском, и вопрос свелся лишь к перемене династии. В 1489 г. была разгромлена Вятская республика, теми же способами с теми же последствиями, как незадолго перед тем Вел. Новгород. Оставались еще независимыми номинально в XV ст. — Псковская республика и Вел. кн. Рязанское, но и они в начале XVI ст. были завоеваны Московским государством.

Вел. Новгород, Вятка и Псков, бывшие республиками, представляли, как мы говорили, совершенно особый мир от московского: и по своему происхождению, и по устройству, и идеологии, и психологии, и народо-хозяйственной деятельности населения. Территория их стала Московией, а после и Россией, лишь после завоевания их, а народ русским (великоруссами) после перевода новгородцев и вятчан, оставшихся в живых, в московские пределы, а на место их из московских пределов, и после смены нескольких поколений. Вследствие вселения новгородского населения в пределы самой Московии, в ней стала оживляться промышленная деятельность, проявляться несвойственная московскому населению инициатива, колонизаторские устремления. Известно, что первые московские колонизаторы — Строгоновы, были новгородского происхождения.

Если московский национализм, выражавшийся в стремлении к поглощению или к уничтожению, так проявлялся в отношение врагов внешних, то тем более он должен был проявляться в отношение врагов внутренних, особой народности, входившей в состав Московии — Донских казаков. А врагами они были уже потому, что имели свое особое происхождение, свою идеологию, психологию, свои традиции, свой быт и особый народный характер. Борьба между Московским государством и республиками Новгородской, Псковской и Вятской кончилась физически полной победой первого; достижения же новгородские, идеи славянские, за сохранение которых велась упорная борьба, не погибли, не исчезли бесследно. Но само Московское государство, наследница Золотой Орды, идей ее, прикрытых идеями религиозными, византийскими, ничего новгородского не приняло и не могло принять. Таков вывод из русской исторической жизни.

На Востоке Европы в XVI ст., всего через полстолетие после гибели Новгородской и Вятской республик, в степной полосе образовался вновь особый мир, противоположный московскому и враждебный ему, но близко родственный новгородскому — республики Вольного Казачества.

Борьба и этих миров, двух различных государственных си-

стем, различного социального и бытового содержания, разных народностей — великорусской и казачьей, как и раньше борьба Московии и В. Новгорода, продолжалась не одну сотню лет.

ГЛАВА XVII.

Русская теория о происхождении и возникновении Вольного Казачества.

(Гл. ист. №№ 1-8, 25-31, 40-47, 50, 64).

В предисловии мы говорили о двух теориях происхождения казачества, искючив оттенки. Одни русские, украинские и казачьи историки происхождение казачества выводят из степной полосы или от поднепровских черкасов, или от остатков населения Тмутараканского княжества (бродников). (От этих двух источников действительно образовалось два казачества независимо одно от другого). Другие русские историки от коренного населения лесной полосы — великороссов.

Казаков донских, служивших в пределах Северо-Восточной Руси и частью там живших, неосновательно называя их московскими и рязанскими, последняя группа русских историков считала войском, искусственно образованным из московского населения, что исторически было неосуществимым для Московского государства за отсутствием необходимых свойств и качеств у этого населения. Вольное же Казачество (донских, волжских, яицких, гребенских и др. казаков) они считают образовавшимся из беглого московского (великорусского) населения, преимущественно крестьян, образовавшимся вследствие колонизаторских устремлений и осуществлений их. Эта теория, как мы уже говорили в предисловии, была положена В Броневским;*) некоторыми русскими историками (Соловьевым, Иловайским, Ключевским, Платоновым) и, войдя потом в учебники, была развита школьнической истиной почти для всей грамотной России.

Ни один из указанных историков специально исследованиями и изучением истории казачества не занимался; но вынужденные высказаться о казачестве, о факторе и элементе, игравших исключительную роль на Востоке Европы, они высказывали о нем то, что гармонировало с основными тенденциями политической российской мысли, что соответствовало идеям: 1) великодержавности великорусского народа, 2) единства русского народа (в него включались и украинцы и белоруссы, и казаки; правда, в качестве 2-го сорта), 3) миссианской роли, предназначенной великорусскому народу, 4) идее колонизаторских устремлений великорусского народа и колонизаторских сверх-

*) № 43. Броневский Вл.

способностей его („История России — история ее колонизации) и 5) особых высоких качеств великорусского народа, как военного материала.

И хотя ни один из русских историков не проводил ни прямых, ни косвенных документов в подтверждение своей теории, но общепризнанный авторитет их как историков, давлел и в вопросе о казачестве. Для нас нет необходимости останавливаться на приведении оттенков этой теории различных русских историков, но на выяснении истории происхождения ее мы остановиться считаем необходимым.

В первой четверти прошлого столетия донскому офицеру В. Д. Сухорукову, имевшему университетское образование, поручено было русским правительством составить историю Донского Войска. Даны были помощники (Кушнарев, Кучеров и др.), средства и возможности: был открыт доступ в архивы Астрахани, Царицына, Ростова и др. Все предприятие находилось под покровительством гр. Чернышева. В промежуток с 1822 по 1832 г.г. Сухоруковым был составлен труд: „Статистическое описание Земли Донских казаков", собраны исторические материалы и почти закончена историческая работа.

В это время он поместил в „Московском Телеграфе" и в других периодических печатных органах статьи, в которых делился результатами своих изысканий, высказывая взгляд, что остатки новгородцев, как один из элементов, участвовали в образовании Вольного Казачества. Вне всякого сомнения, что этот ценный вывод Сухорукова стал широко известен. Время работы В. Сухорукова был период развития „николаевщины" — время удушения, особенно сильно направлявшееся как раз на казачество. Незадолго перед тем на Дону началось пробуждение национального казачьего самосознания, пока скромно ограничивавшегося стремлениями к восстановлению только некоторых исторических достижений казачества — Войскового Круга и выборности Войскового Атамана из казаков. Русское же правительство изыскивало способы для добивания казачьего самоуправления.

Воскрешение идей новгородской вольности, хотя бы в историческом труде, для русского правительства представлялось очень опасным. Сухоруков был арестован, все бумаги „до малейшего клочка" были также арестованы и отобраны. Сам он был сослан в армию (на Кавказ) и навсегда был лишен возможности заниматься какими-либо историческими изысканиями. Исторический труд Сухорукова считался бесследно пропавшим. Впоследствии Донским Статистическим Комитетом было издано „Историческое описание земли Войска Донского", первоначальный сырой сборник материалов, составленный Сухоруковым (периода после Смутного времени).

„История Донского Войска", изданная В. Броневским (1834 г.)

представляет очень ценный труд по богатству исторических материалов, не утративший ценности и в настоящее время, с описанием быта и нравов донских казаков, с подробным изложением хода Московского Земского Собора, собранного для решения вопроса (1641 г.) — принимать, или не принимать от донских казаков турецкую крепость Азов, взятую ими. Для того, чтобы этот труд написать, нужно было в течение многих лет собирать материалы по архивам, жить долго на Дону в станицах для изучения быта и нравов казаков. Между тем Броневский был на Дону лишь проездом на Кавказ и обратно, с короткой остановкой в Новочеркасске для свидания с братом, служившим там. Выводы Броневского в изданном им труде находятся во внутреннем противоречии с его содержанием. В нем есть вопросы, широко освещенные, которые могли занимать только казака и такого, как Сухоруков. В. Броневский воспользовался „арестованным" трудом В. Д. Сухорукова и с ведома, возможно, и по приказу того-же Чернышева, выбросил неугодные русскому правительству „опасные" места и выводы, вставив свои, приемлемые и угодные „начальству", гармонировавшие с российскими политическими тенденциями. Главное внимание было обращено на происхождение Казачества и на значение и роль Войскового Круга (вывод сделан — благо его уничтожения). Чтобы убедиться в нашем не предположении, а в утверждении использования труда Сухорукова Броневским,*) стоит только внимательно сличить содержание некоторых глав (нравов, быта и т. д.), изданной Броневским „Истории Донского Войска" с трудом Сухорукова: „Статистическое описание земли Донских казаков".

В „николаевское время" были не только окончательно уничтожены (1837 г.)**) остатки внутреннего самоуправления Донского Войска, но произведена и подделка его истории с помощью В. Броневского. Теория его была принята и расширена русскими историками, т. к. она гармонировала с российскими великодержавными тенденциями.

Несогласованность, а часто и прямое противоречие тому, что нашел Е. Ознобишин у донских казаков в их быте, нравах, психологии и идеологии, с тем, что писалось о казаках русскими историками и что утвердилось в представлении русского общества, как само собой понятное, и заставило ученого, по его собственным словам, заняться изысканиями по истории казачест-

---

*) В предисловии А. Сухоруков не скрывает использования чужих материалов, скромно указывая на позаимствование у Кирсанова, представителя казачьей власти. У него то и могла оказаться и быть позаимствована работа В. Д. Сухорукова.

**) Проф. Сватиков. Россия и Дон.

ва*). Е. Ознобишин был большим знатоком новгородской истории и старины, что помогло ему, независимо от Сухорукова, обнаружить один из элементов, вошедших в состав Вольного Казачества, при возникновении его в XVI ст., — элемент новгородский.

Он дает двоякое обоснование, почему Донское (равно и другие) казачество не могло образоваться из московского коренного (великорусского) населения. „Басня, переданная Броневским **) о беглых москвичах, основавших Донское Казачество, — писал Е. Ознобишин, — тоже не имеет основания и не выдерживает критики. В XV в., в момент появления казаков на Дону, в России (т. е. Московии) не было еще крепостного права и всякий мог переходить с одного места на другое; предполагать же, что беглые были исключительно преступники, тоже нет основания. Какое число преступлений надо было совершить, чтобы образовалась целая масса, целые тысячи преступников, где то увидавших друг друга, сговорившихся бежать куда-то в неизвестные страны, к неизвестным народам и, явившись на место в низовья Дона, сейчас же сумевших проявить ум, сметливость, отвагу; успевших приобрести оружие, составивших правильное общество (беспощадное для преступлений в среде), управляемое вечем и имевшее толковых грамотеев, умевших писать царям. Все эти предположения — одна фантазия, и можно положительно доказать, что беглые московские люди могли явиться на Дон только тогда, когда были уверены, что найдут там приют и защиту, т. е. уже долго спустя появления донцов на Дону, после закрепощения крестьян и после церковного раскола (XVII в.), а в другое время беглецы из России на Дон являлись единицами".

Далее Е. Ознобишин устанавливает и коренные различия между колонизацией Московской и Новгородской: „Даже самый характер колонизации московских людей, — писал он — совершенно отличен от колонизации вятско-новгородских дружин. Лаптев, полковник генерального штаба, составивший статистическое описание Казанской губернии в 1854 г. описывает колонизацию московских людей в XV и XVI ст. в следующих чертах: „Московские поселенцы, как победители, всегда выбирали лучшие земли, прогоняя с оных туземных жителей, которых селили впереди себя для того, чтобы на этих туземцев падали удары кочующих орд башкир, киргизов, ногайцев". Колонизация московская была земледельческая, а новгородцев-вятчан торгово-промышленная; земледельческий труд был у них не в почете,

*) Е. Ознобишин историк и заслуженный археолог, член Академии Художеств, по Выс. повелению в 1870 г. был командирован на Дон для изучения специально церковной старины, прожил на Дону пять лет; выполняя работы он жил подолгу в станицах.

**) Труд В. Броневского до 80 годов прошлого столетия был принят, как основной труд по истории Донского Войска.

ему предпочиталась торговля и промыслы (рыбный, звериный), сбор ясака (дани) с инородцев и военная добыча".

Е. Ознобишин характеризует москвичей и новгородцев следующими словами: „Благоразумие и осторожность всегда проглядывали в характере москвичей, напротив, отвага, соединенная часто с неблагорозумием, выражают исторический характер новгородцев. Кроме сего, москвичи, как жители губерний лесных, неимеющих больших рек, не были опытны в делах судовой рати; тогда как донские казаки с первого же момента своего появления в низовьях Дона, являются опытными мореходами, отчаянными морскими пиратами. Какая же необходимость подвинула людей Московского государства к переселению за 1000 верст от своих границ, в глубь от'явленных врагов христианства, добровольно подставлять свои головы под неприятелские пули и стрелы; тогда, как Иван Васильевич имел обыкновение переселять москвичей на завоеванные земли на лучшие места, со льготами, под охраною вооруженных отрядов?" Е. Ознобишин устанавливает, что никакой колонизации в XV-XVI ст. из лесной полосы, т. е. московского населения (великоруссов) на юг не было и быть не могло.

К тождественным выводам пришел и Ф. Чекалин, занимавшийся исследованием по архивным материалам и устанавливающий, что колонизация в степную полосу началась в первую очередь вдоль Волжского водного пути и только в конце XVI ст., т. е. когда Вольное Казачество уже прочно существовало.

Вот как говорит о том Ф. Чекалин в специальном исследовании: „Русская колонизация Саратовского Поволжья могла начаться и действительно началась в виде первого опыта лишь в конце XVI в., по покорении Казанского и Астраханского царств". Эти первые опыты московской колонизации стали осуществляться уже после того, как Вольное Казачество, осев в степной полосе, образовало вольные республики и, исключительно благодаря их существованию. А Казанское и Астраханское царства были завоеваны Московским государством, как раз, благодаря лишь помощи Вольного Казачества, что сознавали в середине XVII ст. сами москвичи (Г. Катошихин).*) Московская (великорусская) колонизация производилась исключительно государственными мерами: постройкой городов (крепостей), оселения их служилыми людьми — детьми боярскими, городовыми казаками, стрельцами и татарами, после того лишь, при опоре на город, селились вблизи его крестьяне.

Колонизация Сибири после завоевания ее казаками производилась тем же порядком; лишь по открытии и завоевании земель казаками и новгородцами селились крестьяне.

В своем исследовании Е. Ознобишин дает и другое обосно-

*) № 51. Катошихин Гр.

вание, почему донские казаки не могли происходить от московского (великорусского) населения. „Первые донцы принесли с первого же раза прочные условия выборного вечевого начала (круга) и никакое предание не упоминает, чтобы донцы, как и древние славяне, жаловались азовцам, или москвичам на неурядицы в своей низовой земле, удаленной от России на 1000 верст и окруженной со всех сторон непримиримыми врагами. А если донцы с первого же момента своего политического бытия, явились коренными вечниками, то является вопрос, могли ли быть поселенцы XVI в. из Москвы с вечевыми порядками?" Совершенно опровергая какую бы то ни было возможность образования Вольного Казачества из коренного московского населения,Ознобишин указывает на то, что у московского населения не оставалось никаких воспоминаний о вечевом быте. Ненависть к вечевому и вообще новгородскому быту у московского населения, проявившаяся бурно в конце XV в., конечно, не могла превратиться у него в первой половине XVI ст. в любовь к нему. Наоборот, у населения Московского государства, все больше и больше закрепощавшегося политически, социально-экономически и религиозно, все больше и больше развивалась рабская идеология и психология. Воспоминания о новгородской вольности и бытие могли сохраняться и, наверно, сохранялись еще у новгородцев и вятчан, переведенных в пределы Московского государства, преимущественно на окраины его, в наиболее опасные и гиблые места. Если кто и мог уходить из пределов московских на юг кроме самих донских казаков, то только переселенные в них новгородцы и вятчане, а не коренное московское население.

Свободные пространства на юге, в степной полосе, в западной части Дикого Поля (губернии Екатеринославская, Харьковская и большая часть Воронежской) колонизированы, как известно, не русскими (великоруссами), а украинцами. В Сибири, пройденной казаками до Охотского моря, и завоеванной ими около 300 лет тому назад, к началу нашего столетия было всего $8/_2$ милл. населения, считая в том числе туземцев, переселенных казаков и украинцев, при чем среди сельского населения Сибири из центральной губернии Великоросии переселенцев почти нет. При таких колонизаторских достижениях русских (великоруссов) — о колонизаторских устремлениях, осуществлениях и способностях их не приходится говорить серьезно: эта тенденциозная идея, как и другие — националистический русский психоз, что устанавливает и историческая и современная действительность.

Великорусс, в противоположность казаку и украинцу, и теперь не связан крепко с землей, не любит земледельческого труда, занимается им по необходимости и при возможности бежит от него: великоруссом еще не изжито финское наследие — бродяжничества.

Таким образом, взгляды и даже утверждения русских историков, совершенно не подкрепленные историческими документами, за отсутствием таковых, что Вольное Казачество образовалось из московского (великорусского) населения, находится в полном противоречии, кроме исторической действительности (установления основных элементов нами) и в полном противоречии с качествами и свойствами великорусского народа: их бытом, историческими условиями его существования — из великоруссов казачья народность образоваться не могла.

ГЛАВА XVIII.

Уход новгородцев и вятчан на Волгу и Дон после разгрома их республик.

(Гл. ист. №№ 40, 41, 55, 58, 64, 68, 69).

Новгородцы и вятчане хорошо знали пути по р. Волге до самого низовья его. В своем историческом исследовании, на основании летописных записей, Перетяткович дает такую обрисовку походов новгородских ушкуйников, разумея под новгордцами и вятчан:*) „В XIV в. Нижний Новгород много терпел от разбойников-ушкуйников, которые без „новгородского слова", под начальством своих выборных начальников (в. атаманов) гуляли по Волге, Ветлуге и Вятке. По временам они вступали в сражения с княжескими воеводами, захватывали большие города по Волге: Ярославль, Кострома, Нижний Новгород и Болгар перебывали у них в руках. Захватывали новгородцы и г. Сарай, столицу Золотой Орды. Своих пленников ушкуйники сбывали чаще всего в Казани и Астрахани, откуда возвращались не всегда „по здорову" домой потому что, получив иногда от князя астраханского „многу честь и кормы", упивались, „аки мертвы", и в таком виде с ними легко поканчивали астраханцы".

На вхождение новгородцев в состав Вольного Казачества указывал еще донской историк Сухоруков, а Ознобишин на основании своих исследований независимо от него, устанавливает, что часть новгородцев и вятчан, после разгрома их Иоанном III, спустилась по р. Волге и осела по правому берегу ее. Переселение их на Волгу оказалось возможным потому, что местность, находившаяся далеко за пределами московскими, никем не занятая, была в соседстве с независимым Рязанским княжеством и в соседстве с донскими казаками, жившими по Хопру и Медведице.

К новгородцам и вятчанам, переселившимся непосредственно из пределов своих республик, начали вскоре присоеди-

*) № 41. Перетяткович, стр. 94.

няться многие из тех их соотечественников, которые были переселены в пределы московские, после того, как достаточно испытали сладость новых — московских порядков. Уходили новгородцы на Волгу и на Дон и из пределов рязанских после того, как Иоанн III и сын его Василий III перестали считаться с независимостью этого княжества.

Этот уход на юг „непокорных" не только обратил внимание Иоанна III, но и вызвал со стороны его и применение террора против ухода. В 1502 г. царь Иоанн III писал сестре своей, княгине Рязанской:*)

„А ослушается кто и пойдет самодурью на Дон в молодечество и их бы ты, Аграфена, велела казнити, вдовьим да женским делом не отпиралась, а по уму бабью не учнешь казнити, ино мне их велети казнити и продавати охочих на окуп".

Слово „молодечество", определявшее новое явление для Московского государства — уход в Дикое Поле, с военно-промышленными целями, по своей личной инициативе, за свой страх и риск, несвойственное московскому населению, относилось к новгородцам и вятчанам. Уходить „в молодечество" мог только тот, кто, если и не был свободен, то хранил еще память о ней. Слово молодечество включало понятия — и свободы, и отваги.

Новгородские ушкуйники, как и киевские богатыри в свое время, назывались „добрыми молодцами". Название „молодцы" прочно привилось в Вольном Казачестве: в XVI—XVII ст. в обращениях одного Войска к другому, Войска к городкам, т. е. казаков между собою, оно было совершенно тождественно понятию казак. Уходить в молодечество совершенно тождественно по своему понятию слову — казаковать. Уход „самодурью" в Дикое Поле, т. е. по своей инициативе, с какой бы то ни было целью, уже, само по себе, с московской точки зрения, было делом необычным, „воровским", т. е. противогосударственным.

В следующем году Иоанн III писал еще решительнее княгине Рязанской**): „И заказала бы своим людям — лучшим, середним и черным накрепко, чтобы ныне на Дон не ходили, а ослушается кто и пойдет без твоего ведома, и ты бы тех людей велела ворочати да и велела бы их казнити; а уехал который будет человек на Дон без твоего ведома после заповеди, и у которого, того человека останется на подворье жена и дети, и ты бы тех велела казнити, ино их мне велети казнити и продавати".

Уход просто с промышленными целями, тем более, если бы уходило в Дикое Поле коренное население и уходило временно, а не непокорные новгородцы и вятчане, конечно, не вызвал бы применения террора, даже и со стороны самодержца Иоанна III.

*) № 58. Чтения. 1841 г., т. I.
**) № 59. Зап. Одесск. Общ. 1863 г., т. V; № 68, д. Кр. кн. 2, л. 87.

Понятно, если в Рязанском княжестве он только грозил мерами террора, то в пределах своего государства не стеснялся приводит их и в исполнение.

Е. Ознобишин находил что „казакованье", уход в „молодечество" вызывались — притягательной силой Казачества и новгородцев, осевших на Волге. Опасения общения с последними, опасение заражения духом свободы и протеста уходивших в Дикое Поле и вызвали со стороны Москвы применение террора против ухода.

„Завоевав Новгород, — говорит Е. Ознобишин,*) — Иван Васильевич очень хорошо сознавал, что все оставшиеся в живых новгородцы были врагами его великой идеи, были врагами его единоличной власти, а потому он и расселил покоренных новгородцев по разным окраинным городам России. В числе этих ссыльных и лишенных родины новгородцев были, конечно, и бояре новгородские, были и священники, были и думцы веча новгородского. Те же новгпродцы, которые избегнули смерти, должны были бежать в Литву, Рязань или Вятку, еще не побежденную Иоанном. В 1489 г. Иоанн покорил и Вятку и употребил тот же прием, т. е. жителей разослал по украинным городам, населив на места их москвичей; часть жителей и здесь не хотела вкусить сладости крепостной ссылки, а потому и бежала вверх и вниз по Каме и Волге, предпочитая лучше постоянно драться с инородцами, но быть на свободе.

Известно, что Вятка, разоренная Иоанном III, была основана дружиной вольных новгородцев в конце XII в., в то время, когда Камская Болгария вела обширнейшую торговлю с Востоком и Русью. Разгром Вятки бесспорно побудил к бегству не только одних холостяков, но и людей семейных, не желавших давать своих жен и дочерей на поругание. Я уже высказал предположение, — говорит Е. Ознобишин, — что часть жителей бежала вверх по Каме и основала нынешний город Елабугу в среде покоренных ими вотяков. А по Волге вятчане могли поселиться только в таком месте, где они могли иметь средства для своего существования, т. е. торговые караваны, запасы хлеба и огнестрельные припасы".

Далее, исследовав исторически территорию Приволжья, Е. Ознобишин устанавливает, что единственно возможным местом для оседания новгородцев и вятчан был правый берег р. Волги — от нынешнего Саратова до р. Камышинки, изрезанный оврагами и поросший лесами, непригодный для кочевьев татар, поэтому и незанятый ими. Высокое плато у Камышинки находится всего в нескольких верстах от верховья р. Иловли, притока р. Дона, в то время судоходного и еще ближе к р. Волге.

„Торговые караваны давали случай этой вольнице приобрести зипуны, а пограничные городки, враждебные Москве и ее

*) № 64. Е. Ознобишин Д. О. В., 1874 г. № 94.

государям, рязанцев, служили местом сбыта добычи, в обмен на которую волжские новгородцы могли получать хлеб и порох (до разгрома Вятки, получаемый из Новгорода). До слуха Иоанна, конечно, дошло, что удалая вольница вечевая, потеряв Вятку, избрала себе другой пункт поселения — на Дону, на окраине враждебного к нему княжества Рязанского. Иоанн знал слишком хорошо предприимчивый характер новгородцев; знал, что Вятку, основанную дружиной удальцов, нужно было подчинять Москве почти 200 лет, а потому то и не оставил без внимания эту горсть людей, он назвал „молодечеством" без определения мест ее прямой оседлости, каковой она еще не имела. Что Иоанн III не ошибался, придавая по своим политическим соображениям значение новому элементу, притягивавшему к себе нелюбивших Москву рязанцев, вполне подтверждается последующей историей донских казаков, когда они спустились с Донских рек — Хопра и Иловли в низовье Дона, уже после присоединения (1517 г.) Рязанской области к ненавистной Москве".

Новгородцы и вятчане осели по р. Волге от Жегулей до р. Камышинки, в непосредственном соседстве с сохранявшимися городками и поселениями донских казаков по р.р. Хопру и Медведице, в соседстве с независимыми еще — Рязанским княжеством и мордвой.

В низовьи Дона новгородцы и вятчане до второй четверти XVI ст. осесть не могли: этого не допускала историческая обстановка. Как выяснено было выше, даже азовские казаки, потеряв опору в г. Азове, вынуждены были уйти с низовья Дона сначала за Днепр, а позже на юго-восточную окраину Московского государства. Передвинулась часть новгородцев и вятчан в низовье Дона уже около середины XVI ст.

Главной причиной ухода их на Дон и на Волгу из пределов московских и рязанских к осевшим там их соотечественникам было то, что туда — на Дон, уже началось сильное движение донских казаков из тех же московских и рязанских пределов. Через них и установилась связь новгородцев, переселенных в московские и бежавших в рязанские пределы, с осевшими на Дону и Волге.

Вхождение новгородцев и вятчан в Вольное Казачество, обнаруживающееся всей историей Вольного Казачества, сказывается и до настоящего времени.

ГЛАВА XIX.

Возникновение Вольного Казачества.

(Гл. ист. №. 1-8, 40-45, 67-71).

Донские казаки не только те, которые жили по соседству с Московским и Рязанским княжествами, но и жившие в пре-

делах их, конечно, не могли ассимилироваться с коренным великорусским населением. Этому препятствовало их происхождение и жизнь сотни лет перед этим в особых исторических и географических условиях. Донские казаки представляли особую от великоруссов народность: с особой идеологией, психологией, бытом, особой (ратной) деятельностью. Смешению с великорусским населением донских казаков препятствовала и разница с ними в социально-экономическом положении и состоянии. Донские казаки служили „по доброй воле" Московскому царю, Рязанскому князю, только им они и подчинялись: они были „государевыми казаками". Для московского же коренного населения, уже в начале XVI столетия государем был — помещик крестьянина, или игумен монастыря, а государством — поместье, вотчина, монастырь и т. д. Ратная деятельность давала возможность сохранения основ вольности и равенства, основ, великоруссам вовсе несвойственных.

Изложенное выше, представляя предпосылку для уяснения последующих исторических событий, является выводом из всего предшествующего изложения и, более того, из всей исторической жизни Сев.-Вост. Руси, на которой мы могли остановиться лишь вкратце.

Если донские казаки представляли из себя особую от великорусской народность, жили особой исторической жизнью, то мы вправе предполагать, что у этой народности, в культурном отношении стоявшей, безусловно, выше московского коренного населения, было, хотя бы, инстинктивное взаимное тяготение разбросанных частей друг к другу, стремление к воссоединению в одно целое.

Развитие Московского самодержавия не только царского, но кабалы во всех видах и формах, после разгрома Новгорода и Вятки, приняло особо широкие и глубокие размеры. Московское самодержавие не могло не обрушиться и на донских казаков, живших в пределах Северо-Восточной Руси и служивших там. Московская власть уже в конце XV ст. начала превращать донских казаков, в военно-служилое сословие, переводить с места на место и расселять по своему усмотрению (в более гиблые и опасные места), прикреплять к городам, подчинять назначенным воеводам и головам. Все это не могло не вызвать у донских казаков недовольства создавшимся положением.

Вооруженная борьба и просто сопротивление были невозможными, т. к. донские казаки были разбросаны по всем окраинам московским. А это последнее могло вызвать только пробуждение и развитие сознания гибельности разбросанности казаков. Если противодействие и борьба были невозможны; то был возможен уход, подальше за пределы московские, на старые, дедовские места. Эта сила отталкивания от всего московского и была одним из факторов возникновения Вольного Казачества. Но он был не единственным.

Донские казаки передвинулись из пределов бывшей Казакии на север всего 100 лет назад. И если не было в живых живших в пределах ее, то было много живых из тех, которые слышали рассказы о Подоньи (Казакии) от живших еще там. Воспоминания, предания, традиции были еще сильны. Если раньше донские казаки были под владычеством монгольским, то теперь были под владычеством московским. И чем тяжелее было настоящее, тем прекраснее представлялась жизнь отцов и дедов там, в Подоньи, в пределах Казакии. Предания, сохранившиеся у донских казаков, тянули их на юг, в пределы Казакии, к могилам предков. Сила, отталкивающая от Москвы, благодаря силе притяжения Казакии, привела к невозможности оставаться в пределах московских.

Ни в Диком Поле, ни в северной части Казакии — Подоньи в конце XV в. уже не было татарских кочевий, хотя там еще бродили постоянно сильные партии татар, турок, черкесов. Дикое Поле и Подонье было еще полно опасностей — они грозили отовсюду и во всякое время.

Естественные богатства — звериный (пушной зверь) и рыбный лов, „добыча" давали возможность жить в Диком Поле и за ним, пределах Казакии, тем, для кого земледельческий труд не являлся источником существования: земледельцу в эту эпоху в степной полосе делать было нечего.

Таким образом, притягательная сила степной полосы для донских казаков была другим фактором возникновения Вольного Казачества.

Важное значение должны были иметь свойства и качества того элемента, из которого возникло Вольное Казачество, т. е. главной народности, из которой оно образовалось — донских казаков.

Соответственные психология, идеология, воинственный характер, знание ратного дела, организованность, прочное устройство и быт являлись необходимыми для возникновения Вольного Казачества. Только при наличии указанного могла создаться не только жажда к вольной, свободной жизни, но и возможность осуществления ее. Воля к свободной жизни и наличие соответственных качеств у донских казаков, таким образом, явились решающими факторами при возникновении Вольного Казачества.

Если главной причиной ухода новгородцев и вятчан на юг — на Волгу и Дон, была сила отталкивания от Московского государства, вытекавшая из необходимости спасать свою жизнь от московской плахи, то уход донских казаков был вызван и силой отталкивания и силой притяжения к территории предков — к Казакии.

Жажда вольной, государственно независимой жизни, и воля к тому у донских казаков и новгородцев, тождественность их природы и была тем, что должно было соединить и соединило их в одно целое, в одну казачью народность — донских казаков.

ГЛАВА XX.

Образование в Казакии республик Вольного Казачества (Донского, Яицкого, Волжского и Терско - Гребенского Войск).

(Гл. ист. №. 1-8, 26-28, 36, 39-7,).

В конце XV ст. Большая (бывш. Золотая) Орда окончательно распалась: наиболее многочисленная и сильная составная ее часть — Киргиз-Казацкая Орда, откочевала за р. Яик. В 1503 г. была разрушена крымскими татарами и сама столица Золотой Орды — г. Сарай. Преемницей Золотой Орды стало Астраханское ханство, состоявшее из ногайцев, в XVI ст. разделившихся на Большой и Малый Ногай.

В начале XVI ст. южная граница Московского государства, включавшего и вел. кн. Рязанское, проходила через порубежные города: Пронск - Ряжск - Козлов - Ефремов - Елец - Ливны - Новосильск-Рыльск-Путивль, т. е. почти по прямой линии — от устья р. Оки к устью р. Десны. К югу от этой линии никакого оседлого населения не было, не было его и по левую сторону р. Днепра, к юго-востоку от р. Ворсклы. Лишь близ р. Волги — по р. Хопру и р. Медведице с их притоками, сохранялись города и поселения донских казаков, а по правому берегу р. Волги, к югу от Жегулей, имелись станы новгородцев и вятчан.

За пределами Дикого Поля, в устьи Дона, существовал г. Азов, ставший турецкой крепостью, опорой могущества Турции на Азовском побережьи (1471 г.).

В устьи Волги была расположена Астрахань, столица ногайцев. Последние кочевали между р. Волгой и р. Доном, распространяя свои кочевья на север за Переволоку, иногда даже до низовьев р. Бузулука и Хопра.

Самым сильным государством на юге Вост. Евр. с начала XVI в. было Крымское ханство, занимавшее Крымский полуостров и приморскую часть степной полосы — к востоку и западу от Перекопского перешейка. (С 1475 г. татары заняли все генуэзские города Крыма и слились с остатками генуэзцев, которые были вскоре совершенно поглощены, ассимилированы крымскими татарами). Крымское ханство было наиболее многочисленным, организованным и воинственным; будучи вассалом Турции, оно имело от нее во всех видах постоянную поддержку. Крым-

ские татары являлись оплотом могущества последней в южной части Востока Европы.

Донские казаки стали посещать Дикое Поле еще в конце XVI ст., проникая и за Поле, „по ратному делу", т. е. для выставления караулов и сторожей, для добывания „вестей". Отправлялись станицы и „для добычи", т. е. увода пленных, которые потом продавались в городах Московского государства, или Рязанского княжества. Посещали казаки Дикое Поле и для промыслов: — рыбного и звериного; степная полоса в то время изобиловала пушным зверем: куницей, соболем, выдрой; водились в изобилии олени, козы, дикие свиньи, зубры, лоси и даже дикие лошади.

Уход с промышленными целями вызывал необходимость оседания в Диком Поле, иногда с зимовкой. Естественно, что уходить в Поле могли только организованные партии, знавшие хорошо ратное дело. Вооруженные столкновения, борьба в Диком Поле за обладание им было постоянным явлением. В одной из крымских грамот в 1505 г. писалось: „от казаков страх в Поле".*) Этими словами устанавливается, что борьба за Дикое Поле в это уже время закончилась в пользу донских казаков: им принадлежало господство в нем.

Установить точно год оседания их в Диком Поле и по реке Дону не представляется возможным: это был целый период времени. Казаки оседали и потом возвращались обратно на московские и рязанские окраины: еще не определилось мест, благоприятных для постоянного поселения и недостаточно еще сильны были партии уходивших.

Время, с какого оседание стало прочным и постоянным, наступило, надо полагать, после присоединения Рязанского княжества к Московскому царству (1517 г.). С этого времени донские казаки, служившие добровольно этому княжеству, оказались во власти Московского государства. Русский историк Татищев (XVIII ст.) относил образование Донского Войска к 1520 г. Он располагал, как известно, историческими документами, утраченными после него.

Образование Донского Войска, независимой казачьей республики, потребовало продолжительного времени, и происходило в промежутке между 1520 и 1546 г.г. В это время возникли в степной полосе поселения донских казаков — „зимовища и юрты", но не существовало еще городов, т. е. укрепленных крепостей.

В этот период времени (1520—1546 г.) образовалось территориально 2 ядра Вольного Казачества, независимо одно от другого. Одно из них образовалось в низовьи Дона и по Сев. Донцу. Вольное Казачество во второй четверти XVI ст. было

*) № 46. Пудававов, стр. 120.

здесь уже настолько сильно, что Турция, Крым и Ногай вынуждены были жаловаться Московскому царю на казаков, пришедших с окраин его государства. На одну из этих грамот в 1538 г. Боярская Дума, правившая Московским государством в малолетство Иоанна IV, дипломатично отвечала:*) „На Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки; и наших окраин казаки смешавшись ходят и те люди как вам, так и нам тати и разбойники".

Московское правительство ратных людей всех государств обобщает под название казаков, признавая уход казаков и с своих окраин. Вместе с тем, оно от них отказывается. Вольность, независимость казаков ощущалась не только ими самими, но и теми, кто на зависимость их от себя мог претендовать т. е. Московским государством.

В 1546 г. путивльский воевода Троекуров доносил**) московскому царю о массовом уходе казаков с юго-западной окраины Московского государства: „и черкасцев, и киян, и твоих государевых — вышли на Поле из всех украин", писал он. Троекуров доносил не о временном уходе казаков, а об уходе их совсем, с оседанием в Поле; о временном, как обычном явлении, он бы, конечно, не сообщил.

Донося об уходе казаков, он дает подразделение: — „черкасцев и киян", т. е. говорит о поднепровских казаках, которые после 1500-5 г. по присоединении к Московскому государству Северской области, как коренное население, оказались в его пределах: говорит и о казаках „государевых", т. е. поступивших на службу к царю Московскому — казаках азовских и белгородских; эти казаки и получили по территории обобщающее название севрюков (северяков).

В 1549 г. Ногайский князь Юсуф шлет одну грамоту за другой с жалобами на казаков Московскому царю Иоанну. В первой он писал:***) „В нынешнем году наши люди в Москву шли для торгу, а осенью, когда они шли назад, ваши казаки-севрюки, которые на Дону стоят, пришли на них и куны взяли".

Во второй грамоте Юсуф, жалуясь на казаков, писал:†) „Холопи твои, Сары Азман словет, на Дону в 3-х и 4-х местах городки поделали и наших людей стерегут и грабят, иных до смерти бьют".

На первую жалобу Иоанн IV отвечал:††) „Те разбойники, что гостей ваших забирают, живут на Дону без нашего ведома, от нас бегают. Мы не один раз посылали, чтобы их переловить, да наши люди их добыть не могут: вы бы сами ве-

*) № 69. Д. Ног. кн. 2, стр. 230.
**) № 68. Д. Кр. кн. 9; дон. Тр. 18 февр. 1546 г.
***) № 69. Д. Ног. кн. 3.
†) Там же кн. 3, л. 113.
††) Там же кн. 3, л. 118-119.

лели их переловить и к нам переслати, а мы бы приказали их казнити. Гостей ваших в своей земле мы бережем, а дорогой вы бы берегли сами. Тебе известно, что на Поле всегда лихих людей много разных государств, и тех людей кому можно знать; нам гостей ваших на Поле беречь нельзя, а бережем и жалуем их в своем государстве".

На вторую грамоту Иоанн IV ответил: „Те холопи наши: Сары Азман и в нашей земле лихо многое сделали и убежали в Поле". „Лихо" заключалось в том, что московская окраина лишилась войска, которое заменить было не легко.

Эти грамоты устанавливают прочное оседание казаков, постройку городов ими в низовьи Дона. Но не этим определялась независимость существования Донского Низового Войска. А тем ощущением, сознанием вольности и независимости, которое являлось у донских казаков, (она видна из их деятельности), и отказом от них московского царя, отказом от претензий на них и на лежавшую за московскими пределами территорию.

Донское Низовое Войско заняло юго-западную часть Казакии, бывшую в непосредственной близости с Азовом, осело в наиболее опасном месте; а для этого они должны были быть достаточно сильными.

Со времени вытеснения из Азова азовских казаков не прошло еще и 50 лет, воспоминания не только о жизни, но и господстве в городе, который наряду с именем Азов, носил и имя — Казак, Азак, еще было свежо.

Овладение Азовом стало главной идеей, всем смыслом бытия Донского Низового Войска. Эта идея никогда не угасала, и сознание того, что Азов был христианским городом казаков рельефно выявлено было на Войсковом Круге в 1637 г., поставившим определенную цель овладения им: „Да утвердится в нем попрежнему вера христианская".*)

Первым предводителем донских низовых казаков, первым атаманом Донского Низового Войска — был Сары-Азман. Прозвище, несомненно, тюркское; он был, вероятно, из азовских казаков, у которых как и у белгородских (генуэзцких) казаков, тюркские прозвища были обычными. В конце XVI ст. Донское Низовое Войско было уже тесно связано с другим ядром Вольного Казачества — Донским Верховым Войском.

Другое ядро Вольного Казачества — Донское Верховое Войско и Волжское, составлявшее часть первого, образовалось севернее переволоки, между р. Волгой и р. Доном, по последнему и по его левым притокам. Здесь оседание происходило в непосредственной близости от городов и поселений донских казаков, сохранившихся по р.р. Хопру и Медведице.

*) № 57. Русская Ист. Библ. „Донские дела", кн. I, 1898 г. Отписка войска 1637 г.

Насколько Вольное Казачество было здесь сильным уже во второй четверти XVI ст. видно из донесения московского посла Головастова, посланного в Ногай. Сообщая „вести" в Москву, он писал, что часть ногайцев, теснимая казаками, хотела уйти за Волгу, но Астраханский царь их не пустил. Речь шла, безусловно, о вольных казаках, а не о киргизах-казаках, кочевавших уже давно за р. Уралом. В это время, как раз, происходило вытеснение вольными казаками ногайцев, кочевавших между р. у. Доном и Волгой, у переволоки.

В 1538 г. ногайский мурза Келе-Мегмет жаловался Боярской Думе на притеснения, чинимые городецкими и мещерскими казаками*). Городецкие казаки, сидевшие на юго-восточной московской окраине, были донскими казаками, получив местное областное название. Мещерскими казаками назывались по территориальному признаку и донские казаки, осевшие там в начале XV в., и часть киргиз — казаков, осевших там лишь во второй половине XV в.

Московский посол Савостьянов, плывший караваном из Казани в Астрахань, в 1550 г. писал в Москву, что на караван этот близ устья р. Иргиза напали казаки, под предводительством кн. Василия Мещерского и казачьего атамана Личуги Путивлева и, перебив людей, овладели всем караваном. Фамилия Путивлев указывает, откуда он был родом: он был азовский казак, или поднепровский черкас. Упоминание титула атаман указывает на тесное общение с новгородцами и вятчанами, т. к. это название позаимствовано, наверно, от последних.

Едва ли мы ошибемся, если скажем, что с Московской окраины западнее верховья Дона сдвиг донских казаков шел в низовье Дона, а восточнее его — в промежуток между средней частью Дона и Волги, но дальше происходило смешение. По р. Дону шло легкое сообщение и тесное общение между Донским Низовым и Донским Верховым (с Волжским) Войсками.

Все Вольное Казачество представляло из себя во всем единое целое, как один народный и государственный организм, так оно понималось врагами. Насколько Вольное Казачество было организованным и активным и, несомненно, достаточно многочисленным, уже в середине XV в., видно из письма турецкого султана Сулеймана Ногайскому мурзе Измаилу от 1551**) г., обрисовавшего их деятельность:

„В наших магометанских книгах пишется, что пришли времена русского царя Ивана, рука его над правоверными высока. Уже и мне от него обида великая. Поле и все реки у меня отнял, даже город Азов доспел, до пустоты поотымал все волю в Азове. Казаки его оброк с Азова берут и не дают ему пить

*) № 69. д. Ногайские — кн. 2.
**) № 69. Дала Нопайсие кн. 2.

воды из Дона. Крымскому же хану казаки Ивановы делают обиду великую и какую срамоту нанесли: пришли Перекоп воевали; и у вас оба берега отняли и ваши улусы воюют. Ведь это все наше вера магометанская. Станем же от Ивана обороняться за один. Вы ведаете, что в Крыму посажен мой хан, как ему велю, так и сделает. По просьбе Астрахани то же пошлю царя да и казанцы ко мне присылали же просить царя, и я его им непременно пришлю. Ты бы, Измаил Мурза, большую мне дружбу показал бы, помог бы Казани людьми своими и пособил бы городу Азову от царя Ивана казаков. Станешь пособлять, и я тебя в Азове царем поставлю, мне же городу помочь неудобно: находится далече".

Султан называл донских казаков „Ивановыми", потому что они пришли с его окраин; но донские казаки являлись всего лишь союзниками Московского царства, как стало союзником в ближайшее время и Запорожское Войско, в гетманство князей Дмитрия и Михаила Вишневецких.

Из этого документа видно, насколько активна была борьба казаков на пространстве — от Перекопа до Волги направлявшаяся, главным образом, против Азова и насколько широка была по достижениям. Силы Вольного Казачества были настолько велики и положение их на занятой территории, в Казакии, настолько прочным, что 6 тыс. отряд их, в качестве союзного Московскому государству, участвует в 1552 г. в покорении Казани*). В 1554 г. донские казаки вместе с запорожскими, являвшимися одновременно с ними союзниками Иоанна IV, играют решающую роль во взятии Астрахани.

Уже эта одна военная деятельность, широкая и глубокая по достижениям, наилучшим образом выясняет источник происхождения Вольного Казачества. Вольное Казачество образовалось — из донских казаков и поднепровских черкасов, (главным образом из запорожских казаков) — элементов по своим качествам, свойствам, психологии, идеологии и быту совершенно тождественных.

Новгородцы и вятчане идеологически и психологически в искании и в осуществлении вольности и равенства были также близко родственным элементом с донскими и запорожскими казаками. На долю их как наиболее культурной части, выпала не военная, а руководящая государственно-политическая и культурная роль, что будет обрисовано дальше.

***

Образование республик „Вольного Казачества"; Донских и Волжского Войск, занятие им территории Казакии, имело исключительное историческое значение для Востока Европы. Занятие р. Дона и Волги и образование республик разобщило тер-

*) №. 49. Курбский, стр. 160.

риториально три родственных татарских царства: Казанское, Астраханское и Крымское, сделав невозможным соединение их в одно целое, сделав невозможным влияние, а тем более, подчинение двух последних Турции.

Вольное Казачество своей деятельностью положило предел распространению владычества турок в Приазовьи и особенно на север от него. Турция, находившаяся в периоде расцвета своего военного могущества, помириться с этим не могла и обратилась к силе оружия, с целью „сбить казаков с Дона" и установить свое владычество над Астраханским и Казанским царствами, а для обеспечения своего сообщения с ними решила соединить каналом Волгу с Доном.

Задача Турции облегчалась тем, что союзник Вольного Казачества, Иоанн IV, перенес свои завоевательные устремления на Запад, где Московское царство безнадежно увязло в войнах с Ливонией, Польшей и Швецией, предоставив юг Востока Европы собственным силам своего союзника, Вольного Казачества. В 1569 г.*) Турция от Азова, как сборного и исходного пункта, двинула р. Доном к Волго-Донской переволоке до 300 различных судов и сухопутьем до 80 тыс. войска. Одна часть донских казаков участвовала в качестве союзников в войне Иоанна IV на Западе, другая располагалась на р. Миусе, служа заслоном против крымцев. Естественно, что казаки были слабы оказать какое-либо сопротивление, и низовье Дона было очищено ими без борьбы. Казаки покинули свои городки и последние были уничтожены, или разорены турками. Поход громадного количества турецких войск, плохо организованных, вследствие недостатка в продовольствии, открывшейся эпидемии, беспрестанных нападений казаков, — одним словом, предприятие турок закончилось для них катастрофой. Только остатки разбитого войска нашли спасение за стенами крепости Азова.

Принужденные очистить Дон, Низовые донские казаки осели временно на р. Донце. В 1770 г. грамота Московского царя Иоанна IV, адресована**)„ на Донец Северский, атаманам казацким и казакам". В наказе Иоанна IV московскому послу Ивану Новосильцеву, ехавшему в Турцию в том же 1570 г. говорится: „А проводить его (посла) из Рыльска велели к Азову Мише Черкашенину. А как он, даст Бог, Иван, близко будет в ближних зимовищах атаманских".

Очевидно, что казаки тотчас же после ухода турок передвинулись в низовье Дона, но не успели еще построить городов. Передвинулись они на свои старые места, как только представилась к этому возможность, на Донце осталось после ухода только три города (Гундор, Митякин и Лугань), но и они в кон-

*) №№ 46, 47, 52. Азов.
**) № 53, 54.

це XVI в. были оставлены казаками, и возродились уже в половине XVII в.

Последствием похода турок 1569 г. было смешение казаков при новом оседании. Р. Дон — между низовьем и переволокой, как полагает Пудавов, была занята Сары-Азмановыми казаками, т. е. азовскими и, вероятно, запорожскими, а также уже осевшими новгородцами и вятчанами. Но это занятие произошло уже после 1570 г.; вследствие того, что прежние места оседания по левую сторону р. Аксая были заброшены и после передвижения казаков с р. Донца не были возобновлены. Возникшие „зимовища" и „юрты" между Низовым и Верховым Донскими Войсками, связали территориально оба Войска в одно целое.

Эти „зимовища" и „юрты", расположенные, как и городки, в долине р. Дона, между главным его руслом и притоками, тубами, ериками, к концу XVI ст. стали превращаться в городки, т. е. небольшие крепости.

В промежутке между 1570—1572 г. произошло усиление Донского Низового Войска: с Запорожья ушло около 2—3 тысяч запорожских казаков, осевших между уже существовавшими городками: Раздорами Донецкими (Верхними) в устьи Донца и Раздорами Нижними близ р. Аксая, они основали на „Казачьем острове" новые городки.

***

В документе, свидетельствующем о постройке казаками городов при Сары-Азмане „в 3 и 4 местах", постройку нужно понимать группами — в одном месте 3-х в другом 4-х городков. Старинные иностранные карты и другие исторические данные дают возможность сделать вывод, что этими казачьими городками до 1569 г., похода турок, были: Атаманский городок, близ устья р. Аксая; г. Красный Яр, верстах в 10—15 выше по р. Аксаю,*) и Раздоры Нижние в 15 в. от Атаманского вверх по Дону, считая от устья р. Аксая. Последнее название ведет к заключению, что в то время уже существовали на Дону и Раздоры Верхние (Донецкие) в устьи западного рукава Северского Донца.

Первые 2 городка после разорения турками в 1569 г. не были восстановлены казаками, но память о них сохранялась еще в конце XVI и в первой половине XVII в. Место передачи послов от Донского Войска, происходившей близ устья р. Аксая, упоминается в документах XVII в. под названием „Атаманского городка", которого после 1569 г. в действительности уже не существовало. Высокий берег долины р. Аксая, от устья балки Мокрый Лог до г. Новочеркасска, до последнего времени сохранял название Красного Яра. На иностранных картах первой по-

*) Г. Красный Яр был возможно вблизи устья Мишкиной балки, которая получила название по имени атамана Михайлы Черкашенина.

ловины XVII в. обозначены на указанных нами местах и Атаманский городок и Красный Яр. Сведения на картах показаны устаревшие, полученные, турками, вероятно, во время похода их 1569 г.

Другая группа казачьих городков была на Донецком острове, образуемом р. Доном и 2-мя устьями Донца. Здесь были городки: Раздоры Донецкие (Верхние), Семикаракор, Кочеты и Бабей, а выше острова был расположен еще г. Ведерник. Все эти городки были восстановлены казаками после 1670 г. Был восстановлен и городок Раздоры Нижние, расположенный на „Казачьем острове", образуемом р. Доном и рукавом его Аксая, благодаря оседанию здесь запорожцев построены и новые.

На вхождение новгородцев и вятчан в число казаков в городках на Раздорском острове указывает самое название — Раздоры, перенесенное, вероятно, с р. Волги, где существовало, близ Камышинки, как видно из исторических документов, название — „Раздорское урочище". Станица Раздоры на Медведице являлась, как известно, одним из древнейших городков Донского Войска. Название Кочеты, вероятно, также новгородского происхождения. Кочет, кочеток, как видно из былины об Ермаке — название опоры, уключины для весла; это название сохранилось у казаков и до настоящего времени. Коча по древне-новгородски — лодка; кочетня — рыбная ловля с лодки. Курганы близ Кочетовской станицы носят названия вообще необычные на территории Дона — Бояринов, Воеводин. Сохранилась память и о месте, откуда пришли первые поселенцы городка: протока между Доном и Донцом и по ныне носит название — Жегуля, тождественное названию нагорного берега Волги близ Самарской луки. Название Ведерники тоже, можно полагать, дано новгородцами. Новгородский элемент и до настоящего времени сказывается во внешности казаков Раздорской и выше от нее станиц. Здесь, в противоположность вообще обычного типа низовых донских казаков, казаки — русые, даже с рыжеватостью, высокого роста, сухие, длинноногие. Обряды и бытовые черты у них до последнего времени были отличными от таковых казаков станиц, ниже и значительно выше от Раздорской расположенных.

После турецкого нашествия в 1569 г. донские казаки восстановили, как мы говорили, только один город в первой группе, на Казачьем острове — Раздоры Нижние. Большая часть казаков из городков — Атаманского (Ебока) и Красного (Черленого) Яра, как полагал Пудавов, осела выше г. Ведерника до Цымлянского.

Переселившиеся на Дон запорожские казаки смешались с донскими; как говорит Киевская летопись, ниже Донецкого городка, т. е. Донецких Раздор, они основали на Казачьем острове городки — Старочеркасск и Маныч и усилили Раздоры Нижние. Поз-

же возникли на этом острове и другие сначала юрты, а позже и городки.

Раздоры Нижние постепенно утеряли свое название, заменившись названием — Нижний и Монастырский; последнее название и закрепилось за ним окончательно. Оно было перенесено с Украины: между Запорожской Сечью и г. Черкассами имеется остров, исстари носивший название Монастырского. Переселившиеся на Дон запорожцы, были молодежь и холостяки, на что находим указания в Киевской летописи. Обзавелись они семьями, уже на Дону, женившись на пленницах.

Верхние (Донецкие) Раздоры вместе с соседними городками, т. е. все городки одного острова, тесно связанные между собой, составили государственно-политический центр — „Главное Войско" (столицу) для всего Вольного Казачества, как в свое время таким центром являлся для всего севера В. Новгород. В XVII ст. „Главное Войско" перешло в г. Черкасский, его составляли городки также всего Казачьего Острова.

***

После окончательного занятия низовья Дона, донскими казаками т. е. после 1570 г., в вооруженной борьбе против Турции и Крыма они переходят к действиям на Азовском и Черном морях. Во время одного из таких их поисков в Крыму, татарами был взят в плен сын атамана Михайлы Черкашенина и казнен. В отместку за это казаки напали в 1572 г.,*) на Азов и захватили его. Встревоженный этой вестью, Турецкий султан писал Крымскому хану: „Зачем ты казнил Данилку, сына Мишки Черкашенина, теперь у меня казаки Азов взяли, лучших людей из Азова побрали: 20 человек да шурина моего Усейна, кроме черных людей".

Крымский хан послал на донских казаков жалобу Московскому царю Иоанну IV и получил ответ:**) „Казаки на Дону живут не по моей воле, бывают в войне и мире без моего ведома: они беглецы с моего государства, и собравшись для разбоя, неоднократно грабили и мою казну на Дону и на Волге, за что многие казнены были. Моих же людей я не посылаю к Азову, но, узнав о нынешнем набеге на оный, приказал по всем украинным городам корму всякого приехавшим (для покупки) казакам, бывшим под Азовом, не давать, коль скоро они явятся туда".

Боевая деятельность донских казаков на Азовском и Черном море с 1572 г. становится почти непрерывной во все время независимого существования Вольного Казачества. Идея овладения г. Азовым, древним, исконным городом Казакии, стала основной идеей бытия Вольного Казачества.

---

*) № 68. Д. Крымские кн. 14, л. 236.
**) № 68. Д. Крымские, кн. 15, л. 419.

Обеспокоенный деятельностью донских и запорожских казаков, терпя жестокие удары от них, Крымский хан просил Иоанна IV в 1578 г. „свести" одних с Дона, а других с Днепра. Иоанн IV отвечал, что ни днепровские (запорожские), ни донские казаки от него не зависят: первые служат Польско-Литовскому королю Стефану Баторию, а вторые — беглецы с Литвы и Руси, и что он их за своих подданных не считает.

Из этих документов и приведенных раньше видно, что Иоанн IV на территорию Казакии не претендовал и образовавшееся на ней — Вольное Казачество считал от себя независимым. Поэтому предположения, приводимые некоторыми историками, что Дон донским казакам будто бы был пожалован Иоанном IV за помощь при взятии Казани, или за завоевание Сибири Ермаком Тимофеевичем, является противоречущими исторической действительности.

Ниже мы приводим документ (1632 г.), из которого видно сознание всем Вольным Казачеством своей независимости и исключительно союзнических (добровольных) отношений с Московским царем — не больше. Отписка Донского Войска, приводимая нами была послана Московскому государю после 2-х летнего разрыва дипломатических сношений и московской экономической блокады против Дона.

После возобновления дипломатических сношений Московское государство пыталось привести к присяге донских казаков, чтобы таким способом установить зависимость их от себя; начало оно с того, что заставило присягнуть, прибывшую в Москву станицу казаков, и состоявшую из молодежи, Войско Донское писало:*)

... „И крестного, государи, целования на Дону, как и зачался Дон казачьими головами, не повелось. При бывших государях старые атаманы и казаки им, государям, неизменно служили — не за крестным целованием. В которое время царь Иван стоял под Казанью и по его государеву указу атаманы и казаки выходили с Дону, и с Волги, и с Яика, и с Терека, и атаман Сусар Федоров и многие атаманы и казаки ему, государю, под Казанью служили — не за крестным целованьем. После того при царе Иване (атаман) Михайла Черкашенин и многие атаманы и казаки служили — не за крестным целованьем. Ермак Тимофеевич Сибирь взял и прислал к Москве государю с языки, и царь Иван и тех атаманов и казаков, которые в Москву присланы были, не велел к кресту приводити, а Ермаку и вперед указал быти на своей государевой службе атаманам и казакам — не за крестным целованьем. При царе Иване ходили атаманы — Григорий Картовой, Иван Лукьянов

*) № 63. Сб. Донск. Ст. Ком. 1913 г., кн. XII-XIII. Арх. Мин. Юст. Разр. пр. Белг. ст. 39. Отп. Донск. Войска 26. 5. 1632 г.

и многие атаманы и казаки государеву службу служили, в осаде в Орешке*) — не за крестным целованьем. Блаженные памяти при царе Федоре ходил царь под Ругодяв**) и под Ивангород, выходили и атаманы и казаки с Дону, с Волги и с Яика и с Терека, со многих запольных рек: атаман Посник Лунев и многие атаманы и казаки царю Федору Ивановичу служили — не за крестным целованьем. На другой год ходил под Выборг царь Федор Иванович и призывал атаманов и казаков с Дону, и служили — не за крестным целованьем. А после того государь Борис Федорович стоял на береговой (службе) в Серпухове***) и атаманы и казаки в ту пору ему береговую службу служили — не за крестным целованьем. Да не токмо, государь, донских и волоцких (волжских) и яицких и терских выхаживали при бывших царях на украинские городы: на Белгород, на Оскол, на Валуйку, донецких казаков†) и тех бывшие государи ко кресту приводить нигде не указывали. А с нами того крестного целованья не обновитца, чего искони веков не было".

Отписка Донского Войска находится в полном соответствии с исторической действительностью, устанавливаемой другими историческими документами. Поэтому указание на участие яицких и терских казаков во взятии Казани, едва ли является в ней погрешностью.

Мы полагаем, что Яицкое войско существовало уже около 1552 г., но казаки тогда осели только в средней части Яика, куда путь шел по р. Иргизу и р. Самаре. Что же касается Терского войска, то образование его несомненно, нужно отнести к более позднему (1581-82 г.) времени. В покорении Казани участвовали не терские, а гребенские казаки, в отписке 1632 г. они названы терскими потому, что в то время это название стало обобщающим и для гребенских казаков.

В былине об Ермаке в событии, относящемся к 1577 г., (сборы в поход в Сибирь) упоминаются и гребенские и яицкие казаки.

***

В 1570 г. Донское Низовое Войско, как мы говорили, получило увеличение своих сил после приселения запорожцев. Вскоре произошло усиление и Донского Верхового и Волжского войска. В это время начался сдвиг казаков из казачьих городков, расположенных близко к Московской окраине, с Дона и Хопра, и произошел новый приток новгородцев после нового разгрома Новгорода Иоанном IV (1671 г.).

*) Орешек со времени Петра — Шлисельбург.
**) Гор. Нарва.
***) В 1598 г. при сборе московских войск в г. Серпухове против Крымского хана — Казы-Гирея.
†) Т. е. ушедшие с Донца и ставших городовыми в Валуйках, Осколе, Белгороде и Воронеже.

Это усиление и то, что выход в Каспийское море оказался запертым г. Астраханью, ставшим владением Московского государства, искание лучших средств для существования, чем давала Волга, вызвали образование новых казачьих (республик) Войск — Сибирского, Яицкого и Терского, за пределами влияния и воздействия г. Астрахани.

В 1677 г. с Дона ушла на север дружина вольных казаков с атаманом Ермаком Тимофеевичем; походы ее привели к покорению в 1582 г. Сибирского Царства. Предположения историков, что Ермак был приглашен Строгоновыми, не имеет оснований. В рядах Ермака, безусловно, были новгородцы, которым хорошо был известен путь и по Волге, и по р. Каме, и за Каменный Пояс (Уральский Хребет). Присутствие и сильное влияние новгородцев обнаруживается тем, что первый город, основанный Ермаком в его первый поход, был назван Кокуем — именем главной башни Новгородского кремля и монастыря на Белом море. Стяг (знамя) Ермака с изображением св. Георгия, сохраняющееся и доныне — новгородского письма. Но сам Ермак, судя по описанию его внешности и характера в Есиповской летописи*) не был новгородцем; он был или донским казаком, или чёркасом; возможно, и мещерским казаком: тюркская кровь в нем несомненна.

Во второй половине XVI в. произошло образование Яицкого и Терского Войска (республик).

В 1577 г.**) Ногайский князь жаловался московскому послу, что в Сарайчик, татарский город в устьи р. Яика, приходили казаки и разорили его. В 1581 г.***) московский посол сообщал из Ногая: „А хотел де Урус князь и все мурзы итти войною на Киргизскую Орду, да побоялся от государевых людей, от казаков, войны". Казаки уже прочно владели средней частью Яика, через который шли в то время пути в Киргиз-Казацкую Орду. В этом же году казаки снова напали на Сарайчик и, основательно разгромив его, окончательно утвердились в нем, под предводительством атамана Нечая.

Донские казаки, будучи независимыми, действовали на свой страх и риск; но недовольный ногайцами Иоанн IV воспользовался деятельностью Вольного Казачества, чтобы поприжать их, что видно из письма Ногайскому князю: „А то мы за ваши неправды и грабеж перед ними повелели вас самих воевать и ваши улусы казакам астраханским,†) волжским и донским, и казанским, (т. е. служившим в Казани) и мещерским и над вами

*) Сибирские летописи. Изд. Имп. Археогр. Комиссией. СПБ. 1907.
**) Перетяткович, стр. 229.
***) № 69. Д. Ног., кн. 10 (1581-88), л. 145, 196, 244.
†) Астраханские казаки являлись отраслью донских, городовыми казаками г. Астрахани.

над самими они не таковую досаду учинят; и нам уже нынча своих казаков унять не мочно".

Иоанн IV мог угрожать ногайцам своим союзником, Вольным Казачеством, но „унять" его, т. е. направить его деятельность по своему усмотрению он не мог, т. к. оно было независимым от него, что он вполне и сознавал.

В промежуток 1581-1583 г. произошло образование Терского войска: из донских и волжских казаков, под предводительством атамана Андрея Шадры, занявших низовье р. Терека. На то, что казаки здесь прочно утвердились и имели достаточные силы, указывает жалоба на них турецкого султана в 1584г.*). Очевидно, он был бессилен сам что-либо предпринять против них.

Терские казаки осели в низовьи Терека, а выше по нему уже существовали гребенские казаки, у которых главный городок назывался Червленый; те и другие скоро соединились и составили одно Терское Войско.

Участие новгородцев в образовании Яицкого Войска устанавливается фамилиями казаков, которые встречаются только на севере, в землях новгородских и вятских, и, как происходящие от географических названий, могли быть принесены только оттуда.

Несомненно участие новгородцев в образовании и Терского Войска. В нем до последнего времени сохранялись знамена**) с новгородской эмблемой — „медведь в кресле". В Донском Войске их не сохранилось (как и других исторических новгородских памятников) лишь потому, что весь Донской архив и все регалии погибли во время пожара Черкасска в 1744 г.

В промежуток 1578-80 г. отделилась еще значительная дружина донских казаков, которая под предводительством воеводы московского Ногого основала г. Уфу. В это же время, возможно, что и раньше, осели казаки и по р. Самаре. Эти уфимские и самарские казаки, отрасль донских, стали „государевыми казаками"; не будучи вполне городовыми казаками, они были, все же, в зависимости от Московского государя.

Из уфимских, самарских и исетских казаков, (начало последним было положено частью дружины Ермака Тимофеевича, осевшей под предводительством атамана Мещеряка на р. Исети), впоследствии было образовано Оренбургское Войско**).

С 1572 г. Донское Низовое Войско и Донское Верховое (с частью его — Волжским) представляло одно — Все Великое Войско Донское, со столицей его, „главным войском", в Раздорах Донецких.

Терское и Яицкое Войско (республики) по отношению Дон-

*) №. 56. Новиков, т. XII — 1789 г., стр. 21.
**) Казачество. Мысли современников. Статья Терск. Ат. ген. Вдовенко. Изд. 1928 г.
***) Изыскания ген. И. Г. Акулинина.

ского представляли ни что иное, как его колонии. Связь, несмотря на территориальный разрыв, была всегда прочной. Приоритет Донского Войска основывался на том, что донские казаки являлись родоначальником и на значимости Донского Войска.

Силы Донского Войска с Волжским были в XVI стол. 10—14 тыс. бойцов, а остальных $1^1/_2$—2 тыс. каждого.

***

После постройки Московским государством городов (крепостей) (в 90-х годах XVI ст.) — Воронежа, Оскола, Валуек и Белгорода, окраина его сильно продвинулась на юг; вследствие этого казачьи городки, существовавшие по Хопру и Цне до самого Шацка, а по Дону до Борщова, стали также перемещаться на юг — подальше от окраинных городов Московского государства. Эти городки перемещались, преимущественно, на Дон почти до середины XVII ст. Здесь они первоначально существовали в виде „юртов" и „зимовищь", а потом уже обращались в городки т. е. в крепостцы. Этим перемещением и об'ясняется такое явление: не смотря на значительное увеличение числа городков по нижнему и среднему Дону численность Донского Войска не увеличивалась.

С 1572 года и до конца XVII в. городки Донского Войска располагались исключительно в долинах Дона и его притоков — Донца, Хопра, Медведицы, Иловли. Расположенные между главным руслом реки и рукавами, или протоками и тубами, они весной и летом обращались в естественные крепости, окруженные водой. Условия такого существования городов, юртов и зимовищь и были главным препятствием к переходу Вольного Казачества к земледелию.

На местах покинутых казачьих городков возникли города Московского государства. Так на месте казачьего городка на Волге — Сары-тау (желтая гора) возник г. Саратов, с видоизмененным несколько названием*). На месте городка Вольного Казачества — близ р. Суры Черкасской, в 1668 г. возник г. Пенза**).

Таким Образом Вольное Казачество образовалось из элементов, которые получили начало на территории древней Казакии (кроме новгородцев), Заняв эту территорию в XVI в., оно расширило пределы Казакии — на восток и юго-восток, включив и Яик и Терек в пределы ее. Вольное Казачество являлось географически, исторически и фактически — Казакией.

Новгородский (и вятский) элемент восполнил потери казачества, происшедшие вследствие перехода части его в городовое и, одухотворив его после московского владычества, увеличил силу отталкивания от Московского государства и силу сопротивления против его влияния и воздействия.

*) № 41. Перетяткович, стр. 90.
**) № 40. Чекалин., стр. 146.

ГЛАВА XXI.

Городовое казачество и пополнение из него Вольного Казачества.

(Гл. ист., гл. XVIII).

Не все донские казаки ушли из пределов Московского государства и вошли в состав Вольного Казачества. Оставшиеся составили основу городового казачества, начавшего свое существование, как таковое, только с середины XVI в.

Городовое казачество в Московском государстве стало образовываться после завоевания им царств Казанского и Астраханского, что было осуществлено и закреплено, благодаря помощи союзных Московскому государству — республик Вольного Казачества (Казакии).

Постройка после этого (с 1551 г., начиная с Василь-Сурска) Московским государством городов-крепостей на ее восточной и южной окраинах и вызвали возникновение городового казачества. До этого донские казаки жившие в пределах Московского государства и служившие царю были казаками не городовыми, а „государевыми".

Ушедшие из пределов московских являлись, безусловно, отборной частью: по своей любви к свободе, по своему характеру, наличию воли и по физическим качествам.

Из оставшегося и ставшего городовым Вольное Казачество имело постоянное пополнение, преимущественно, молодежью, холостяками. Женились они уже в Казакии на пленницах: татарках, черкешенках, турчанках, гречанках; прилив тюркской крови через браки являлся преобладающим.

Оставшегося (городового) казачества для Московского государства было недостаточно и оно само стало пополняться, первоначально черкасами (казаками днепровскими), а позже и из коренного московского населения. За недостатком у себя ратной силы, Московское государство вынуждено было обратиться к привлечению за жалованье отрядов вольных казаков для выполнения разных военных задач.

Во второй половине XVI в. окончательно произошло расслоение казачества — на Вольное и Городовое.

Против вольных казаков Московское государство пыталось бороться силами городовых. В 1557 г.*) Московское государство послало атамана городовых казаков Ляпуна Федорова на Волжскую переволоку, а стрелецкого сотника Кобелева к устью Иргиза „со многими людьми", которым приказано было стоять на Волге до осени „и беречь Ногай" от „вольных казаков", чтобы ногайцам „лиха не было".

*) № Перетяткович, стр. 230.

Вольное Казачество было вправе р. Волгу (нижнее и среднее ее течение) считать и считало в своем „владычестве". За нее и шла борьба между Вольным Казачеством и Московским государством.

Последнее дало право на торговлю с Персией по р. Волге англичанам. Но когда первый корабль их в 1573 г.*) возвращался из Персии, в устьи Волги на него напал отряд Вольного Казачества в 150 человек с пищалями и топорами. Начавшаяся резня кончилась тем, что англичане вынуждены были сдать корабль, выговорив себе сохранение жизни. Было бы ошибочным смотреть на это, как на разбойное, просто, нападение: это было противодействие казаков распоряжению Волгой помимо их.

После того к охране пути по р. Волге, сохранения связи с г. Астраханью, Московское государство вынуждено было прибегнуть к помощи отрядов самого Вольного Казачества, привлекая их к тому „за жалованье"**). В 1577 г.***) такой отряд вольных казаков — донских и волжских, под предводительством атаманов: Ивана Кольцо, Богдана Барбоши, Никиты Пана, Мещеряка, Савелия Болдыря и Ивана П.... (имени Ермака Тимофеевича среди них нет), обслуживал и охранял переправу через р. Волгу выше переволоки, — путь из Московского государства в Большой Ногай в г. Астрахань. После происшедшего разногласия с многочисленным нагайским посольством и караваном (из-за оплаты, видимо) казаки разгромили его.

Ранее этого времени дружина донских казаков осела в г. Астрахани; поступив на „государеву службу", она обратилась в городовых казаков. Эти казаки г. Астрахани послужили впоследствии одной из основ, вместе с донскими, для восстановления Волжского (Астраханского) Войска.

„Жалованье", которое давалось за ратную службу, являлось одним из средств существования Вольного Казачества; недостаточность его, прижимы московские, ратная зависимость, связанная с получкой его, и побудили донских казаков к исканию новых средств, новых мест — к уходу на Яик, Терек и на Каму, а с последней в Сибирь.

К помощи Вольного Казачества Московское государство вынуждено было прибегнуть после постройки городов на восточной и юго-восточной окраине и при выдвижении своей южной границы в Дикое Поле, при постройке городов-крепостей: Воронежа, Валуек, Оскола, Белгорода в конце XVI ст., что видно из грамоты царя Федора Ивановича Пронскому воеводе Верде-

*) № 39. Ключевский, стр. 267.

**) Для обеспечения пути по Волге между г. Казанью и г. Астраханью Московское государство в 1586 г. построило г.г. Саратов и Царицын, а позже Самару.

***) № 69. Д. Ног., кн. 2, № 10, л. 153.

ревскому:*) „Послали есмя в Пронск Измайлова прибирать на свою службу донских и волжских атаманов и казаков и охочих вольных людей". По уходе донских казаков из пределов Московских и образовании ими своих республик (Войск), оставшихся казаков недостовало, поэтому Московское государство и вынуждено было приглашать казаков из состава Вольного Казачества, что, вследствие экономических затруднений у последнего, как видно из отписки 1632 г. делалось с успехом.

Участие донских, волжских, терских и яицких казаков в войнах Иоанна IV на Западе, служба на новой окраине являлись следствием, конечно, не схождения государственно-политических интересов, а об'ясняется причинами экономическими.

„Жалованье", плата за службу и „добыча" в то время были почти единственными источниками существования Вольного Казачества. Рыбный и звериный лов и торговля с Азовом и пограничными московскими городами становятся главным источником существования для Донского Войска лишь с начала XVII в., до этого же звериный и рыбный лов производился лишь для своей потребности.

* * *

Донские казаки, оставшиеся в пределах Московских, и послужившие основой городовому (служилому) казачеству сохранялись очень долго в виде отдельных групп от вновь образованных городовых казаков. Они очень долго сохраняли свое прежнее название, закрепившееся еще с конца XIV в., (со времени прихода их с юга), название — донских казаков**). В актах Земского Собора 1621 г. упоминается о донских атаманах и казаках, живших в Путивле и Рыльске. Упоминаются донские казаки, ставшие городовыми (служилыми) в 1630 г. — в Смоленске, Быхове; переведенные туда, наверно, из других мест. В 1660 г. упоминаются донские (городовые) казаки в исторических документах в г. Белгороде. Иногда эти донские казаки приобретали еще и местные названия: „Смоленские донские казаки", „Орешковские донские казаки", „Недрыгайловские донские казаки***) и т. д. В документах около 1671 г. встречаются упоминания о донских казачьих головах (атаманах) и казаках в г. Шацке.

Донские казаки, обратившиеся в городовых, были поселены Московским правительством не только по южной, но и по западной окраине Московского государства. Так из документа 1683 г.†) видно, что еще в то время в Псковской области сохранялись казаки, носившие название: „Донские морские сотенные конные казаки, переведенцы", т. е. переселенные с какого-

*) № 58. Чтения. 1898 г. кн. 3. Акты XIII—XVII в.
**) № 58. Пр. Сватиков, стр. 11—12.
***) № 67. Д. Донские, 1683. св. 14, карт. 44, № 8.
†) Русск. Ист. Библ. т. X-XI. Дела Московского стола стр. 520.

то места. Из документа видно, что они были городовыми казаками Московского государства, а не отрядом Донских вольных казаков. О морских псковских казаках упоминается и ранее.

Городовое казачество в целом представляло совершенно особую социально-экономическую группу населения в Московском государстве. Основа этого Казачества — донские казаки, сохраняли особую идеологию, психологию и традиции, питаясь преданиями и, главное, влияниями Вольного Казачества*)

В Смутное время содержание Вольного и Городового Казачества стало государственной и социальной программой для большей части населения Московского государства.

Городовое казачество, а в нем группы донских казаков, стали сливаться, ассимилироваться совершенно с великорусским населением лишь с начала XVIII в. (с Петра I).

Но уже с конца XVI ст. Вольное и Городовое казачество в государственно-политическом, социальном и бытовом отношениях имели между собой очень уже мало общего, кроме общности происхождения части городового (донских казаков) с Вольным Казачеством.

Основной источник Вольного и Городового Казачества был один и тот же — Донские казаки, жившие до конца XIV ст. в пределах Казакии.

ГЛАВА XXII.

Основные черты бытия Вольного Казачества в период государственной независимости (1546—1671.)

(Гл. ист. 40—72).

Главной основой Вольного Казачества была независимость государственного его существоввания.

Дьяк Московского Посольского Приказа, Гр. Котошихин, т. е. дипломат того времени, по своему служебному положению отлично знавший состояние дел в свое и предшествующее время, в своих записках (1666 г.), так оценивал положение и состояние Вольного Казачества:**)

„А ежели бы им (донским казакам) воли своей не было, и они бы на Дону служить и послушны быть не учали, и только бы они донские казаки не укрепились, не было бы в поддан-

*) В московских актах XVII в. упоминаются городовые казаки, кроме упомянутых выше: Бордоковские, Белевские, Белгородские, Великолуцкие, Валуйские, Елецкие, Епифановские, Ефремовские, Карочевские, Капорские, Кропивинские, Кромские, Курские, Мещерские, Михайловские, Можайские, Мосальские, Московские, Невельские, Новгородские, Новосильские, Одоевские, Орловские, Стародубские, Севские, Трубчевские, Шацкие, Ярославские.

**) № 51 Гр. Котошихин. Изд. 2. СПБ. 1884 г. стр. 153.

стве за Московским государством Казанское и Астраханское царства с городами их во владетельстве".

Своя воля, т. е. государственное независимое существование, конечно, не была дана казакам Московией, или кем либо, (*примера такого нет во всей всемирной истории*), а осуществлена волею и деятельностью самих донских казаков.

„Служить и послушными быть", т. е. быть союзниками, донские казаки были вынуждены условиями экономическими. Экономическая зависимость от Московского государства Вольного Казачества, в период независимого его государственного существования, несомненна.

В своем капитальном исследовании по истории государственного и административного права Донского Войска проф. С. Г. Сватиков дает такое определение:*)

„Донское Войско представляло из себя в XVI—XVII вв. военно-демократическую республику. Эта республика была особым, отдельным от Московского царства, государством, имела свою территорию, свой народ и свою власть".

Период существования Донской республики проф. Сватиков определяет со времени возникновения ее (с 1549 г.) и до 1614 г. периодом государственной независимости, а в дальнейшем же до 1673 г. (года принесения присяги московскому царю) определяет состоянием вассалитета. Последнее определение он основывает на том, что Донская республика вступила в добровольные и регулярные сношения с Московским государством, оказывая ему постоянную субсидию („жалование").

Регулярность сношений, конечно, ни в какой мере не является признаком вассалитета. Военную помощь Московскому государству Донское Войско оказывало лишь в тех случаях, когда это совмещалось с его интересами и традициями.

Так в 20-х годах XVII в.**) оно дважды, не смотря на настойчивую просьбу Московского государства, отказалось от посылки своего отряда казаков на помощь Московскому государству, для помощи в войне его с Польшей.

В 1630 г.***) оно также отвергло домагательства Московского государства втянуть Донскую республику в войну против Польши в союзе с Турцией; не удержала от решения Донское Войско и экономическая блокада, об'явленная Московским государством. Мотивом отказа Донское Войско ставило несовместимость с его традициями заключать союз с „басурманским" государством и совершенную ненужность для Войска войны с хри-

*) № 50. Проф. Сватиков Россия и Дон, (1549—1917). Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. 1924 г. стр. 16.

**) № 57 Донские дела (т. XVIII-1898). Царская грам. 22 окт. 1625 г. стр. 248.

***) Там же и дела Турецкие.

стианским государством — Польшей. На предложение Москвы заключить союз с Турцией для войны против Польши Донское Войско ответило языком, каким может отвечать только независимое государство: „а к турскому султану (на помощь) нам не хаживать".*)

Участие Донского Войска в войнах Московского государства об'ясняется не зависимостью, не симпатиями к нему, не схождением интересов, а тем, что война давала главные средства существования, — жалованье и „добычу", проще говоря, об'ясняется экономическими интересами. Эти экономические интересы для Донского Войска, а для Московского государства — военная необходимость, и привели к примирению их.

Жалование платилось не каждый год и было ничтожным по размерам: „А посылается к ним (донским казакам) на Дон царское жалованье денежное не гораздо помногу и не всегда", писал Г. Котошихин.

Жалование имело в отношении Донского Войска тождественное значение и смысл, какой имело уплачиваемое Московским государством Крымскому хану, чтобы уберечь от набегов татар свои окраины. В 1630 г. Турецкий посол Ф. Кантакузен, будучи в Москве, предлагал отцу Михаила Федоровича, патриарху Филарету, уплачивать донским казакам жалование московскому царю совместно с турецким султаном. В этом предложении**) ясно обрисовывается причина уплаты „жалования" и выясняется, что получка его в то время, ни в какой мере, не может считаться признаком вассалитета. Турецкий посол предлагал:

„Казакам донским давать жалование обоим государям — Мурату де Султану от себя, а Царскому бы Величеству тем казакам велеть давать от себя, чтобы от них казаков войны, меж великих государей и ссоры не было".

Далее Ф. Кантакузен говорил, что если Московский царь откажется давать жалование из своей казны, то уплачивать все жалование согласен один Турецкий султан. Предлагал он и другую меру: „И перевесть бы их (донских казаков) с Дону на Белое (Мраморное) море на житье, а около де Белого моря Мурата Султанова Величества многие недруги, и они бы (казаки) на тех недругов ходили (войной) и под ними добывались и ныне бы послать их войной на Польского короля с сердаром".

Ранее того турецкий посол Ф. Кантакузен предлагал непосредственно самим донским казакам переселиться на границу Персии и уплату им большого жалованья; что казаки с возмущением отвергли и, конечно, не из-за боязни Москвы или из-за зависимости от нее, а потому, что переселение не согласовалось с мировозрением и интересами казаков

*) № 70. Д. Тур., св. 16, № 5. Отп. Д. В. от 8-VIII 1830.
**) Там же — св. 14, д. турецкие 1630 г.

У Донского Войска были свои интересы, свое понимание их, своя политика.

В отписке 1622 г. *) Войсковой Атаман Епиха Родилов писал в Москву: „Наше войско — люди вольные, и в неволю не служат". Таким образом, служба казачьих отрядов участие их в войнах сознавалось как добровольная, союзническая. При чем нужно различать различные понятия в слове — войско; как ратная сила войско, отряды донских казаков, бывало на службе Московского государства, как бывало на службе польского короля и разных государей Зап. Европы в 30-летнюю войну; но Войско (республика) не одному из них не присягало и не служило.

„Зимовая станица" **) (Донское посольство) принималась в Москве, как и всякое иностранное посольство. Современник и очевидец этих приемов Г. Котошихин, писал: „А как они (донские казаки) к Москве приезжают и им честь бывает, как иноземным нарочитым людям".

В самосознании Донского Войска независимость от Московского государства определялась прежде всего тем, что оно, как таковое, не приносило никогда присяги (не присягало оно и по избрании на царство Михаила Федоровича); это самосознание рельефно вырисовывается из отписки Донского Войска в 1632 г., приведенной нами ранее.

Таким образом, с 1546 г. и вплоть до 1671 г. Донское Войско являлось независимым государством. Эта независимость Донского Войска, согласно исторических документов, выражалась: не только в наличии своей территории, власти и народа, но и в независимости власти, в независимости дипломатических сношений с соседними народами и государствами, в полной независимости открытия войны, ведения ее и заключения мира, в наличии своих интересов, в своем понимании их.

Волжское, Яицкое и Терское Войска по своему устройству представляли тождество с Донским, — они являлись тождественно республиками. Донское Войско являлось метрополией, а они ее колониями.

„Главное войско", сначала Раздоры (весь остров), а после Черкасский (также весь остров), являлось для всех колоний Вольного Казачества тем же, чем являлся г. Великий Новгород для всех пятин, земель и волостей его, и можно думать, что идеи, формы, осуществленные в государственном устройстве Вольного Казачества, в значительной мере принесены были новгородцами.

---

*) № 70. Д. Тур. св. 7.

**) НВ. стр. 194.

Терская, Яицкая и Волжская республики в отношении Московского государства, как и Донская, являлись независимыми. Но положение и отношение их к Войску Донскому были особыми. Они практически, вследствие отдаленности, территориального разрыва и необеспеченности связи с ним и наличия своих противников являлись в действительности самостоятельными — в ведении дипломатических сношений с разными народами, и в открытии, и ведении войны, и заключения с ними мира.

Зависимость от Дона основывалась на том, что Дон был наиболее сильным, через территорию его лежали важнейшие направления, и донские казаки вели борьбу с главным врагом — турками. Связь с Доном была, главным образом, моральная, основывалась на авторитете старшего брата, как и было у В. Новгорода в отношении Пскова и Вятки.

Московское государство в особо важных случаях действовало на волжских, яицких и терских казаков через Донское Войско. Так, после Смутного времени, чтобы удержать казаков от поддержки Заруцкому, Московское государство обращается к помощи Донского Войска: *)

„И вы к своим братьям, к атаманам и казакам — и к волжским, и к терским, и яицким отпишите, чтобы побоялись Бога"...**)

Волжские, терские и яицкие казаки в войнах Московского государства участвовали вместе с донскими, по большей части, в составе их отрядов, и приглашались для участия через Донское Войско. Жалованье на Терек, Яик и на Волгу посылалось непосредственно, но еще в меньшем количестве, чем Донскому и еще менее регулярно (далеко не каждый год).

Терские и яицкие казаки постоянно приходили на Дон. У терцев связь с донскими низовыми казаками сохранялась через р. Кубань и Азовское море, и только после того, как черкасы кабардинские и кубанские подпали под влияние Крыма в начале XVII века, а после под зависимость Турции, связь через море прекратилась. Сообщение после того шло через Волгу, иногда через степи.

Когда в 1689 г. у яицких казаков произошло вооруженное столкновение с жителями г. Самары из-за рыбных ловель, Московское государство обратилось к воздействию на них Донского Войска. Последнее, поддерживая яицких казаков, отвечало: ***) „Яицкие казаки издавна Донскому Войску в послушании и обо всяких делах от себя присылку имеют, и больших дел без войскового их (донского) права у себя не вершат, а присылают к нам на Дон".

Между казачьими республиками (метрополией и колониями) существовала полная солидарность, особенно в вопросах внеш-

*) № 54. Прянишников, стр. 10. № 57. Донские дела, стр. 4-60.
**) № 57 Донские Дела. Грамоты Донскому Войску 1614—15 г.
***) № 70. Д. Тур. св. 18. кн. 15.

них — ведения войн. Для соседивших с Вольным Казачеством народов хорошо было известно, что война с одним из Войск была равносильной со всеми остальными — всем Вольным Казачеством. Потеря государственной независимости Донским Войском (республикой) в 1671 г. имела последствием потерю ее и другими.

Таким образом, все Вольное Казачество представляло во вне одно государство — Казакию.

Государственная система Вольного Казачества имела очень близкое сходство, если не полное тождество, с государственной системой республики Новгородской. Как и там, все земли (колонии), осуществлявшие свою самостоятельность (Псков, Вятка) были тесно связаны с метрополией, В. Новгородом, (связь эта основывалась на единстве происхождения и единой сущности), так было и в Вольном Казачестве. Как там играл руководящую роль сам город — В. Новгород, так и здесь, в Вольном Казачестве — „Главное Войско" (Раздоры, Черкасский гор.).

Единство казачества устанавливается и тем, что несмотря на громадный территориальный разрыв, местные особенности (прилив крови от разных соседей) и, главное, на 2-х вековую обособленность друг от друга во время существования в составе России, казаки: донские, яицкие, терские, оренбургские — в существе своем остались одним народом. Это единство настоящее обязано единству прошлому — единству происхождения.

„Народ Дона составляли Донские казаки, свободные граждане Донской республики", делает определение в своем капитальном труде проф. Сватиков.*)

Главным источником, из которого составилось Донское казачество и откуда оно пополнялось он считает великороссов; он признает значительный прилив „малороссов", т. е. украинцев (черкасов Поднепровья) и прилив в меньших размерах представителей других народов — татар, турок, греков, поляков, грузин, персов, а позже и калмыков.

Невозможность возникновения Вольного Казачества и образования им своих Войск (из великороссов) чуствовалось многими русскими историками, мы в своем труде устанавливаем не только невозможность такого образования, но и установили образование Вольного Казачества, а из него Донского, Волжского, Яицкого и Терского Войск (республик) — от казаков донских (подонских), поднепровских черкасов (запорожских казаков), казаков мещерских (киргиз-казацкого происхождения) и новгородцев-вятчан. Последние представляли, как мы уже говорили раньше, особую по своему происхождению от московской (великорусской), а по своему устройству, психологии, идеологии,

*) № 50. Проф. Сватиков стр. 23.

народно-хозяйственной деятельности и быту противоположной и враждебной ей народностью.

Если мы примем во внимание, что после образования республик Вольного Казачества, кроме увеличения численности населения путем естественного прироста шло и пополнение их — Донской от запорожских казаков, вернее через Запорожье, т. к. оно само пополнялось представителями разных народностей, кроме великорусской, а других от соседних народов; то станет ясным ничтожность участия великоросской народности в образовании и в развитии Вольного Казачества. К этому нужно иметь в виду, что пополнявшие Вольное Казачество были молодежью, вступали в среду казаков холостяками, и уже здесь женились на казачках и большая часть на ясырках (пленницах).

Идея происхождения Донских казаков от великоруссов является извлеченной не из исторической действительности, а политической тенденцией — „единства русского народа", выполнявшей служебную роль для российского государствования.

Иностранцы, свободные от такой тенденции, располагавшие теми же историческими данными, как и русские, иначе определяют Вольное Казачество XVI в., как например, д-р Г. Шурц:*) „В беспокойных пограничных областях между русскими владениями (т. е. между южной московской окраиной и г. Астраханью) образовалась мало-по-малу особая народность".

Пополнение Вольного Казачества великороссами до середины XVII в. никогда не бывало массовым и даже групповым, а исключительно одиночными представителями этой народности.

После потери Донским Войском в результате напряженной борьбы за Азов (в 1637-1643 г.) половины своей боевой силы доступ в ряды Казачества облегчился и благодаря социально-экономическим процессами в Московском государстве, а главное открывшимся там религиозным преследованиям, эмиграция оттуда великороссов в пределы Казакии увеличилась, но Разинским движением (участием в нем) она для Дона была бесследно сметена.

С первых моментов своей истории у казаков выявляется очень высокое национальное казачье самосознание, сознание и „своей природы" и „своего присуду" (своих обычаев, нравов, законов). Религиозная идея борьбы с магометанами является руководящей идеей вооруженной борьбы с татарами и турками, идеей овладения турецкой крепостью в устьи Дона, Азовом. Казаки хорошо помнили, вероятно, и то, что он был христианским городом,**) был городом донских (подонских) казаков. Освободить престол Св. Иоанна Предтечи в Азове от

*) Истор. Человечества; под ред. д-ра Гельмольта. Русский перев. с немецкого. СПБ. стр. 206.

**) Донские дела 1637.

власти магометан является императивом деятельности Войска Донского.

Сделав ложную предпосылку в своем труде о происхождении Вольного Казачества (от великороссов) проф. Сватиков приписывает им высокое национальное, самосознание „русское" с момента возникновения его и, главным образом религиозное.

Но во-первых ясно, что в XVI-XVIIв. никакого русского (всмысле российского) самосознания вообще не сущесововало, а всего лишь московское. Русское самосознание могло сложиться и сложилось (и то только у правящих сословий и интеллигенции) во время и в результате существования Российского государства, т. е. после XVII в.

Во-вторых, как видно из труда самого проф. Сватикова, церковь в Донской республике была по существу автокефальной и, в противоположность Московскому государству, никогда не выполняла в ней государственно политической или полицейской роли. Через церьковь Московское государство не могло иметь и не имела сколько нибудь ощутительного влияния на Вольное Казачество.

Наоборот в первой половине XVII в. между*) Вольным Казачеством, главным образом Донским Войском, и Московским государством в политике по отношению Турции и вассала ее, Крымского ханства обнаружилось резкое расхождение, приводившее к конфликтам, приведшее и к экономической блокаде Дона.

Московское государство в лице Турции искало союзника в войнах против Польши, очень дорожило с ней сношениями и потому, что питалось самодержавной идеологией оттуда. По своему существу и природе государственной власти Московское государство и Турция, если не совершенно были тождественны друг другу, то очень близкими. Религиозное различие отходило совершенно на второстепенное место, Вольное Казачество же по своему мировозрению не только не представляло возможным заключения союза с Турцией и вассалом ее, Крымским ханством, но и, более или менее, существования длительного мира. И обратно Донское Войско не видит для себя смысла участия на стороне Московского государства в войнах против Польши.**) Поэтому и отказывало не раз в посылке на помощь ему своих отрядов.***)

Навязав Вольному Казачеству „русское" национальное самосознание проф. Сватиков далее говорит:†)

*) Происхождению казачества автором труда „Россия и Дон" не уделено достаточного внимания, оно изложено энциклопедически, вместе или рядом с идеей „единства русского народа", помещена политическая тенденция — „Единой, неделимой России".

**) Дела Донские 1620-32 г.

***) Высказанное является одной из главных тем II кн. Истории Казачества.

†) Проф. Сватиков стр. 24.

„Но тем не менее, казаки всегда, в течение всей своей истории, противополагают себя, донцов — русским, а Дон — Руси. Броневский в 1630 г. пишет, что „отчуждение донских казаков от русских и теперь заметно.“ В переписке казаков с Московским правительством мы находим противоположение: „на Дону“ и „на Руси“. В одном из исторических актов 1640 г. читаем: „которые русские люди отпущены к Руси и тех русских людей ворочают в Азов“.

Причины такого противопоставления проф. Сватиков отыскивает в социально-экономическом различии.

Различие это национальное — и различие происхождения и различие природы одного и другого народа. И в настоящее время ни один казак не считал и не считает себя великоросом, они считали себя русскими исключительно в смысле государственно-политическом (подданическом) смысле, а отнюдь не в национальном (этническом).

Противоречие у профессора С. Г. Сватикова заключается не только в приведенном, но и весь его обширный труд (в 579 стр.) „Россия и Дон“, заключая обрисовку постоянной борьбы между ними, различных совершенно начал: государственных, социально-бытовых, различных идеологий и психологий не только правительств, но и самих народов, является в полном противоречии происхождения казачьего народа от великороссов.

Различные по своему происхождению группы Вольного Казачества через несколько поколений обратились этнически в единое целое. Из исторических документов*) с исключительной очевидностью вырисовывается это единство казачества, и его единое национальное целое: казаков и донских происшедших от них и других — всей Казакии.

Исторически национальной чертой и явлением Казачества является различное отношение к Московскому государству, великорусскому народу, а позже и ко всему русскому, к экспансиям его в сторону казачества: от ощущения и осознания периодами частью казачества его главным своим врагом, готовности борьбы против него до конца, с одной стороны; а с другой — признание примирения с ними неизбежностью, или изо всех зол, признание их наименьшим, но это моменты политического порядка.

Особое государство (Казакия) — с отличным от Московского государства содержанием с особой — своей властью, своей территорией, — одним словом особый мир, мог создаться, благодаря лишь тому, что создавал его особый от великорусского (московского) народ. Он и остался таким особым, несмотря на пребывание его в течение $2^1/_2$ в. в составе одного — Российского государства.

*) Дела Посольского приказа: ногайские, донские, турецкие, калмыцкие.

Высшим органом Донской республики, и законодательным и судебным, нередко и исполнительным, являлся Войсковой Круг*), выражавший волю всего народа, всего Вольного Казачества в целом, и абсолютно независимый от чьей бы то ни было иной воли. Войсковой Круг собирался раз в год в „Главном Войске" весной по полой воде из казаков всех городков Войска. Исследования о Войсковом Круге охватывают позднейшие времена и не дают картины первоначального устройства его; но и из позднейших документов не видно, были ли на Войсковом Круге представительство от городков, или на нем участвовали из казаков все (не пенные, т. е. не лишенные Кругом прав), кто фактически мог участвовать.

Обычно Войсковой Круг (с'езд на него) совпадал со сборами в морской поход и, вероятно, кто собирался для участия в нем, тот участвовал и на Войсковом Круге. Казаки „Главного Войска" и соседних городков, т. е. всего Донецкого, а позже Казачьего Острова, повидимому, все участвовали на нем. Это было одной из главных причин того исключительного значения, какое приобрело „Главное Войско" не только в жизни Донского Войска, но и всего Вольного Казачества.

Войсковой Круг разрешал вопросы общие: выборы Войскового Атамана, войскового есаула (позже двух), войскового дьяка; разрешал вопросы между городками; приема в казаки и лишения прав гражданства и высшего суда — присуждения к смертной казни („в куль да в воду")...

В „Главном Войске" с участием соседних, расположенных на одном острове, городков существовал свой Круг, который практически и являлся в действительности законодательным, судебным и исполнительным органом всего Донского Войска.

В каждом городе существовал свой Круг (сбор), собиравшийся по мере необходимости и ведавший делами своего городка.

Во время сухопутных и морских походов атаманами собирался круг, как видно из старинных песен об Ермаке Тимофеевиче и Степане Разине, изо всех казаков: круг в этом случае имел значение военного совещания.

На Дону существовала свобода, но равенство, естественно, существовало только для казаков. Им не пользовались приходившие из пределов Московского государства, преимущественно из пограничных городов его разные люди: торговцы, ремесленники (сапожники, портные, кузнецы и т. д.) весь люд, скоплявшийся для разного рода заработков, в том числе и для найма (или за часть добычи) гребцами в морских походах казаков.

*) Специальные исследования о Войсковом Круге: 1) А. Леонов, Войсковой Круг, Донские Войск. Вед. 1862, номер 26—27; 2) Савельев Е. Войсковой Кр. Новоч. 1927 г.; 3) Е. Сватиков, Войсковой Круг и автономия Дона в эпоху империи (1721—1917); Донская летопись, 1923 г. кн. 1 стр. 189—265.

Этот люд около времени Степана Разина стал называться голотой, голытьбой, а во время разинского движения и „голутвенными казаками". Конечно, этот московский сброд равенством с казаками не пользовался и в Кругах участвовать права не имел, уже по одному тому, что он не был казачеством.

В конце XVII ст. представители этого московского наплыва получили название — бурлаков, тум и оземейных (т. е. зазимовавших на Дону), несмотря часто на многолетнее пребывание на Дону, в ряды Казачества не принимались... Не пользовались, конечно, правами равенства и отбитые у турок или татар „русские полоненники", задерживавшиеся иногда на Дону, а тем более взятые самими казаками пленные — „ясырь". Но бывавшие часто и в значительном числе на Дону, приходившие для совместного участия в морских походах не только яицкие и терские, но и запорожские казаки пользовались полным равенством, всеми правами гражданина в Донской республике. Запорожцы участвовали наряду с донскими казаками в решениях и Войскового Круга. Обратно, и донские казаки, бывавшие в Запорожьи, пользовались теми же правами и правом участия в Раде.

Эти права вытекали из постоянного союза, военного братства, существовавшего между Донской и Запорожской республиками. Практически это вытекало из того, что Запорожские казаки, принимавшие участие в решении вопроса о походе, принимаемом Кругом, принимали участие и во всех решениях его.

Запорожцы были противниками Москвы, и их политические настроения и были, вероятно, причиной того, что еще с 30-х годов XVII ст. в своих грамотах Донскому Войску Московское государство стало домогаться „чтобы запорожских черкас в круг не пускать". Это вмешательство в донские дела, естественно, успеха не имело до потери независимости.

Войсковой Круг, как и другие Круги, т. е. донское народоправство явилось сложением идеологии, психологии, бытовых основ и существовавших форм устройства, свойственных основным элементам, из которых образовалось Вольное Казачество: донским казакам, запорожским черкасам (у них была Рада) и новгородцам-вятчанам (Вече). Но оформление Войсковому Кругу дали, вероятно, новгородцы, потому что народоправство высшего развития достигло у них и потому, что на Дон эмигрировали (бежали) представители высшего общества — „думцы".

Существование у Вольного Казачества народоправства со времени образования его, является одним из доказательств, что между ним и московским (великорусским) населением не было не только физического, более или менее, близкого родства, но тем более, идеологического, психологического или бытового. Но было бы ошибочным считать, что донским казакам идеи и формы народовластия до вхождения в их состав новгородцев

были не свойственны, оно доказывается уже самой выборностью у них власти (атаманов).

Народовластие было основой и Запорожского Войска, к возникновению которого новгородцы никакого отношения не имели.

Во главе всего Великого Войска Донского стоял Войсковой Атаман, избиравшийся на один год; но часто Войсковым Атаманом было одно и то же лицо несколько лет подряд,*) иногда с перерывами. Войсковому Атаману принадлежала исполнительная власть; а в особых случаях, как например, в вопросах об'явления войны и заключения мира, в выборе атамана Зимовой станицы (посольства) ему принадлежала власть вместе с Кругом „Главного Войска".

Атаман „Главного Войска" являлся заместителем Войскового Атамана. Когда в силу особой важности Войсковой Атаман сам отправлялся во главе зимовой станицы в Москву, то полномочия свои он передавал атаману „Главного Войска", и переставал быть Войсковым Атаманом; по возвращении из Москвы он никогда не избирался в качестве такового вновь в ближайшее время. Это об'ясняется практически установившейся традицией борьбы против московского влияния и способом аннулирования обязательств, данных лично атаманом зимовой станицы в Москве.

Зимовые станицы посылались и в Москву, и в Запорожье, и в Польшу; а на Дону принимались посольства, кроме этих стран, из Турции, Крыма и Персии. Особенно оживленны были сношения с Азовом и ногайскими татарами, а с середины XVII столетия и с калмыками.

Во главе городков стояли также выборные атаманы, городка и станичные. Во главе отрядов в походах стояли также атаманы: главный (походный), а далее — станичные, полковые, стружные и т. д.

Название „Великим" не только Донского Войска, но и других: Волжского, Терского и Яицкого, было, вероятно, заимствовано из титула Новгородской республики — „Великий Новгород". Наконец, и само слово атаман, вероятно, новгородского (вятского) происхождения.

Атаманами (ватаманами) еще в XIV в. назывались предводители ватаг (станиц) новгородских ушкуйников, промышлявших по р. р. Каме и Волге и морям — Балтийскому, Белому и Хвалынскому (Каспийскому).

---

*) Из исторических документов (№ 67—70) видно, что, по крайней мере, с 1613 года (возможно и более раннего) до 1623 г. непрерывно были — Войсковым Атаманом Смага Степанович Чертенский, а Атаманом Главного Войска — Епиха Родилов, ставший Войсковым после смерти первого. Позже длительное время были Войсковыми Атаманами с промежутками — Иван Дмитриевич Каторжный и Осип Петрович Калуженин.

Из заголовка документа 1452 г. видно и более широкое значение слова атаман:*) „От Ионы, Митрополита Киевского и всея Руси, на Вятку и всю Вятскую землю: воеводам земским Якову Пугвину, Оникею и Юрию Алексеевым Мышкина и всем ватаманам и подвойским, и бояром, и купцом, и житьим людям, и всем нарицающемуся именем христианства тамошния земли"; это видно и из документа 1489 г., уже после покорения Московией Вятки: „От Геронтия, митрополита всея Руси, в отчину господина и сына моего Ивана Васильевича всея Руси, на Вятку, воеводам и ватаманам всем, и всему Вятскому людству и Вятским хрестьянам".

Из этих документов видно, что атаманы в Вятской республике являлись военно-гражданской властью и, безусловно, выборной.

Название предводителей донских казаков атаманами встречается в исторических документах с 1551 г., но оно привилось, видимо, ранее.**) Сары-Азман не назван в ногайской грамоте атаманом потому, что этот титул предводителей донских казаков еще был не известен противникам их. Название атаман от донских казаков перешло к запорожцам, куда пришло лишь в XVII в., до того названиями предводителей были — батька, гетман.

За Донским Войском исстари усвоилось название (за территорией его и как государственное название) „Земля донских казаков"; судя по приведенному выше и другим документам, государственное название „Земля" едва ли является случайным.

Как мы уже говорили, одновременно с Войсковым Атаманом избирались есаулы (ясаулы). Они избирались — и в городках, и в зимовой и в легких станицах, везде где был атаман. Есаулы являлись ближайшими помощниками соответствен-

*) № 56. Акты Истор., т. I, СПБ, 1841 г., стр. 490, 410.

**) Слово ватаман имеет один корень со словом — вата-га. Некоторые историки слово ватаман считают норманского (варяжского) происхождения, видимо, по окончанию м а н. Но окончания на м а н свойственны и тюркским языкам (Осман, Сары-Азман, Кагызман, Курман) образуются слова и в казачьем говоре с окончанием на м а н (казакоман, чигоман). Интересно окончание г а в слове вата-га, оно безусловно тюркского происхождения (тайга, пурга, белуга, севрюга, курага, карга), под влиянием тюркских языков и слова с славянскими корнями в просторечии стали принимать окончания — га (хапуга, забулдыга, воряга и т. д.)

Можно предположить, что слова ватаман и ватага относятся еще к временам Хозарской империи. Ватагой называлась партия, отправлявшаяся с военно-промышленной целью, для сбора дани у финнов (пушного зверя, металлов), или охранявшая караваны; начальник ее, глава и назывался ватаманом. Эти названия через Камскую Болгарию были позаимствованы новгородцами и вятчанами. Возможно, что название атаман сохранялось и у донских казаков, преемственно со времен еще Хозарской империи. Если полагать, что слово ватаман существовало еще во времена Хозарского государства, то оно было известно и применялось на всем Вост. Европы: у донских казаков, в Поднепровьи и в Вятке.

ных атаманов. Есаул — тюркское слово (по тюркско-татарско-монгольски ясуал от глагола ясаху) и в буквальном переводе значит распорядитель, исполнитель. Значение есаулов при атаманах соответствовало современному значению начальника штаба или ад'ютанта. Название есаула у донских казаков сохранялось вероятно, еще со времени татарского владычества, пребывания донских казаков в государственной системе Золотой Орды.

Интересна система выборности есаула Зимовой станицы, что видно из об'яснений атамана Зимовой станицы Ивана Дмитриевича Каторжного в Московском Посольском приказе в 1637 году. Атаман Зимовой станицы и состав ее избирался всегда „Главным войском", а есаул, по словам И. Катаржного, самой станицей.

Войсковой Атаман, как это видно из документа 1643 г., призывал атамана Главного войска, являвшегося его правой рукой, и всех атаманов „Главного войска" на совет.*) Этот сбор атаманов — лиц опытных, уважаемых, боевых, и был началом зарождения старшины. Старшина начала образовываться в Донской республике еще в период ее независимого существования, но исключительно из лиц по личным заслугам Войску, по личным своим качествам. О существовании совета сбора атаманов „Главного Войска" можно заключить и из грамот Московского государства, упоминавших имена 3—5, иногда и 7 атаманов.

Таким образом, представители исполнительной власти, как в пределах самого Войска, так и в походе, являлись лицами выборными и носили всегда название атаманов. Московские царские грамоты содержат имя и отечество Войскового Атамана, а после обычно всем „атаманам и казакам"; слово „атаманам" применялось в смысле — властям.

Само же Войско Донское в грамотах городкам писало: „атаманам и молодцам". В письменных сношениях с запорожцами и в других документах никогда не называло их казаками, а неизменно: „запорожскими черкасами", а в обращении называло „рыцарством"; обратно, обращение к донским казакам запорожских было с названием „рыцарству" или „атаманам и молодцам".

Наконец, к другим Войскам — своим колониям, метрополия — Донское Войско обращалось так, как видно из грамоты 1614 года:**) „Великому и славному рыцарскому и Волжскому, и Терскому, и Яицкому войску, и всех рек пресловутых господам атаманам и казакам и всему Великому Войску"; на обороте же была надпись: „атаманам и молодцам".

*) № 56. Акты Истор., т. II (1613—1645 г. г.) СПБ, 1841 г. стр. 476—477.

**) Донск. д. за 1614 г.

Слово „молодцы“ было тождественно слову „рыцарство“ и слову казаки. Это слово молодец (младшая дружина) было известно Киевской Руси и Новгородской республике и оттуда было, вероятно, и принесено. Поиски новгородцев назывались молодечеством, как говорили мы, поэтому и Иоанн III уход на Дон новгородцев и вятчан, переселенных на окраины, называл „молодечеством“.

Территорию Донского Войска проф. Сватиков в своем труде определяет так:*) „Территория Войска Донского определилась уже в самом начале его существования. Это был бассейн реки Дона, кроме его верховьев и бассейны рек — Бузулука, Хопра, Медведицы и Донца. Исторические изменения в границах Войска были сравнительно незначительны. Страна, лежавшая за рекой Доном, к югу, была пустынна: там до 1784 г. кочевали ногайские татары. Крайней границей Войска на запад долгое время было место слияния с р. Аксаем.**) Фактически, несмотря на существование при выходе в море, мощной турецкой крепости Азова, казаки ловили рыбу и в „гирлах“ (дельте) Дона, а были периоды когда они (в XVI в. и в 1637—1643 г.) владели и Азовом, взявши его с боя. На запад от устья Дона они владели фактически землями до р. Калмиуса и перебирались даже за нее. На востоке граница была довольно неопределенной. Здесь колонизация Волги казаками (носившими здесь название волжских) столкнулась с правительственной колонизацией Московского государства“.

Постройка Московским государством крепостей по р. Волге, особенно прочное владение г. Астраханью в устьи Волги Московским государством, произвело разрыв территории Казакии, между Донским Войском и колониями ее. На севере „места, занятые донскими казаками простирались по началу от низовьев Дона до царской „украины“ и доходили по Дону почти до теперешнего Воронежа, где им принадлежал Борщевский Троицкий монастырь (осн. 1613 г.), а на северо-востоке до, так называемых, „Шацких ворот“, где на реке Цне находился другой принадлежащий им же Черниев-Никольский монастырь (осн. 1573 г.)“.

Мы уже указывали, что по Хопру и Медведице сохранялись казачьи городки со времен существования в степной полосе Сарайской и Подонской епархии. После выдвижения Московской пограничной линии, после постройки на южной окраине его городов-крепостей, казачьи городки с верхних Хопра и Дона передвинулись на юг. Это не было следствием только одного выдвижения на юг московской окраины, а и того что в пределах

*) № 50. Проф. Сватиков. стр. 16—17.

**) У „Кобяковой казны“, где до 1569 г. был расположен городок Донского Войска — Атаманский.

Казакиии было много свободных пространств, более благоприятных для звериного и рыбного лова и вообще для условий существования, чем вблизи Московской окраины. Граница Донской республики на севере определялась в XVII в. устьем реки Баучара, где возник позже г. Богучар, и устьем р. В. Вороны, впадением ее в Дон (г.г. Хоперский и Пристанский).

И после продвижения еще далее на юг Московской окраины в XVII в., после постройки г. Усерда (1641 г.), Тамбова (1638 г.) и Пензы (1666 г.) между окраиной территории Донской республики и Московского государства оставались еще сотни пустого, неоселенного пространства.

Территория Донского Войска была сильно урезана уже после потери им своей государственной независимости, после подавления восстания Донского Войска при Атамане Кондратии Тимофеевиче Булавине Петром I (1707—8 г.).

Все поселения донские — городки, зимовища и юрты были расположены в долинах р. Дона и его притоков. Столицей (Главным Войском) до 1569 г. Донского Низового Войска, можно полагать был Атаманскнй городок, а Донского Верхового, вероятно, Медведицкий или Раздоры на Медведице. После 1570 г. до начала XVII в. (1612 г.). Главным Войском были Раздоры Донецкие со всеми городками острова, а после того г. Черкасский со всеми городками Казачьего Острова.

В первой половине XVII в. только по одному Дону, не считая его протоков, было 35 городков, а ко времени потери Донской республикой независимости (1671 г.) их было уже 52. Это увеличение числа городков об'ясняется не увеличением численности Донского Войска, не притоком откуда то извне, а исключительно перемещением на юг казачьих городков, бывших выше устья р. Баучара по Дону и выше устья Вороны, по ней и Хопру, а по Медведице выше устья р. Терсы (г. Красноярского).

Территорию Волжского, Яицкого и Терского Войск за отсутствием исторических документов установить не представляется возможным.

Устанавливается лишь то, что городки Волжского Войска простирались от устья Камышинки и почти до Царицына, между которыми и был расположен главный городок — Дубок, вероятно, городок переместившийся с р. Хопра. На западе Волжское Войско было тесно связано с Донским Верховым Войском. Уже с конца XVI в. волжскими казаками, следовательно и Войском, называли казаков городков, расположенных только по Волге выше Царицына.

Яицкое Войско занимало долину нижнего и средней части р. Яика. Главным городком их был г. Яик. Гребенское и Терское Войско слились в одно Терское Воиско еще в XVII в. Занимало оно нижнюю часть р. Терека. Гл. городком Войска

был — Терки или Терский, а гребенских казаков являлся Черленый.

Территория Казакии, на которой в XVI в. возникли республики Вольного Казачества — Донское, Волжское, Яицкое и Терское Войска, не представляла цельности владения: они разобщались московскими крепостями на р. Волге (г. Царицыным и Астраханью) и кочевьями татар Большого и Малого Ногая, но единство Казакии заключалось прежде всего в том, что в республиках Казакии обитал единый народ: по своему происхождению, психологии, идеологии, религии, деятельности и быту — донские казаки, единые и по государственному устройству.

Выше было сказано, что „жалованье" и военная добыча, особенно при самостоятельных походах, были главными источниками существования Вольного Казачества. Продажа пленных и получение выкупа за них, если попадали в плен видные лица, как например, во время Смутного времени взятый в плен азовский паша Мустафа*), или взятый на Азовском море в 1615 г. Измецкий паша, после сидевший „на окупу" в Черкасском за 30400 золотых, также были одним из доходов Войска.

„Царское жалованье" уплачивалось Донскому Войску сначала за пропуск московских и турецких послов в Турцию и обратно и провожание их, за содержание отбитых казаками „русских" пленных, за добывание и посылку „вестей" о готовящемся вторжении татар в Московские пределы; за установление перемирия с Азовом на время пребывания московских послов в Турции. Сначала Донское Войско брало обязанность на себя заключение перемирия только на время пропуска их в Азов и обратно. Но московское правительство не увеличивая жалованья, а угрозой лишения, пользуясь экономическим затруднением (главное отсутствием у казаков своего хлеба) навязало обязанность за те же размеры жалованья заключать мир или перемирие на все время пребывания московских послов в пределах Турецких владений. А с 20 годов XVII в. стало настойчиво домогаться и своего решающего влияния на заключение мира с Турцией Донским Войском.

Постоянного писанного договора между Московским государством и Донским Войском не было; не было установлено и постоянной суммы жалованья. Обычно московская грамота просила о выполнении конкретных задач и сопровождалась обещанием: „а мы вас за ваши службы жаловать хотим". Из грамоты 1570 г. видно, что царское жалованье состояло: из денег, селитры, свинца и сукон, но количество его неизвестно. Это жалованье было дано атаману Михаилу Черкашенину, за частную услугу Московскому государству — за сопровождение от г. Ряжска через

*) Мо. Д. Тур. 1616. г.

Дикое Поле турецкого посла в Азов. Из грамоты же 1593 г.: „царское жалованье", посланное на Дон, заключало 30 пудов селитры и серы (для выделки пороха), 30 пудов свинца, 100 поставов сукна, 100 пост. холста, 100 четв. сухарей, 40 четв. круп.

После Смутного времени в Посольском Приказе была исчислена сумма денег, необходимая как поддержка Донскому Войску, отвечавшая, более или менее, действительным потребностям. Это жалованье было определено в размере: 7 т. четей хлеба, 500 ведер вина, 230 пуд. пороху, 150 свинцу и 17,142 р. ежегодно.*)

Но царем Михаилом Федоровичем было очень скоро забыто, кому он обязан Московским престолом, и жалованье стало посылаться значительно меньше исчисленной суммы и не каждый год. В действительности же Войско до 1642 г. не получало от своего союзника, Московского государства, свыше 2 т. четей хлеба и 2 тыс. р. и то не каждый год. Денежное жалованье доходило иногда до 5 тыс. рублей, но тогда не присылалось ничего другого. Исключительно искусное твердое в своей политике с Турцией и Крымом, особенно в ведении вооруженной борьбы с ними, в отношение своего союзника, Донское Войско не обнаруживало ни достаточного искусства, ни твердости. Между тем как моменты и условия для разрешения и экономических вопросов для него складывались очень благоприятно. Это было следствием одностороннего военного развития Донской республики.

Г. Котошихин, дьяк Посольского приказа, в своих записках (в 1666 году) высказывал свою, московскую точку зрения об этом жалованьи: „А посылается к ним на Дон царское жалованье денежное не гораздо по многу и невсегда". И, действительно, из этого жалованья приходилось (и только в год присылки) 7—8 фунтов муки на казака. Очевидно, что не этим жалованьем царским существовали донские казаки.

Главное значение имело в жалованьи „пороховая казна", т. е. материалы, присылавшиеся для выделки пороха и свинец. Без этой поддержки военными средствами Донское Войско, вне всякого сомнения, принуждено было бы искать себе другого союзника.

Был еще источник дохода у Донского Войска, — „окуп" (контрибуция), обычно получаемая с Азова при заключении с ним мира и, как видно из документа 1616 г., котлы, соль и сети рыболовные были выданы Азовом на все городки.**)

Донское Войско вело значительную торговлю с тем же Азовом во время мира или перемирия. Из документов 1592 и 1638 г.г. видно, что для торговли в Черкасск оттуда приезжали „торговые люди;" а из позднейших, видно, что азовцы приез-

*) № 43. Броневский. № 52. В. Энц. сл., ч. 6. Казаки.
**) № 57. Донские дела кн. I стр. 5—20.

жали в Черкасский городок, а казаки езживали в Азов. Происходила торговля и с ногайцами — пленными, лошадьми и скотом. Но наиболее важная и оживленная торговля происходила с Московским государством.

Некоторые историки приводят предание, что Донские казаки за участие в покорении Казани, или за покорение Ермаком Сибири получили право на беспошлинную торговлю в Московском государстве. О праве такой торговли не сохранилось документов ранее 1592 г. После Смутного времени это право, нарушенное при московском царе Борисе Годунове, было восстановлено в 1614 г.*).

„И мы вас, атаманов и казаков, за ваши многие к нам службы пожаловали: велели вам к нам в украинные (пограничные) города со всякими вашими товарами и без товаров к родимцам вашим ездить и с ними видеться повольно".

Этими товарами первоначально являлись, главным образом, пленные (ясырь) и предметы военной добычи, а после предметы рыбного и звериного лова. Из розыскного дела г. Белгорода во время блокады Дона Москвой (1630-1632 г.г.)**) видно, что торговля с окраинными городами была уже оживленной: на Дон шел главным образом: хлеб, крупа и разные „москательные товары", а от донских казаков шли: рыба — соленая и вяленая; шкуры — зубровые, лосевые; меха — выдры, бобра, соболя, черной лисицы и другие, а также пригонялись лошади. По заявлению белгородского протоиерея, в г. Белгороде, как и в других пограничных городах, все лошади были с Дона. Торговля шла так: обычно из городов собирались на Дон артелью с разрешения воеводы, за что нужно было платить подать и взятку, а потому чаще без такового, — каждый вез 4 четверти хлеба, кроме другого товара; эти четыре четверти на Дону менялись на 2 лошади, которые и пригонялись оттуда. Одна лошадь обычно отбиралась воеводой, так что лошадь фактически обходилась в 4 четверти хлеба.

Шли на Дон и для заработков разные ремесленники, и для участия в морских походах в качестве гребцов, что видно из документа 1623 г.***). „Казаки ходят на море, надеясь на то, что к ним из городов польских приходят на Дон многие люди со всякими товарами и с (хлебными) запасами и вином и на море с ними ходят".

Этот постоянный приток из Московского государства на Дон разного люда для торговых целей и для заработков, шедшего большей частью без воеводского разрешения, вызывал жалобы московского дворянства. Это давало для некоторых

*) № 57, стр. 12.
**) № 72. Прик. ст.; ст. 3, св. 57.
***) № 70. Д. Тур. св. 9, № 9.

историков основание предполагать, а иными утверждать, что Донское Войско пополнялось этим притоком (из великоруссов).

Этот люд, переменный для Дона, в ряды казачества не принимался. Из позднейшего документа (1688-89 г.), отписки Атамана Фрола Минаева, более ясно видно картина происходившего товарообмена: на Дон привозились: хлебные запасы, вино, мед; а из товаров — сукна, холсты, юфть красная, сапоги из телячьей кожи и другие москательные товары; с Дона вывозились: соль,*) рыба (свежая, соленая и вяленая), кожи — лосиные, зубровые; шкуры — бобра, выдры и иных зверей; шли, по прежнему, с Дона и лошади.

Главным, в чем нуждался Дон, был хлеб; он приобретался обменом и покупкой. Потребность в хлебе и в боевых припасах была главной связью Донского Войска с Московским государством, была основанием экономической зависимости его от последнего.

Донскому Войску представлялся выбор: или быть в постоянном союзе с Московским государством, или искать другого союзника. Им могла быть только Турция, но, согласно своему мировозрению и традициям, Войско отвергало последнюю как своего союзника.

Но экономическая зависимость, а следствием этого и военная, при тогдашних условиях, неизбежно вела к постепенному установлению и политической зависимости от Москвы.

Донское Войско по историческим условиям не могло использовать своих естественных богатств, за отсутствием свободных рук, постоянной военной обстановки, поэтому и не могло стать в то время при отсутствии союзников экономически независимой от Московского государства. Военные условия в то время не давали возможности развития: ни коневодства, ни скотоводства, а тем более, возникновению хлебопашества. Казаки вместо того, чтобы разводить скот и лошадей и рисковать терять его, продолжительное время предпочитали сами отбивать его у татар и турок.

Скотоводство, коневодство, садоводство начали развиваться лишь к концу XVII ст., благодаря увеличению населения от естественного прироста и от нового притока черкасов. Земледелие же начало развиваться лишь с конца XVII в.

Донское Дойско, благодаря историческим условиям: многочисленным врагам и малой численности населения, имело одностороннее развитие — военное, ратной деятельностью связано было все население. Служба Московскому государству войска Донской республики, постоянный союз с ним вытекал из необ-

*) Соль казаками привозилась с походов на Черное море, с середины же XVII в. соль стала добываться донскими казаками отчасти из Маныческих озер, а главное, в районе устья р. Тора, близ С. Донца, где возник вскоре казачий городок — Бахмут.

ходимости экономической. Для возможности обретения экономической независимости Донские казаки как народ, должны были неизбежно пройти этап соответственного развития, развития дававшего возможность использования естественных богатств, для чего необходимо было увеличение населения, или освобождение его от исключительно ратной деятельности и другие условия.

Во время образования Войск (республик) Вольного казачества, у составных первоначальных элементов: донских, запорожских, мещерских казаков и новгородцев не было единого языка. Главным языком являлся язык славянский. Путь образования единого языка был очень длительный.

Главная составная часть Вольного Казачества — донские казаки говорили исстари славянским языком; вследствие 100 летней службы Московскому и Рязанскому княжеству, жизни в пределах их, тесному общению с населением Московии, он обратился в великорусский (русский). У донских верховых казаков, яицких, волжских и у астраханских казаков, как известно, говор в настоящее время близок к рязанскому, что является следствием исторического близкого соседства и общения с Рязанским княжеством.

Донские казаки, во всяком случае значительная часть их, в свое время, во время пребывания в составе Золотой Орды владела и татарским языком, как государственным. Язык мещерских казаков был тюркско-татарским: к волжским казакам, в состав которых они вошли, Московское государство писало грамоты еще в начале XVI в. на татарском языке.*)

У казаков в их говоре и до настоящего времени довольно значительное количество слов тюркско-татарского происхождения. Е. Однобишин находил, что большинство этих слов свойственны киргиз-казацкому языку. Правильнее считать, что источники, от которых они были позаимствованы мещерскими и донскими казаками, были одни и те же — тюркские и монгольские народы.

Значительное обилие украинских слов, форм образования и оборотов речи этого языка у донских низовых казаков есть следствие значительного, если не преобладающего вхождения запорожских казаков в Донское Низовое Войско.

Главной причиной того, что у донских казаков не образовалось и не существовало особого своего языка является: у казаков был в основе славянский язык, и он неизбежно должен был подвергнуться влиянию и воздействию языков более развитых, имевших свою письменность, языков и народов, с которыми шло широкое общение — народов украинского и великорусского, последнего в особенности.

---

*) № 57. Донские Дела. Царские грам. Волжскому Войску 1615 г.

Источником влияния и воздействия как на языки указанных народов, так и казачьего являлся язык церковно-славянский, язык исповедуемой религии, но он являлся влияющим и на донских казаков.

Памятники письменности дают мало данных для суждения о языке донских казаков, эпохи их независимого государственного существования. Письменность эта сохранилась в виде отписок Донского Войска Московскому государству и „распросных речей", в Посольском приказе приезжавших в Москву донских казаков. Отписки писались войсковыми дьяками,*) а ими были попавшие в ряды казачества лица из черкасов (украинцев) или великороссов: своих школ на Дону в ту эпоху не было. Еще Сухоруков обратил внимание на то, что отписки Донского Войска XVII в. в сравнении с Московскими царскими грамотами и другими письменными памятниками несравненно выше по содержанию и изложению, что, безусловно, верно. Ясность, сжатость изложения отписок, обращение главного внимания на изложение сущности событий, а не форм, обрядовой стороны являются в них характерными. В отписках донских казаков применяются и сравнения, и ирония и противопоставления — приемы, свойственные Киевской письменности. В московских грамотах один и тот же предмет, одна идея „жуется" в изложении несколько раз. Донские отписки составлялись коллективно — советом атаманов, нередко всем Кругом Главного Войска, и во всяком случае при ближайшем участии атаманов — Войскового, Главного Войска и войсковых есаулов.

Исторические условия в Донском Войске не благоприятствовали к развитию многословия, выработали привычку схватывать сущность предмета, разбираться в обстановке, что рельефно обрисовывается во всех отписках Донского Войска и в распросных речах казаков.

Но войсковые дьяки излагали отписки московским книжным языком, не только по необходимости, но возможно, что старались и блеснуть им. Характерные выражения, слова казаков, формы мышления встречающиеся в отписках и „речах", являются доказательством того, так называемый, „провинциализм" казачьего говора, ведет преемство еще с XVII в.

Другим памятником казачьего говора и древней устной словесности являются старинные казачьи песни. Но они стали собираться сравнительно в недавнее время, а поэтому из них большинство утеряны и не изучены в достаточной мере.

Самыми древними песнями являются былины об Ермаке, более древних не сохранилось. Но это не служит доказательством того, что раньше этого времени казачьего народа, или,

*) Войсковой дьяк соответствовал Войсковому (генеральному) писарю в Запорожье и на Украине.

во всяком случае, главного элемента, из которого образовалось Вольное Казачество — донских казаков, не существовало. Если бы стать на такую точку зрения, то пришлось бы отрицать бытие многих народов в известные эпохи, потому что не сохранилось у них памятников словесного творчества от древнего времени. У многих народов они сохранились потому, что в свое время они были закреплены письменно.

Как известно хранительницами бытовых обрядов и песен являлись всегда женщины, они же являются хранительницами и чистоты языка. У Вольного же Казачества, как мы указывали, как во время образования Войск (республик), так и в дальнейшем очень значительное число казачьих жен было из пленниц разных народов, следовательно и чистого материнского языка не смогло существовать. Это обстоятельство было также одной из главных причин почему не могло образоваться своего особого казачьего языка; это условие и помешало сохранению древних песен, сказок — вообще памятников словесного народного творчества. Для сохранения их необходимо, чтоб и язык был понятен и понятны и близки самый сюжет и события.

Песни сохранились от того времени, с которого события стали общими едиными для всех составных элементов Вольного Казачества, для него всего в целом. Как устанавливают исследования, былины об Ермаке Тимофеевиче и песни о Степане Тимофеевиче Разине сложены по образцу Киевских былин и Новгородской былины о Садке.*) Совершенно неизвестные или забытые в Великороссии (Московии) они до последнего времени сохранились в областях бывшего В. Новгорода и Вятской республики. В Вольное Казачество они и были принесены новгородцами-вятчанами и по образцу их новгородцами-казаками же была сложена и былина об Ермаке Тимофеевиче.

В числе новгородцев-вятчан на Дон эмигрировали, бежали от московской плахи, представители высшего сословия — боярства, духовенства, купечества, воеводы; эмигрировали они с женами и первое время, как превосходившие в культурном отношении другие элементы Вольного Казачества, вероятно, не смешивались с ними. Новгородцы-вятчане и явились первоначальными творцами казачьей песни, а жены их хранительницами. Былины об Ермаке и Разине, как связанные с общими для всего Вольного Казачества местами — р. Волгой, р. Доном, Камышинкой и общими известными именами — Ермака Тимофеевича и Степана Разина, и стали общим народным достоянием, дорогим, для всего Вольного Казачества. Казачьи песни в отношении своего языка и исторического происхождения и в других отношениях еще ждут своего исследователя, они, как раз, дают ценное для пояснения, или об'яснения многих исторических событий.

*) Сборник казачьих песен. М. Я. Яковлев. Народное песнотворчество об атамане Степане Разине 1924 г.

Так единственная былина, более раннего происхождения, чем об Ермаке — былина „О Севруке", является не только подтверждением пребывания Азовских казаков на юго-западной окраине Московского государства, в бывшем Переяславском княжестве, но и на рознь их с бывшими уже здесь казаками и культурное превосходство над последними.

Двухвековое пребывание казачьего народного организма в составе Российского государства, отбывание военной службы всех казаков в полках, где был обязателен русский государственный язык, влияние русской школы и другие условия — привели к тому, что и материнским языком у донских казаков и у всех ведущих начало от них, является в настоящее время — язык русский.

Интерес и необходимость изучения казачьего местного говора заключается, конечно, не в образовании своего особого казачьего языка, что со стороны стремящихся к тому, является ошибкой и заблуждением, вещью безнадежной и бесполезной, а для выяснения и пояснения культурных и других влияний и воздействий, выяснения источников их.

Так предметы конного снаряжения, конного ратного дела, как и название лошадей, мастей их — тюркско-татарского происхождения, что указывая источник позаимствования, свидетельствует о пребывании Донских казаков в составе Золотой Орды, их главную деятельность тогда.*) Названия рыб того же происхождения, это указывает, что рыбный лов во время существования Подонской епархии у донских казаков был главной основой народного хозяйства.**)

Главное судно, на котором совершались казаками походы на море — струг, новгородского происхождения, новгородцы были мастерами и учителями судоходства; слова, обозначающие одежду, преимущественно тюркско-татарского происхождения, это указывает на древность и источник происхождения.***) Предметы народохозяйственной деятельности, быта и пищи разного происхождения, но преимущественно тюркско-татарского.†) Некоторые из приведенных слов известны и великороссам, но это ни в какой мере не указывает на то, что они были позаимствованы казаками у великороссов, последними они позаимствованы у того же источника у тюркско-монгольских народов.

---

*) Маштак, лошак, аргамак, тарпан; арчак, тебенек, саква, ногайка, аркан, чумбур; карый, каурый, буланый, бурый, соловый, караковый, пегий; караул, лава, есаул, и т. д.

**) Секреть, сула, сазан, ласкирь, севрюга, белуга, чехонь, тарань; вентерь (рыболовный снаряд); кукан и т. д.

***) Чекмень, кафтан, епанча, зипун, шаровары (шальвары) папаха, учкур, сорочка, чулки, чирики, чуга, кубелек, колпак.

†) Карагод, баз, хата, курень, скирда, бурда, сарай, казан, рыдук, ухналь, терпуг; борщ, щерба, сюзьма (арьян), каймак, нардек, лапша, котламы, бабышка, пышка, пирог (хлеб).

Сельско-хозяйственная культура, начавшая развиваться на Дону с XVII в., шла с Украины, что устанавливается исторически и мы находим подтверждение в усвоении казаками украинских названий*) и использовании вола главной рабочей силой, как и на Украине, неизвестного Великороссии: в ней рабочая сила — лошадь.

В настоящее время материнским языком, как мы говорили, является русский. Вследствие исторических условий, на которых мы имели возможность остановится лишь вкратце, язык донских казаков и других является наиболее близким языком к литературному русскому языку, чем говор любой части, бывшей России, даже самой Великороссии.

***

Нами уже указаны источники культурных влияний и воздействий на Вольное Казачество, внутреннее содержание свойства и качества основных элементов. Главным культурным элементом вырисовываются новгородцы — вятчане. Внесенное новгородцами особенно упорно сохранялось казачками. Казачий национальный женский костюм — кубелек**), казачья женская шуба, особого покроя, с меховой опушкой рукавов и низа, — сохранявшиеся на Дону еще в конце прошлого столетия — новгородского происхождения. Того же происхождения были металлические пояса из пряжек, принадлежности кубелека, и браслеты. Головной женский убор, сохранявшийся на Дону до конца XVII в., также новгородско-вятского происхождения; он сменился татарским шелковым вязаным колпаком.

Но было бы ошибочным считать, что Вольное Казачество ограничивалось сохранением только того, что внесли в Вольное Казачество элементы, образовавшие его и то, что привозили зимовые и легкие станицы из Москвы. Источники влияний и позаимствований были значительно шире, чем у нее самой, отрезанной в то время от остального мира, представлявшей обособленную народную темницу.

Участие донских казаков в событиях Смутного времени познакомили их не только с порядками и бытом московским, но и с польским и украинским; естественно неизбежны и позаимствования. Донское Войско имело постоянное и широкое общение с Запорожским Войском, а через него с Украиной и Польшей. Донские казаки нередко посещали и Киев. Отряды донских казаков вместе с запорожскими казаками участвовали как наемные войска в 30-ти летней войне в Зап. Европе, против Густава Адольфа. Случалось, что вместе с Запорожскими казаками они

*) Жито, ярмо, войе, чепега, заноза, квач, налыгач, люшня, название мастей волов и т. д.

**) Но и самими новгородцами — вятчанами кубелек, вероятно, был позаимствован из Камской Болгарии, название, безусловно тюрского происхождения.

ходили на службу и к польским королям. В 1683 г. донские казаки, участвуя с запорожскими в победе над турками под Веной польского короля Яна Собеского, были не только участниками, но и главными виновниками победы, составляя главное войско — отборную пехоту. Таким образом, Донское Войско в эпоху своей государственной независимости было связано, хотя и периодически, с Зап. Европой.

Вне всякого сомнения были знакомства с военным делом, позаимствования техники, прежде всего в пушкарском деле. И мы находим историческое доказательство тому. Во время бессмертного „Азовского сидения" (в 1641 г.), 6 тыс. казаков и 700 казачьих жен были осаждены 150 т. армией турок, в которой участвовали все подвластные Турции европейские и азиатские народы, казаки превозошли противников не только мужеством, военной доблестью, но и искусством ведения крепостной борьбы, ведения артиллерийского и ружейного огня, что признавали сами турки. Превозошли их донские казаки, судя по запискам главного муфтия*) осаждавших войск, и в искусстве ведения минной войны, несмотря на то, что в состав турецких войск входил 6-ти тысячный корпус западно-европейцев, специалистов ратного дела. Муфтий указывает не только на уменье казаков скрываться под водой долгое время при помощи камышины, что доставляло много огорчений туркам, но и указывает на применение казаками подводных мин, изобретения казаков, неизвестного Зап. Европе.

У Донского Войска стояли на высокой ступени по доблести и по искусству не только их конница, но и пехота, и артиллерия и морской флот. Донским казакам, вследствие малой численности Войска, приходилось быть универсальными воинами — это требовали исторические условия жизни.

Это высокое состояние ратного дела у Донского Войска об'ясняется знанием противников и главное достаточным общением с Зап. Европой, хотя бы в области военного дела, в ту эпоху для Донского Войска являвшейся главной.**)

Но едва ли влияния и позаимствования ограничивались одной военной областью, они распространялись во всяком случае и на позаимствование предметов материальной культуры. Так, например, питье кофе у донских казаков, обратившегося у донских Низовых казаков, в национальный напиток, существовало уже во 2-ой половине XVII в.

Был и другой способ общения казаков с иноземными странами. Донских казаков попадало в плен к туркам довольно зна-

*) № 59. Зап. Од. Общ. 1872 г. т. III. Записки Муфтия Эвлии о неудачной осаде Азова турками.

**) Обрисовка ратной деятельности Донского Войска в XVII в. не служит темой 1-ой книги, она является одной из тем 2-ой книги Истории Казачества.

чительное число, преимущественно во время морских походов. Этот плен не является показателем недостатка доблести или мореходного искусства. Нападения казачьих стругов, часто безо всякой артиллерии, на военные турецкие корабли, частая победа над ними, взятие укрепленных городов на Крымском и Анатолийском побережьях Черного моря требовали и исключительной доблести, и высокого мореходного искусства, сродства с морской стихией. Но условия морских походов и боя делали плен иногда неизбежным, когда, например, буря выбрасывала и разбивала казачий струг.

Бывали случаи, когда донским казакам приходилось пробыть в плену 20, 25 и даже 30 лет. Но большинство выбирались из него сравнительно скоро. И где только, в каких условиях и на каких только ролях не приходилось бывать казакам? Из исторических документов видно, что казакам приходилось участвовать в качестве гребцов-невольников в бою турецкого с испанским флотом, быть и в Венецейской и Цесарской земле, видеть папу Римского и гроб Магомета, бывать и во Франской земле, и в Иерусалиме. Одним удавалось выбраться из неволи, пройдя многие земли, через Краков; другим пройдя Персию через г. Астрахань, иным через Запорожье, большинство отбивали сами казаки. Следствие этого прибывания казаков среди разных народов, в разных землях обрисовывается, напр., из расспросной речи группы, выбравшейся из турецкого пленения через Краков.*)

Их сведения о политических делах в государствах Зап. Европы, показывют несравненно больший кругозор, чем таковой обрисовывается в отписках московских послов своему государю.

Если мы все изложенное сопоставим с положением и состоянием Московского государства, с взаимоотношением Донского Войска с ним, разницу природы их, то прийдем к выводу, что Донское Войско имело общение и влияние в эпоху своей государственной независимости из Зап. Европы, несравненно больше, чем само Московское государство.

Что касается предметов и изделий материальной культуры, то даже во время тесного прибывания Донского Казачества в составе Российского государства, до половины прошлого столетия до соединения центральной Великороссии с Доном железнодорожной линией и проведения соответственной Российской политики — продукты и товары потребляемые Доном, шли из-за границы через Черное море.

Если мы вспомним значение Дона и Волги как мирового торгового пути сначала нашей эры, значимость и связь Казакии, ядра Хозарской империи с западом и вообще цивилизованными странами мира, связь Донского Казачества (Подонской епархии) благодаря торговли генуезцев, (Азова) с

*) Дела турецкие 1617 г.

Зап. Европой, наконец, торговую и культурную связь Донского Казачества, правельнее всей Казакии, во время государственной независимости, несмотря на упорные войны с Турцией, — то эту связь и тяготение нельзя не признать географической и исторической необходимостью и неизбежностью для Казакии.

Казакия культурно и экономически часть Запада, а не Востока, таковой она была во время своей независимости и по роли выполненной ею — как заслона, барьера для народов Востока против Запада.

Казалось бы, что наиболее сильное влияние Московского государства на донских казаков во время их независимого государственного бытия, должно было сказываться в области религиозной.

Исторические документы устанавливавают очень высокую религиозность донских казаков; она была одной из основ казачьего быта. Религиозная идея была основой вооруженной борьбы донских казаков, как мы уже говорили, против магометанских народов, господствовавшей над другими идеями.

На краю Донского Войска существовали, вне пределов военной опасности, монастыри: в Шацке — (Никольский, с 1573 г.) и в Борщеве (с 1615 г.), но в XVII ст., уже в пределах самой территории Донской республики, хотя и в пределах военной опасности: Медведицкий (с 1613 г.), Мигулинский, Кременской и Чирской (временно). Все монастыри были мужские. В них Донские казаки врачевали недуги не только духовные, но и телесные. Посещали „по обету" донские казаки монастыри и Киевские и Московского государства, в числе их на крайнем севере — Соловецкий. Церковь в Раздорах Донецких существовала уже в XVI ст., как это можно судить по вкладу, сделанному княгиней Сицкой в память кн. Георгия Сицкого:*) о часовне в Черкасске впервые упоминается в 1616 г., но она, вероятно, существовала уже раньше.

У низовых донских казаков часовни около середины XVII ст. существовали во всех городках; у верховых же казаков, где опасность нападения на городки была меньшей, часовни и церкви существовали еще с XVI ст. В северной же части территории Дона церкви сохранялись, вероятно, со времени существования Подонской епархии.

Духовенство на Дону состояло, преимущественно, из вдовых священников и иеромонахов. Все священники имели священническое посвящение в Киеве или в Москве. Духовенство на Дону было совершенно не подчинено Московскому. Московские мит-

*) Е.Ознобишин. Д. О. В. 1875 г., № 5. Кн. Георгий Сицкий по изысканиям Е. Знобишина был сыном кн. Василия, убитого на войне с Стефаном Баторием, судьба сына неизвестна. Князья Сицкие были выходцами из кн. Литовского и были „кормленными князьями" В. Новгорода.

рополит и патриарх не поминались в церковных службах на Дону. Существававшее в последнее время церковное устройство на Дону было введено по вхождении Донского Войска в состав Российского государства, после упорного и длительного сопротивления, уже в XVIII ст.

Церковь в Донской республике, если не являлась автокефальной юридически, то являлась таковой по существу, практически. Духовенство на Дону и религия в Донском Войске во время независимого государственного бытия не играло государственной роли, не были на службе государства, они имели сдавлеющую ценность и значение, что было полной противоположностью положения церкви в Московском государстве. И религиозные восприятия и выявления у донских казаков были совсем иные, чем у великоруссов. Очевидно, что религиозное устройство на Дону, не имея московских начал, имело иное происхождение.

Е. Ознобишин, специально изучавший Донскую церковную старину в течение 5 лет (1870-75 г.г.) дает весьма ценные указания:*) „Духовенство Вятское было совершенно независимо от своей митрополии и Московского митрополита". Эти идеи церковной независимости, как считает Е. Ознобишин, вятчане и принесли на Дон. Делая свое заключение о новгородско-вятском влиянии на Дон, г. Е. Ознобишин подтверждает данными своих церковно-археологических изысканий. Он говорит, что церковный стиль новгородский резко, даже в своих основах, отличается от московского. Последний является позаимствованием византийского, а в новгородский вошли основы языческого храма.

Особенностями новгородского стиля являлись: восьмигранное основание храма; фасад в 3, 4, 5 ярусов; купол в виде шатра с яблоком и 8-конечным крестом; обвишка гонтой и окраска желтой краской. Новгородские церкви строились самими новгородцами, известными исстари как искусные плотники.

„Иконостасы новгородских церквей по всем новейшим исследованиям, в том числе и Костомарова, были не высокие, вроде нынешних католических, и резьба на иконостасах была сквозная, цветная из сочетания любимых новгородских цветов — красного с синим, или зеленого с серебряным и желтого".

Храмы, построенные новгородцами до XVI ст., безошибочно можно отличить по трем признакам: плану фасаду и резьбе иконостаса**).

*) Е. Ознобишин. Донские Обл. Ведомости, 1875 г., №. 5.

**) Наиболее сохранившейся церковью новгородской постройки на Дону Е. Ознобишин считал Успенскую церковь в сл. Гуляевке, перенесенную лет за 40 (до 1872 г.) с р. Иловли. Затем Е. Ознобишин церкви новгородской постройки обнаружил в ст. Урюпинской (перенесена из сл. Купавы с р. Кардаила, где существовал древний казачий городок), в ст. Петровской на р. Хопре (перенесена), в ст. Голубинской, ст. Сиротинской,

Любимым святым Новгородской республики был св. Николай Чудотворец, и на Дону большинство церквей было в честь этого святого. Далее Е. Ознобишин указывает ряд церковно-бытовых обрядов, сохранившихся еще на Дону, и бывших только в В. Новгороде.

Донские историки, занимавшиеся исследованием происхождения старинного казачьего дома-куреня, как например, Сулин, приходили к выводу, что он по типу постройки, безусловно, новгородского происхождения, и обычная окраска его в жёлтый цвет, установилась вероятно, преемственно от новгородцев.

Влияние новгородцев и вятчан на донских казаков было вообще очень большое, но по этому не следует преувеличивать количества их, вошедшего в состав Вольного Казачества при образовании его. Естественно, что новгородский элемент обнаруживается резче главного элемента — донских (подонских) казаков, так как о Новгородской республике, о народе ее сохранилось больше исторических документов и памятников; они несравненно яснее исторически обрисованы, чем предки донских казаков во время службы их Московскому государству и во время существования под владычеством татар.

При покорении менее культурным народом более культурного, последний подчиняет всегда своему влиянию и часто культурно побеждает победителя. Естественно, что при сложении разных элементов при образовании Вольного Казачества, где не было победителей, а было сложение добровольное, по необходимости к взаимной выгоде, — осуществления свободной жизни, новгородцы, как дополнительный элемент, но самый культурный, имели во многом, руководящую роль.

Пополнение в Вольном Казачестве новгородцами и вятчанами донских казаков являлось большим благом для него и не только в культурном отношении: это был стойкий и непримиримый элемент в отношение всего московского, он увеличивал силу сопротивляемости от влияний и воздействий опасного соседа Вольного Казачества — Московского государства.

Историческая жизнь Донского Войска в период независимого существования, в период вассалитета и после вхождения и существования его в составе Российского государства, в разных формах имеет достаточное количество документов, освещающих эту жизнь, во всем не похожей, во многом противоположной

ст. Еланской, Усть-Бело-Калитвенской, в хут. Яминском (бывшей станице); по сведениям притчта и старожилов, Е. Ознобишин установил, что церкви новгородской постройки были: в ст. Цымлянской, Качалинской, Усть-Хоперской, Перекопской, Раздорской на Дону, Раздорской на Медведице, Провоторской, Арженовской, Ярыжинской; сведения подтверждались остатками резьбы иконостасов и другими предметами.

жизни и сущности русского (великорусского) народа; имеется в настоящее время и капитальный труд, освещающий это.*)

И этот особый мир, свои казачьи начала явились, конечно, не из отрицания московских (великорусских), а из тех положительных основ, которые имели составные элементы, образовавшие Вольное Казачество. Они и развитие их дало силу сопротивления, противодействия и противопоставления началам русским (великорусским) и возможность осуществления независимой государственной жизни.

И, несмотря на 2-вековую служебную роль в отношении Русского государства и русского (великорусского) народа, донские и другие казаки, происшедшие от последних и оставшиеся им родственными, сохранили свою идеологию, свою психологию, свое национальное самосознание, свой внутренний мир, особый от мира великорусского, и несмотря на общность языка с ним, являются отдельным, особым от него народом.

Новгородская, Вятская, Псковская Республики, будучи разгромлены Московским государством, погибли. Население их, бывшее отличным от московского, совершенно ассимилировалось с ним. Но особый мир, существовавший на Востоке Европы, противоположный московскому не погиб.

Создался новый мир, — Вольное Казачество. Оно физически происходя, главным образом, из донских казаков, наследия Казакии, духовно является наследником и В. Новгорода.

Вольное Казачество — Казакия — было и есть особый мир от Московского (русского). Эти два мира всегда были противоположными и всегда враждебными друг другу, как следствие различной природы казачьего и русского (великорусского) народа. Итак — донские казаки являются особым славянского происхождения народом на Востоке Европы. Если же мы примем во внимание, что вхождение извне в состав Донского Казачества, прилив чужой крови совершенно прекратились только в начале XVIII в. т. е. 200 с небольшим всего лет назад, после чего оно стало развиваться в самом себе то должны признать, что Донское казачество является самой молодой национальностью в Европе.

КОНЕЦ I-ой КНИГИ.

*) Исключительно ценным трудом по сбору материалов с 17-го в. и до революции является труд проф. Сватикова — Россия и Дон.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ.

№№

А. ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ.

1. Татищев В. Н. История Российская (в Чтен. Имп. Общ. — № 58).
2. Карамзин Н. М. История госуд. Российского, т. I-XII СПБ. 1892.
3. Погодин. Исследования и лекции по Русской Истории.
4. Полевой В. История русского народа. 1830 г.
5. Арцыбашев. Повествование о России.
6. Соловьев С. История России с древнейших времен. Издание IV. 1866 г.
7. Ключевский проф. Курс Русской Истории, ч. I. Петр. 1920 г.
8. Костомаров. Русская История, ч. I-III.
9. Забелин И. История русской жизни с древнейших времен.
10. Мартынов И. История Геродота. СПБ. 1828.
11. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПБ. 1896.
12. Семенов И. Библиотека иностр. писат. СПБ. 1836.
13. Гаркави. Известия мусульманских писателей о славянах и руссах СПБ. 1870.
14. Гаркави. Изв. византийских историков и географов о славянах и руссах СПБ. 1872.
15. Хвольсон. Известия о хозарах. СПБ. 1869 г.
16. Штриттер. Известия византийских географов о Россах и Славянах. Москва. 1776 г.
17. Василевский. Византия и печенеги. СПБ. 1906.
18. Ламанский Вл. О славянах в Малой Азии и Испании СПБ. 1859 г.
19. Гедеонов. Варяги и Русь.
20. Нидерле Л. Быт и культура древних славян. Пр. 1924 г.
21. Самоквасов Д. Я. Происхождение русского народа М. 1908 г.
22. Самоквасов Д. Я. Северянская земля по городищам и могилам. Москва. 1908 г.
23. Морошкин Ф. Л. Истор. критич. исслед. о руссах и славянах. СПБ. 1842 г.
24. Кеппен П. О древностях южного Крыма и городов Таврических. 1828 г.
25. Кулиш П. А. История воссоединения Руси, т. I. СПБ. 1874 г.
26. Маркевич. История Малороссии, т. I. 1842.
27. Эварницкий. История запорожских казаков. СПБ. 1892.
28. Конисский Г. История руссов и Малой России. М. 1846 г.
29. Шелухин С. П. проф. Назва України. Вид. 1925 г.
30. Грушевский проф. История Украины-Руси. Київ. 1907 г.
31. Летописное сказание о народах Малой России и казаках вообще. Изд. 1848 г.
32. Костомаров Н. Собрание сочинений, т. I-III. СПБ. 1903 г.
33. Снегирев И. Древнее сказание о победе вел. кн. Дмитрия Ивановича Донского над Мамаем. Москва. 1829 г.
34. Языков. Собрание путешествий к татарам XIII-XV ст. (Плано-Карпини) СПБ. 1825 г.
35. Попов Х. И. Краткий очерк Донского казачества. Нов. 1907 г.
36. Новиков Н. Древняя Российская Вивлиофика, т. I-XX. СПБ. 1788-96 г.
37. Герберштейн С. бар. Записки о Московских делах.
38. Сасский И. Книга глаголемая Большой Чертеж. М. 1846.
39. Ключевский В. Сказания иностранцев о Московских делах. СПБ. 1918 г.
40. Чекалин Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII ст. Сар. 1892 г.

41. Перетяткович. Поволжье в XV-XVI ст. Очерки из истории края и его колонизации. Москва. 1877 г.
42. Ригельман. Повествование о Донских казаках. 1848 г.
43. Броневский Вл. История Донского войска, т. I. 1834 г.
44. Сухоруков В. Д. Статистическое описание земли Донских казаков. Составл. 1822-32. Нов. 1891 г.
45. Сухоруков В. Д. Историческое описание земли войска Донского. Новоч. 1903 г.
46. Пудавов В. М. История Донского войска и старобытность начал казачества. Нов.
47. Савельев Е. П. История Дона и казачества. Нов. 1890 г.
48. Градовский. Национальный вопрос в истории и литературе. СПБ. 1873 г.
49. Курбский А., кн. История вел. кн. Московского. СПБ. 1902 г.
50. Сватиков С. Г. проф. Россия и Дон, 1924 г.
51. Котошихин Гр. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. III. СПБ. 1884 г.
52. Военно-энциклопедический лексик., т. I-XII. СПБ. 1837-47 г.
53. Лишин А. А. Акты, относящиеся к истории войска Донского, т. I. Нов. 1891 г.
54. Прянишников. Материалы для истории Донского войска. Нов. 1864 г.

Б. ИЗДАНИЯ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ.

55. Полное собрание русских летописей, т. I-XIII. Изд. Археогр. комиссии. СПБ. 1841-1908 г.
56. Акты исторические, собр. и изд. Арх. ком., т. I (1354-1598 г.)
57. Русская истор. библиотека. Изд. Археогр. комиссии, т. VI — 1880 г., т. I — 1898 г. (Донские дела). т. XVIII, XXV.
58. Чтения в Импер. Общ. Истории и Древн. Российских при Московском Университете — 1846-59-73-97 гг.
59. Записки Одесского общ. истории и древн., т. I — 1844 г., V — 1863 г., V-XIII — 1877 г.
60. Университетские известия. Киев, т. I-VIII — 1883 г., (Н. Голубовский).
61. Записки Академии Наук СПБ, т. V — 1865 г., т. X — 1867 г.
62. Журн. Минист. Нар. Просвещения, т. V — 1855, т. I-X — 1871 г., т. VIII 1877 г., т. X — 1886 г. т. — III — 1887 г.
63. Сборники Донск. Обл. Статист. Комит., т. I-XVI. Нов.
64. Донские Обл. Ведом. с 1851 г.; 1874-75 г. — Е. Ознобишин. К вопросу о происхождении казачества.
65. Донской Вестник, 1873-79 г. Нов.
66. Донское Поле, 1889-91 г. Нов.

В. КОПИИ С АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ, ХРАНИВШИЕСЯ В ДОНСКОМ МУЗЕЕ В НОВОЧЕРКАССКЕ.

а) Московского Архива Иностранных дел (Посольск. приказа).

67. Дела Донские.
68. „ Крымские.
69. „ Ногайские.
70. „ Турецкие.
71. „ Калмыцкие.

б) Моск. Главн. Арх. Министерства Юстиции:

72 Дела Разрядного приказа.

Г) ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ КАРТЫ:

73. Иностранные карты, изд. XIII-XVIII ст., хран. в музеях, частных коллекциях и собр. Библиотеки В. К.

Труды, вышедшие во время издания Истории Казачества, поэтому мало использованные:

1) С. Шелухин проф. Звідкіля походить Русь. Прага 1929 г.
2) Э. Хара-Давань, докт. Чангис-Хан. Белград 1929 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

Введение 3

I. Основные черты исторической жизни на Востоке Европы до образования Русского (Киевского) государства 7

II. Славяне-руссы в составе Хозарской империи 13

III. Отрыв от Хозарской империи окраин ее — среднего Поволжья и Поднепровья и образование из них самостоятельных государств. 22

IV. Образование Русского (Киевского) государства и развитие его в освещении начальной русской летописи 29

V. Вхождение Казакии в состав Русского (Киевского) государства и образование из нее (966 г.) Тмутараканского княжества . . . 37

VI. Происхождение Днепровского казачества 44

VII. Тмутараканское княжество славяно-руссов и казахов (966—1094 г.) 53

VIII. Бродницкая (казацкая) народность во время владычества половцев в степной полосе (1094—1240 г.). 57

IX. Казакия при установлении в степной полосе татарского владычества (1240—1291 г.) 62

X. Казачество в государственной системе Золотой Орды 67

XI. Донское (подонское) казачество в составе Золотой Орды . . 74

XII. Русское рыцарство и донские казаки в Куликовской битве (1380 г.) 81

XIII. Донское Казачество после Куликовской битвы и после новых движений монголов из Азии (1380—1400) 88

XIV. Киргиз-Казацкая (Кайсацкая) Орда и Казачества Востока Европы 93

XV. Донские казаки на службе Рязанского и Московского княжеств, Азова. Генуэзских колоний Крыма в XV в. 98

XVI. Поглощение Сев.-Вост. Руси Московским государством в XV—XVI ст. 106

XVII. Русская теория о происхождении и возникновении Вольного Казачества 112

XVIII. Уход новгородцев и вятчан на Волгу и Дон после разгрома их республик 118

XIX. Возникновение Вольного Казачества 121

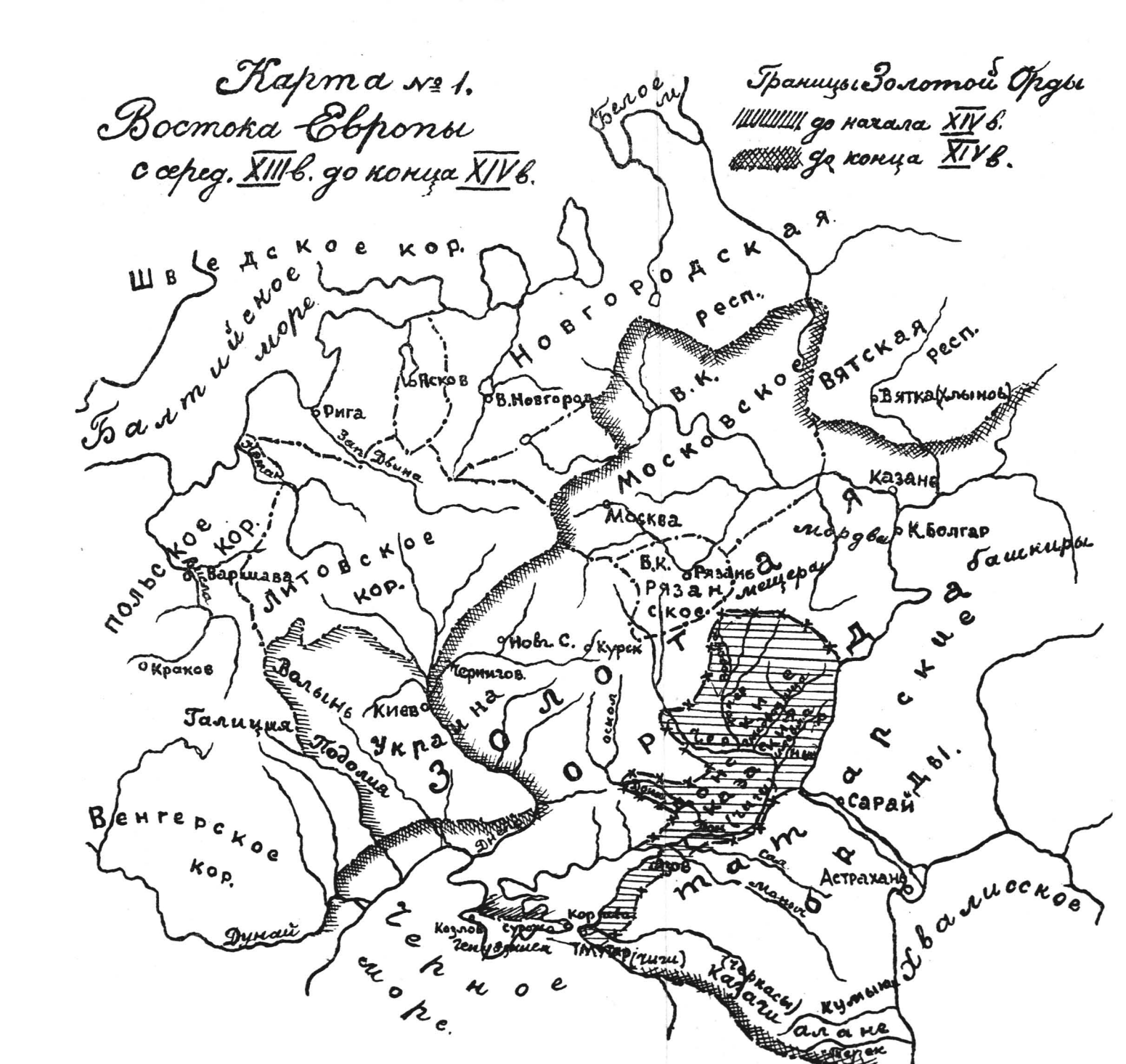
XX. Образование в Казакии республик Вольного Казачества (Донского, Яицкого, Волжского и Терско-Гребенского) 124

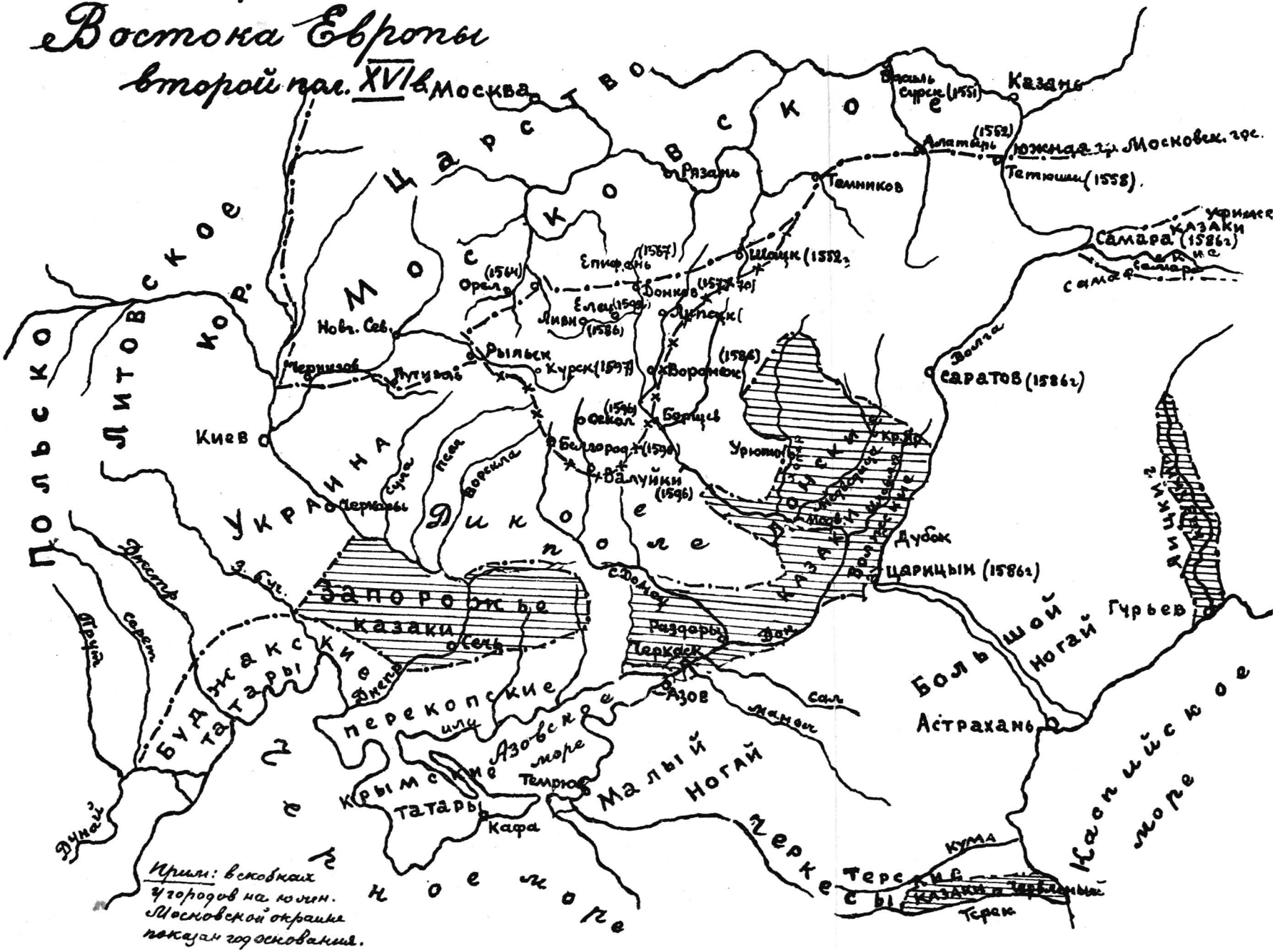
XXI. Городовое Казачество и пополнение из него Вольного Казачества 139

XXII. Основные черты бытия Вольного Казачества в период государственной независимости (1546—1671 г.). 100

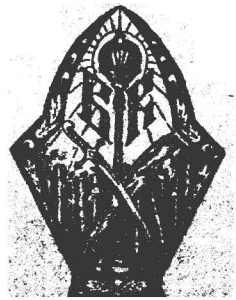
Список основных источников 999

Карты №. 1, №. 2 — в конце книги.

Карта №1.
Востока Европы
с сред. XIII в. до конца XIV в.
Границы Золотой Орды
до начала XIV в.
до конца XIV в.
Белое м.
Шведское кор.
Балтийское море
Новгородская респ.
В.К. Московское
Вятская респ.
Псков
Рига
В. Новгород
Вятка (Хлынов)
Зап. Двина
Двина
Казань
Москва
Польское кор.
Литовское кор.
Варшава
Висла
В.К. Рязанское
Рязань
мещера
мордва
К. Болгар
башкиры
Краков
Нов. С.
Курск
Чернигов
Волынь
Киев
Галиция
Подолия
Украина
ЗОЛОТАЯ ОРДА
Осколь
Сарай
Дн. Кипчакские степи
Венгерское кор.
Дунай
Дон
Азов
Астрахань
Хвалынское
Черное море
Козлов
Сурож
Тмутар(тачи)
Керчь
Кафа
(Феодосия)
Кумыки
Алане
Керкс

Карта №2.
Востока Европы
второй пол. XVI в.
Московское Царство
Польско Литовское
Дикое поле
Запорожье
Казаки
Украина
Ногайские татары
Крымские татары
Перекопские или Азовские
Черкесы
Москва
Казань
Васильсурск (1551)
Свияжск (1552)
Астрахань
Южная гр. Московск. гос.
Тетюши (1558)
Темников
Рязань
Шацк (1552)
Епифань (1567)
Донков (1577)
Орел (1564)
Елец (1592)
Ливны (1586)
Новг. Сев.
Рыльск
Курск (1597)
Путивль
Чернигов
Липецк
Воронеж (1586)
Саратов (1586г)
Самара (1586г)
Самара
Самара
Уремские казаки
Волга
Белгород (1596)
Оскол (1596)
Борщев
Валуйки (1596)
Урюпин
Дубок
Царицын (1586г)
Киев
Черкасы
Сула
Псел
Ворскла
Днепр
Днестр
Ягорлык
Буг
Дон
Сал
Маныч
Азов
Темрюк
Кафа
Керчь
Раздоры
Переволоки
Гурьев
Большой Ногай
Малый Ногай
Кума
Терек
Терские казаки
Каспийское море
Черное море
Дунай
Прилив: в вековых городов на юг. Московской окраины показан год основания.

„БИБЛИОТЕКА ВОЛЬНОГО КАЗАЧЕСТВА—ВІЛЬНОГО КОЗАЦТВА"

ЦЕНА 20 К. Ч.

Склад издания: Praha XII, Radhoštská 9, Tchécoslovaquie.
Славянское Отделение при Типографии [illegible], Praha-Strašnice, 289.